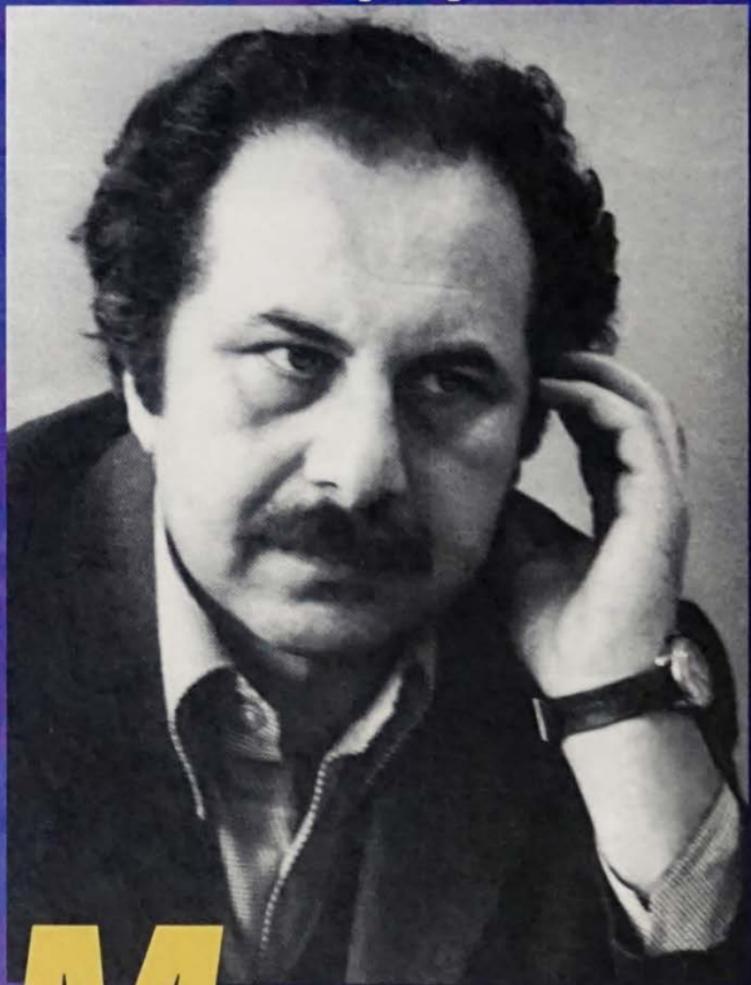

Владимир
ФАРАДЖЕВ

**МОЗАИКА
СЦЕНАРИСТА**

МОЗАИКА СЦЕНАРИСТА

ВСЬ
МИР

Владимир
ФАРАДЖЕВ

**МОЗАИКА
СЦЕНАРИСТА**

Издательство «Весь Мир»
Москва
2015

УДК 82-32, 821.161.1
ББК 84(0)6
Ф 24

Редактор: *Демьянович В.А.*

Отпечатано в России

ISBN 978-5-7777-0652-2

© Фараджев В.Л., 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Легко ли быть сестрой гения: Анастасия Цветаева	7
Лавка «деликатесов».	17
<i>Детский лепет</i> : Никита	35
Записки редактора музыкальных программ.	42
<i>Детский лепет</i> : Аня.	54
Сергей Лемешев — вечный Ленский	58
«Слышен голос Отчизны родимой...»	68
<i>Детский лепет</i> : Вася и Дина	80
Срезки	84
<i>Детский лепет</i> : Сережа и Инга	97
Бывает ли журналистика человеческой.	102
Житие на государевом дворе.	108
<i>Детский лепет</i> : Андрей	119
Пути-дороги.	124
<i>Детский лепет</i> : Кирилл	155
Страна долгожителей	158

6 Содержание

<i>Детский лепет: Гриша</i>	184
«Майская песня»	194
<i>Детский лепет: Ириша</i>	213
Любовь и поэзия	216
«Одноколыбельники»	216
<i>Марина Цветаева и Арсений Тарковский</i>	228
<i>Роман Иосифа Бродского с Вечной Женственностью</i> <i>(история одного посвящения)</i>	239

ЛЕГКО ЛИ БЫТЬ СЕСТРОЙ ГЕНИЯ: АНАСТАСИЯ ЦВЕТАЕВА

Цветаевы... Уникальный случай из истории мировой культуры, когда одна семья дарит миру целое созвездие талантов, добившихся в жизни полной самореализации. Впечатляет одно перечисление этих имен.

Иван Владимирович Цветаев — крупнейший искусствовед и филолог. Основал и подарил Москве Музей изящных искусств (ныне — Музей изобразительных искусств имени А.С. Пушкина).

Мария Александровна — его жена, замечательный музыкант из круга великого композитора-новатора Александра Скрябина. Марина, старшая дочь — великий русский поэт.

Анастасия — младшая из сестер. Писатель-прозаик, блистательный мемуарист. Именно встрече с ней, почти ровесницей XX столетия, посвящены предлагаемые заметки.

Сама Анастасия Ивановна знаменитостью себя не считала. А вот Марине, без которой невозможно сейчас представить мировую поэзию, отдавала должное. Сравнивая свой талант с даром сестры, сказала: «Марина — гений, я — просто талантливый человек, каких много».

В тени гения недолго и затеряться. Уйти в небытие незамеченным. Анастасия Ивановна не затерялась. Напротив, к старости ее известность становилась все более и более широкой. В свои девяносто пять лет, когда мы познакомились, она много писала. Издавала книгу за книгой. Очень надеялась отпраздновать столетие. Была бодрой, веселой, язвительно-остроумной, работоспособной. Популярность ее с годами только возрастала. Увы, до столетнего юбилея не хватило всего нескольких месяцев...

Первая наша встреча прошла довольно напряженно. На телевидении — на волне перестройки — запускался в производство первый документальный фильм о Марине Цветаевой. Я написал сценарий. Особое место предполагалось отвести рассказам

Анастасии Ивановны — ее комментарий к событиям, пережитым вместе со старшей сестрой.

Все поражало в этой маленькой сухонькой женщине: количество прожитых лет, неутраченная живость ума, остроумие, ясная память, физическая подвижность — вообще подвижничество Духа. Только вот участвовать в фильме Анастасия Ивановна поначалу наотрез отказалась.

— Нет — нет — нет! — воскликнула она, взмахивая руками, как крыльями. — Сниматься в кино не буду. Зачем? Все, что хотела сказать о Марине, я сказала. Если вам нужно, возьмите мои «Воспоминания» и используйте.

На все наши увещевания отвечала однозначным отказом. И поясняла:

— Мне девяносто пять. Какие в этом возрасте съемки...

* * *

Я иду с режиссером Дмитрием Деминым к дому Марины Цветаевой в Борисоглебском переулке. Впрочем, в ту пору дома как такового уже не было. Там царил полная разруха. Всех жильцов выселили, за исключением только двух человек — Надежды Ивановны Катаевой-Лыткиной и ее сына. Занимали они единственную относительно пригодную для жилья комнатуху с прихожей. Остальные были заколочены. Ступать на лестницу или проходить на кухню было опасно. В любой момент пол мог провалиться, а ступени — рухнуть. В нескольких местах из труб просачивалась вода. Под ними стояли тазы и ведра. Надежда Ивановна, однако, была настроена по-боевому. Видимо, война закалила и многому научила эту хрупкую женщину. Ее настрой на победу был очевиден. Над домом Цветаевой сгустились тучи, снос представлялся неизбежным, а она рассказывала о том, как в недалеком будущем осуществится ее мечта, и здесь будет создан музей — место па-ломничества любителей поэзии Цветаевой. Нам это тогда казалось невероятным...

Но о Катаевой-Лыткиной уже ходили легенды. Она буквально грудью заслоняла дом от строительной техники, которая крушила и утюжила целый район старой московской застройки. Настрой на победу — это уже победа... Вот и нас Надежда Ива-

новна призывала не падать духом в связи с отказом Анастасии Ивановны от съемок. И дала нам замечательный совет.

Выяснилось, что Анастасия Ивановна собирается на отдых. В небольшой эстонский городок Кясму, расположенный на берегу Финского залива, где она вот уже больше двух десятков лет подряд проводила летние месяцы. Работала и отдыхала. Надежда Ивановна уверяла нас, что в Эстонии Цветаева становится совсем другой: мягкой и доброжелательной...

Пока мы разговаривали, сын Катаевой-Лыткиной открыл дверь водопроводчику Пете. Он пришел чинить дышащие на ладан трубы. Как выяснилось, Пете очень нравился романс из фильма «Ирония судьбы»:

Мне нравится, что вы больны не мной.

Мне нравится, что я больна не вами...

Услышав, что текст написан бывшей хозяйкой этого дома, он просто не поверил. Потом растерянно спросил, знает ли Надежда Ивановна второй куплет. В ответ ему было прочитано все стихотворение. Петя заворожено слушал. И с подкупающей прямоотой предложил:

— Хотите обмен? Вы будете читать мне стихи. А я — делать вам водопровод!

В следующий мой визит к Надежде Ивановне никаких протечек в доме Цветаевой уже не было. Тогда я подумал: «Может быть, действительно красота спасет мир»?

* * *

Мы решили рискнуть и отправились в Кясму всей киногруппой. Первое, что меня «зацепило», — это диковинные для нашего слуха названия окрестных мест: Раквере, Тапа, Лахеама. Киногруппу поселили в Вызу, там было что-то вроде пансионата, окруженного небольшим ухоженным парком. Все чисто, приятно, но шел противный затяжной дождь. Похоже — не на один день...

— Как же Анастасия Ивановна проводит здесь каждое лето? — думал я, когда мы остановились у калитки домика, где она жила.

Но нам повезло. Выглянуло солнышко, и, может быть, поэтому Цветаева не отправила нас восвояси.

— У меня замечательная печь. Если холодно, можно натопить. Одна стена — ко мне в комнату, а три — к соседям, — проговорила она, заметив, что я зябко потираю руки.

Выглянув во двор и увидев весь наш телевизионный десант с полным комплектом аппаратуры, Анастасия Ивановна поначалу опешила. Молча выслушала наши обещания не утомлять ее, не слепить ярким светом и не выпытывать подробности личной жизни Марины. Мы ведь готовы записывать только то, что она сочтет нужным рассказать...

С опаской глядя на нашу технику, расставленную у крыльца, Анастасия Ивановна пробормотала:

— Экое чудище!

Приходя в себя от первого шока, она поинтересовалась:

— У меня в Москве соседскую собаку снимали для документального фильма. Так хозяйке заплатили пятьдесят рублей. А была бы собака породистой, дали бы сто. Я прохожу у вас в категории породистых или дворняг?

Мы разместились на веранде и начали съемку на фоне цветов. Анастасия Ивановна все же предупредила, что на развернутое интервью нам рассчитывать не приходится. Но довольно быстро увлеклась воспоминаниями. То ли погода способствовала, то ли ей понравились наши неуверенные улыбки, но рассказ ее делался все более вдохновенным, так что и остановить было бы трудно. Нам, впрочем, это в голову не приходило, я лишь удивлялся стремительности такого перехода...

Интересно, что «собачья» тема еще не раз возникала во время съемок. Например, когда звукооператор прицепил к кофте Анастасии Ивановны микрофон, она с иронией заметила:

— Будто на поводок посадили...

Потом, начав читать сквозь лупу стихи, Цветаева прислонилась грудью к столу, и оператор снова к ней подошел, чтобы перевесить микрофон повыше. Она тихо повторила, будто про себя:

— Как собаку... как собаку...

А вскоре ей помахала из-за калитки соседка:

— Кто там у тебя? В кои-то веки солнце выглянуло. Прогуляться бы.

— А ты не видишь, что на мне ошейник? — язвительно возразила Анастасия Ивановна.

Впрочем, недовольства в ее голосе не чувствовалось. Тогда я еще не знал, что она обожает собак. И сравнение с ними воспринимает как большую честь. Возможно, это было вызвано пониманием того, что чувства зверей не бывают фальшивыми. В отличие от человеческих...

* * *

На следующий день, когда мы снова сидели у Анастасии Ивановны на веранде, ей принесли телеграмму. Почтальон заискивающе спросил:

— Хорошая телеграмма?

— Нищий поэт просит прислать двадцать рублей. Так что для него — хорошая. Для меня — плохая. Придется послать, — с усмешкой откликнулась Анастасия Ивановна

Хозяйка домика, где жила Цветаева, возмущенно проговорила:

— Кто он такой? Зачем вы, старый человек, будете его выручать?

— У него пенсия, небось, крохотная. Как же ему жить? Мужчине да еще, наверное, курящему...

Память у Анастасии Ивановны была потрясающей. На даты, имена, подробности. Фразы точные, продуманные. Она любила длинные отступления, но при этом нить разговора никогда не терялась. Особенно мне врезался в память рассказ, связанный с ее арестом в 1937 году. Два следователя требовали признания в контрреволюции. Анастасия Ивановна только повторяла:

— Я не знаю, что это такое.

Первый следователь:

— Она витает в облаках.

Другой:

— Так мы поможем ей опуститься на землю.

Первый:

— Под землю.

Анастасия Ивановна:

— Вот там мы с вами и встретимся. И тогда вы от меня никуда не денетесь...

Я спросил, чувствует ли она до сих пор ненависть к тем сотрудникам НКВД? Анастасия Ивановна спокойно ответила:

– Значит, на то была воля Божия. Повидать другую жизнь.

Она была верующим человеком. Выяснилось, что мы посетили ее в канун Ильина дня, и она хотела бы утром поехать в церковь в Раквере. Мы предложили свои услуги, осторожно спросив, можно ли ее там снять? Анастасия Ивановна воскликнула:

– Да вы что?! В церкви!?

Мы пожали плечами:

– Ну, не в церкви, а около...

С утра я отправился в храм, надеясь договориться о съемке, а режиссер поехал за Цветаевой. Батюшка — отец Владимир — как раз «пробовал» голос... Симпатичный, молодой, все понимающий. Сразу успокоил: и свет можно поставить, и поснимать, и звук записывать. Вскоре появился режиссер, ведя Анастасию Ивановну под руку. Она как-то и внимания на камеру не обратила. Началась служба, мы тихонько работали, а в конце даже выбрали ракурс поудачнее и попросили батюшку заново зачитать поминальный список, составленный Анастасией Ивановной. Отец Владимир с удовольствием его повторил. Нас тронуло его напутствие по поводу фильма:

– Да поможет вам Бог...

* * *

Трагизмом отличалась судьба не только старшей из сестер Цветаевых. В молодости довелось и Анастасии Ивановне пройти через страшное испытание. Ей было лишь двадцать два, когда умерли ее муж и младший сын. Воспитывая двух внуков, Анастасия Ивановна держала их в черном теле. По словам Ольги, у бабушки был суровый мужской характер. Зато уже в раннем возрасте девочки говорили на нескольких языках. Хорошо ориентировались в литературе, музыке, живописи. Все свои гонорары Анастасия Ивановна тратила на них. Возила отдыхать в Прибалтику. Делала дорогие подарки. Себе ничего не оставляла... В чем-то бывала даже жестока. Особенно, когда речь шла об опасности и о желании защитит. Это оборачивалось семейным деспотизмом. Вообще, упорство и доброта — два качества, которые по крайней мере на тот момент доминировали в характере Анастасии Ивановны.

Конечно, временами ее возраст давал о себе знать. Старый человек порой навязчиво стремится кого-то поучать и опекать. То есть пытается приносить пользу... Один из дней нашего пребывания в Эстонии мы решили посвятить дальнему путешествию в Пюхтицкий женский монастырь. Анастасия Ивановна обрадовалась возможности туда попасть и, готовясь к поездке, собрала гостинцы живущей в тех краях приятельнице: баночку сахара, пачку чая, несколько кусков хлеба, масло в кружке, кусочек сыра, печенье. Пристально следила, чтобы мы ничего не оставили на столе, множество раз переспрашивала: где зеленая сумочка, и положили ли в нее коричневую, и не забыли ли стянутый резинками пакетик...

Дорога оказалась долгой и утомительной, хотя, надо признать, очень красивой — вдоль лесов и полей, за которыми виднелись хутора с аистами на крышах. Странное дело, Цветаева переносила поездку не хуже нас, несмотря на то что были мы вдвое моложе. Но самое удивительное началось уже после посещения монастыря. Анастасия Ивановна выразила желание испуститься в святом источнике и настоятельно порекомендовала нам последовать ее примеру. Местные говорили, что температура воды там не превышала шести градусов. Моросил нескончаемый дождь. Я отчаянно надеялся, что Анастасия Ивановна все-таки шутит — в конце концов, мы уже почти привыкли к ее легкой ироничности... Нет, она была настроена серьезно. И погрузилась в воду. А мы растерянно пытались сообразить, как себя вести. Не то чтобы боялись, будто она начнет нас презирать за малодушие. Но к такому подвигу ведь необходимо морально подготовиться... Впрочем, не заключался ли секрет ее долголетия в бесстрашной вере и упорстве? И кому не хотелось бы дожить до девяноста пяти, оставаясь в такой форме? В общем, мы решились. И остались живы.

Анастасия Ивановна чувствовала себя великолепно. Хотя и на обратном пути произошло кое-что непредвиденное. Дороги в Эстонии были получше, чем в большинстве советских республик, но страна все же оставалась единой. Так что мы застряли в глубокой размокшей колее. Водитель, глядя на огромную лужу перед собой, не решался давить на газ. Идущая навстречу монашка приблизилась к машине, чуть склонилась к приоткрытому окну и воскликнула:

— Чего испугались, мужики? Езжайте. Вон сколько вас, ну-жели не выберетесь? Мы, женщины, сколько раз свою-то вытл-кивали... Боитесь испытаний.

— Это уже не испытания, а приключения, — пробормотал режиссер.

Монашка усмехнулась и сделала вид, что собирается при-поднять машину за бампер. Тут нам снова стало неловко, и мы, наконец, зашевелились. Даже Анастасия Ивановна выбралась на обочину. При помощи монашки — Любы — мы преодолели наиболее опасный участок, но у всех промокли ноги. Анастасия Ивановна, снова устроившись на сиденьи, стянула туфли и деловито принялась оборачивать ступни газетой. Кто-то спросил:

— Где Вы этому научились?

Я подумал: опыт семнадцати лет, проведенных в Сибири.

— Я же старая конькобежка, — откликнулась Цветаева. — Знаю, как согреть ноги...

Мы заехали на хутор к знакомой художнице, для которой Анастасия Ивановна столь тщательно собирала угощение. Нам открыла дверь женщина на костылях, закутанная в каракулеву шубу. Глаза ее подозрительно блестели.

— Сегодня я молилась, чтобы Господь послал мне хоть одного мужчину, а тут — сразу пять! Это мне за мои молитвы. Проходите...

Художница оказалась шумной и, похоже, не совсем вменяемой. Размахивая костылями, демонстрировала картины, занимающие все стены.

— Как вам моя сирень? А портрет этой девочки? Я работаю крупно... А это — мой меценат. Подарил мне, вот, шубу... Мы собираемся пожениться.

— Сколько ему? — с подозрением спросила Анастасия Ивановна.

— Тридцать два.

— Если бы он хоть вдвое моложе тебя был, — ответила Цветаева без особого восторга. — Пришли его ко мне. Я с ним поговорю.

— Ты меня не одобряешь? А ты им про меня рассказывала? Я ведь тринадцать лет была регентом монастырского хора. У меня контральто, редкий голос. Назовите любой романс или арию, можете и мужскую... Вот, хотите Мазепу...

Она начала петь. Красиво, но жутковато...

К моему удивлению, Анастасия Ивановна очень за нее переживала, приняв всерьез разговоры о предстоящем замужестве, и несколько раз на обратном пути принималась ругать известного мецената, который конечно же обманет бедную женщину...

* * *

Незадолго до поездки к Анастасии Ивановне в Кязму я случайно узнал, что существует запись съемки, сделанной 31 мая 1912 года на открытии московского Музея изящных искусств, основанного И.В. Цветаевым. Марине было тогда девятнадцать, Анастасии — шестнадцать. Конечно, наша группа загорелась идеей показать эту хронику Анастасии Ивановне и снять ее реакцию. Раздобыть пленку оказалось делом непростым, во всех архивах нас «отшивали», утверждая, что запись не сохранилась. Наконец, выяснилось, что находится она в спецхране, расположенном в Белых Столбах. Нам удалось сделать копию, и мы взяли ее с собой в Эстонию...

В Раквере недавно как раз открылся видео-бар, в котором можно было устроить просмотр хроники и съемку Анастасии Ивановны. В последний день нашей командировки мы договорились с директором и приехали туда пораньше, когда народа собиралось немного. Лишь где-то в углу завтракала молодая парочка. Цветаева села поближе к экрану, со зрением у нее уже были проблемы. Появилось изображение: подъезжающая карета с великими княжнами в белых воздушных одеяниях. В другой карете — сам государь. Потом побежали кадры, снятые уже в самом музее — Иван Владимирович в расшитом золотом вицмундире, проходящий с «высочайшими гостями» по залам...

— Папа... — шепчет потрясенная Анастасия. Ивановна. — Это же его Музей! Да, да все в белом... Где-то там наши мужья... Музей ведь — наш «колоссальный младший брат».

Больше она не проронила ни слова, пока хроника не закончилась.

Вечером мы снова собрались у нее на веранде. Анастасия Ивановна оставалась в хорошем настроении. Великолепно прочла несколько стихов. Рассказала случай про старуху из «бывших».

Ей, девятилетней, добавили срок — еще десять лет лагерей. Та прокомментировала новый приговор так:

— Ну, что ж, раз правительство велит, придется пожить еще...

Настало время прощаться. Мы сфотографировались. После чего Анастасия Ивановна каждого из нас перекрестила и произнесла:

— Да хранит вас Господь.

Добавлю, что в ходе работы над фильмом мы столкнулись с проблемой, которую поначалу недооценили. Дело в том, что в Советском Союзе на тот момент информация о связях Сергея Эфрона (мужа Марины Цветаевой) с НКВД еще не стала достоянием общественности. Об этом в интервью упоминала жившая в Париже Вероника Лосская — известная исследовательница творчества Цветаевой. Но одна из консультанток, от которой зависело, выпустят ли фильм в прокат, наотрез отказывалась «давать добро», незастыливо объясняя свою позицию:

— Мне не нужны лишние проблемы.

Решающим оказалось слово Анастасии Ивановны. Она, с присущей ей жесткостью, помогла убедить руководство телевидения в необходимости придерживаться исторической правды. Именно благодаря ей фильм удалось отвоевать, и он занял первое место в своей категории на Всесоюзном кинофестивале в Душанбе.

ЛАВКА «ДЕЛИКАТЕСОВ»

Как-то в Доме творчества кинематографистов «Матвеевское» я оказался за одним обеденным столом с замечательным артистом Зиновием Гердтом. Незадолго до этого он блистательно сыграл роль Паниковского в «Золотом теленке» по Ильфу и Петрову. Я решился спросить у Гердта, почему он, поистине великий актер, так редко появляется на экране. Гердт загадочно улыбнулся и грустно сказал:

— Ведь Гердт — это деликатес...

Сам ответ показался мне подлинным деликатесом.захотелось порыться в памяти, вспомнить нечто подобное, услышанное от других известных людей. Ведь долгожитель — это человек, у которого много воспоминаний. А они очень полезны, эти воспоминания, потому что помогают лучше разглядеть, понять, оценить сегодняшнюю реальность.

Так сложилась моя лавка «деликатесов».

* * *

«Неоконченная симфония» — так значился в планах Центрального телевидения фильм-спектакль, посвященный жизни и творческой судьбе великого австрийского композитора Франца Шуберта. Я написал пьесу, а ставить ее пригласили режиссера Геловани, сына знаменитого артиста, бессменного исполнителя роли великого вождя народов Иосифа Сталина. По слухам, Геловани-старший был даже двойником Сталина, принимал с трибуны Мавзолея праздничные парады и демонстрации.

Молодой Геловани производил впечатление человека страстного и очень подвижного. При знакомстве спел мне «Аве Марию» Шуберта, в двух словах рассказал свое видение будущего спектакля, забрал у меня всю литературу, которую я раздобыл по библиотечкам, и исчез. Сначала на три дня. Потом еще на два... Редактор мне объяснил, что режиссер углубился в изучение материала.

Но у редакции был план производства, от выполнения которого зависела квартальная премия сотрудников. Поэтому режиссера Геловани стали поторапливать. Свободолюбивому грузину, сыну двойника самого Сталина, это, видимо, не понравилось. На следующий день он снова не вышел на связь. И через день — тоже. А потом и вовсе выяснилось, что Геловани пропал. Испарился. Пошли слухи, что он спел «Аве Мария» какой-то залетной красавице и та увлекла темпераментного грузина в свои романтические дали. Так или иначе, но на телевидении Геловани больше не появился. Исчез навсегда. Вместе со всеми библиотечными книгами.

Выручая редакцию, за постановку взялся главный режиссер музыкального телетеатра Александр Гладышев. Времени на размышления не было, и Гладышев решил делать ставку на громкие актерские имена. Сходу утвердил на одну из главных ролей Владимира Зельдина. Пригласил Аллу Покровскую... Казалось, дело сдвинулось. Неожиданная загвоздка вышла с исполнителем главной роли — Франца Шуберта. Бедная Галя Иваницкая, ассистент по актерам, с ног сбилась в поисках подходящего кандидата. Молодого, но уже достаточно известного. В конце концов она настояла на том, чтобы режиссер обратил внимание на одного театрального «мальчика».

— Он очень талантлив, — уверяла Иваницкая Гладышева. — А то, что нигде не снимался, ни о чем не говорит...

Отступить было некуда, и Гладышев согласился.

Спектакль снимался в сжатые сроки. Актеры работали вдохновенно и с удовольствием. Наконец все было готово. В течение нескольких лет спектакль неоднократно показывали то на одном, то на другом канале.

За это время «Неоконченная симфония» удостоилась престижной премии на фестивале в Чехословакии, а исполнителя роли Шуберта с нашей легкой руки стали приглашать и другие режиссеры. С тех пор он сыграл множество замечательных ролей. Не стану их перечислять. Назову лишь имя артиста. Это Александр Калягин.

* * *

Поднимаюсь как-то в Останкинском телецентре на свой шестой этаж. В лифте, кроме меня, Игорь Кириллов — умный,

интеллигентный, деликатнейший человек. Подлинная звезда нашего телевидения.

Выхожу на шестом этаже. Задумавшийся Кириллов машинально выходит за мной.

Когда двери лифта захлопываются, он вдруг обнаруживает, что оказался не там, где надо.

— Это какой этаж? — сердится он, оглядываясь.

— Шестой.

— Зачем же я вышел? — Кириллов в сердцах хлопает себя по лбу. — Ну дурак! Ну идиот! Ну кретин!

— Зачем же так сурово? — мягко говорю я, пытаюсь успокоить хорошего человека.

Кириллов перебивает:

— А вы не вмешивайтесь. Мне лучше знать, с кем я имею дело!

* * *

Аркадий Райкин... Кто из нас, современников великого артиста, не восхищался его уникальным даром перевоплощения, способностью за один вечер сыграть на сцене целую галерею остросатирических персонажей, пародирующих нашу реальность? Поражали виртуозность, необыкновенная легкость, с какой творилось на наших глазах это актерское чудо. Мало кто, однако, догадывался, какой ценой давался артисту его грандиозный успех.

В этой связи вспоминается одна история.

Начало 1980-х. Аркадий Райкин уже перешагнул порог своего семидесятилетия. Но, несмотря на возраст, он продолжает выступать. Успех, как всегда, оглушительный. Раздобыть билетик «на Райкина» считается большой удачей. Нежданно-негаданно мне предлагают два билета в райкинский Театр миниатюр. Спектакль через неделю. Для меня это очень удобно. Как раз на эту неделю у меня забронирована путевка в Дом творчества кинематографистов «Матвеевское». Все складывается удачно. Неделю я провожу в «Матвеевском», работаю над сценарием, а в воскресенье мы с женой идем «на Райкина»...

В «Матвеевское» я попал к самому ужину. Успел разложить бумаги. Водрузил на стол пишущую машинку. Умылся. И по-

спешил в столовую. В это же время из смежного номера вышел сосед. Я увидел его со спины. Он показался мне очень пожилым человеком. Немошнний, согбенный, с дрожащими руками... Видно было, как безуспешно пытается он справиться с дверным замком.

Я поспешил на помощь. Обойдя мужчину, я вдруг увидел его лицо. Боже мой! Да это же Аркадий Райкин! Вот так встреча... Меня пронзила щемящая жалость к этому великому человеку.

— Вам помочь? — робко спросил я, боясь показаться навязчивым.

— Пожалуйста... — едва слышно промолвил Райкин, отдавая мне ключ.

Я запер дверь. Успел заметить, как продолжает дрожать его рука, опуская ключ в карман пиджака. Медленно, семенящими шажками, Райкин направился к лифту. Я шел рядом, готовый в любой момент его поддержать. Никаких слов, пока мы спускались в столовую, сказано не было. Я понял, что Райкин к общению не расположен. Навязывать же ему свою помощь я не решался.

Мучила одна мысль: «Через неделю у этого человека спектакль... Целый вечер на сцене. Возможно ли это?»

В столовой Райкин направился к своему столику. Меня же посадили за соседний. В последующие дни, встречаясь с Райкиным, я с горечью отмечал, что состояние его не улучшается. Те же немощь, беспомощность, замедленность всех реакций. Человек с трудом поднимал ложку. С трудом орудовал вилкой. Дверной замок по-прежнему был для него непреодолимым препятствием. Я старался подгадать, чтобы наши выходы в столовую совпадали. Как только раздавался стук соседней двери, я выходил, и Райкин безропотно отдавал мне свой ключ. А я радовался, что могу хоть чем-то ему помочь.

Разговаривая с женой по телефону, предупредил ее, что спектакль, которого мы с нетерпением ждем, может не состояться. Жену это так огорчило, что она решила позвонить в театр, справиться о возможной отмене. Ей ответили, что никаких сведений на этот счет пока нет. Но все возможно...

В день отъезда мне захотелось еще раз повидать Аркадия Исааковича, попрощаться с ним. Но к завтраку он не вышел. Вечером того же дня мы с женой отправились в театр.

Признаюсь, я шел туда без всякой надежды. Ломал голову: как может человек в таком физическом состоянии, как Райкин, выйти на сцену?

Я ошибся. Райкин не вышел, он буквально взлетел на подмостки. Легкий, элегантный, прекрасно владеющий своим телом... Голос звучит задорно, даже задиристо. Глаза блестят. Никакой немощи, никакой хвори... Зрительный зал дружно реагирует на каждую реплику своего любимца хохотом и аплодисментами. Новая реплика. И снова взрыв хохота и буря аплодисментов. Я оглядываю зал, смотрю на Райкина и вдруг отчетливо начинаю осознавать, что сейчас на моих глазах происходит чудо. Подлинное чудо перевоплощения. Нет, не артиста Райкина, блистательно играющего то одну, то другую роль, а Райкина — человека. Вполне земного, уязвимого, подверженного всевозможным недугам. Но способного превращаться в мифического героя, преодолевающего само Время... На секунду мелькнуло сомнение: та неделя в «Матвеевском» и тот Райкин — не сон ли? Не мираж?.. Нет, и гром рукоплесканий, и раскланивающийся Райкин на сцене свидетельствовали, что все происходящее — реальность. Мне показалось, что именно в тот момент я вдруг уловил подтекст райкинского спектакля, скрытый в его названии, — «Волшебная сила искусства»...

* * *

Звездный час московского журналиста Павла Барашева совпал с триумфом первого полета человека в космос. Именно Барашев сопровождал Юрия Гагарина во всех его поездках по странам и континентам. Репортажи и фотоснимки Барашева не сходили со страниц советской и зарубежной печати. Знаменитое фотоизображение — Гагарин с белой голубкой на руках — обошло все мировые издания.

В поездках Гагарина телеоператоры не участвовали. Не было тогда портативной техники. Да и вообще телевидение в ту пору всерьез не воспринималось. Приоритет был за журналистами, кинохроникой. В свите первого космонавта, однако, кинодокументалистов тоже не оказалось. Кто-то из них попросил Барашева взять с собой кинокамеру, поснимать самому. Поначалу Павел отнекивался. Но предстояла новая грандиозная встреча. Юрия

Гагарина ждали в Америке. Белый дом... Президент Кеннеди... Ну как не заснять такое событие! И Барашев решился. Его научили обращаться с «Конвасом». Объяснили, что это любимая камера фронтовых кинооператоров — надежная, неприхотливая.

Наконец наступает долгожданная встреча. В Белом доме — море корреспондентов. Пресса. Телевидение. Кино. И среди них наш Павел Барашев.

Появляются Юрий Гагарин и Джон Кеннеди.

Барашев нацеливает на них свой «Конвас». Включает мотор... и тут же оказывается в железных объятиях дюжих парней из президентской охраны.

— В чем дело, ребята?

Оказывается, наш фронтовой «Конвас» строчит не хуже станкового пулемета. На фоне бесшумной кинотехники иностранцев он выглядит угрожающим монстром. Но это еще не конец истории. Кусочек киноплёнки, отснятой в Белом доме, Барашев все-таки проявил. Это был откровенный брак. Смазанное лицо Кеннеди, какой-то неестественный ракурс...

Мог ли кто предположить, что и этот снимок Барашева будет когда-нибудь востребован?

В 1963 году мир облетело трагическое известие о гибели Джона Кеннеди. Экстренные сообщения о покушении на президента США сопровождались его фотографиями, чаще всего, официальными. И тут Барашев извлек из архива свой старенький снимок — смазанное лицо Кеннеди, неестественный ракурс... В контексте случившейся трагедии снимок выглядел вполне достоверным. То есть мог сойти за фотодокумент очевидца. И когда он был опубликован, никто из читателей не усомнился, что видит американского президента в момент роковых выстрелов в Далласе.

И только коллеги Барашева разводили руками: как это Павлу удалось в 1961 году запечатлеть то, что произошло в 1963-м?

* * *

Писатель, известный мастер детектива, Эдуард Хруцкий принес редактору Киностудии имени Горького заявку на сценарий. Его появление совпало с моим пребыванием в том же кабинете и по тому же поводу. Время было обеденное, и Хруцкий широ-

ким жестом пригласил нас в шашлычную благо от киностудии до шашлычной на ВДНХ пять минут ходу.

- Есть повод, – загадочно сообщил Хруцкий.
- Написал новую книгу? – спросил редактор.
- Орден получил, – похвастался Хруцкий.
- Какой?
- А вот отгадайте!
- Орден Ленина! – начал я с самого верха.
- Нет.
- Дружбы народов?
- Нет.
- Ну, не Славы же трех степеней! – воскликнул редактор.
- Ладно, – снисходительно сказал Хруцкий. – Я – кавалер

высшего ордена Эфиопии!

Видя наше недоумение, он уточнил:

- За личный вклад в советско-эфиопскую дружбу!

В чем состоял этот вклад, Хруцкий не объяснил. Начав с ближайшей шашлычной, к вечеру мы добрались до дома Хруцкого.

Признаюсь, наше вторжение не очень обрадовало его жену. На предложение обмыть орден мужа она скептически отмахнулась:

- Что обмывать-то? Брак монетного двора?

Оказалось, что эфиопские ордена чеканят в Москве. Бракованную продукцию, а такое случается и с орденами, тоже используют с умом. Вручают нашим деятелям искусства, ученым. Расширяя тем самым круг общения эфиопских дипломатов с советской элитой. Жена Хруцкого всерьез такую акцию не воспринимала.

– Ничего ты не понимаешь, – втолковывал Хруцкий своей несговорчивой половине. – Бракованный орден дороже настоящего. Это же раритет! Мечта коллекционера...

В заключение он пообещал:

– Вот повезу тебя в Эфиопию, там ты, наконец, поймешь, какой знаменитый у тебя муж!

* * *

Первый сценарий для большого кино я сочинял вместе с режиссером Одесской киностудии Мишей Терещенко. Сценарий, собственно, был им уже написан, но Госкино его не утвердило.

Ситуация в Одессе складывалась плачевная. Срывался план производства фильмов. Углывала квартальная премия... Срочно требовался доработчик, который довел бы отверженное произведение «до ума». На студиях подобная практика не редкость. Обычно дорабатывается литературный сценарий. Хуже, когда под чужие ножницы попадает готовый, уже отснятый фильм. Маститые авторы, как правило, за такую работу не берутся. Своей хватают. А вот начинающая молодежь не всегда оказывается на высоте. В поисках доработчика одесситы вышли на ВГИК. Кто-то из педагогов порекомендовал меня. Трудно представить гордость студента-дипломника, которому предложили включиться в работу над большим фильмом! Меня не смущало, что сценарий практически нужно переписывать заново. Не беспокоило и то, что героями ленты были карпатские плотогоны, о которых я не имел ни малейшего представления. К счастью, режиссер оказался человеком бывалым, сведущим и к тому же без лишних амбиций.

Мы быстро сработались и через неделю героических усилий (без сна, на одних бутербродах и кофе) представили в Госкино новый вариант сценария. Через два дня пришел ответ — сценарий запускается в производство.

Все дальнейшее было похоже на рождественскую сказку. Приглашение в Одессу... Заключение договора... Обсуждение кинопроб... Почетное звание «автор», к слову которого прислушиваются известные артисты... Где-то, совсем недалеко, маячила кульминация сказки — долгожданный день первого гонорара. Не стану кривить душой, именно этого дня я ждал больше всего. Еще в Москве мне была обещана кругленькая сумма — тысяча рублей. Деньги по тем временам немалые. Для сравнения, моя студенческая стипендия составляла 28 рублей в месяц. Планы на гонорар были большие. Мне давно хотелось снять комнату и съехать из общежития. Пора было обновить старый, замызганный гардероб. И, вообще, хоть изредка иметь возможность вкусно поесть. От радужных надежд голова шла кругом. Но с их реализацией почему-то началась заминка. На киностудии меня сразу предупредили — деньги «запаздывают». Гонорарный фонд исчерпан. И нужно набраться терпения.

Дней пять я послушно ждал. Потом стал робко заглядывать в окошечко кассы. Усатая кассирша в меховом жилете прокуреным голосом повторяла одно и то же:

— Денег в наличии нет.

— А когда будут?

Я все-таки надеялся получить вразумительный ответ. Вместо этого услышал:

— Или вы думаете, что я Вольф Мессинг?

Она иронизировала, называя имя знаменитого мага. Но мне было не до шуток. Деньги, с которыми я приехал в Одессу, заканчивались. Еще день-два, и мне буквально не на что будет позавтракать.

Последний раз я подошел к кассе накануне отъезда. Увидев меня, кассирша пожала плечами: мол, ничем не могу помочь.

— Получите по почте, — сказала она. — Целее будут.

Меня сковала полная безысходность. Сказка оборачивалась убийственным ощущением собственной беззащитности. Неумением постоять за себя. Элементарным обманом...

Чем я мог ответить на такую обиду?

Я выбрал гордость уязвленного самолюбия. И — демонстративный уход.

— Молодой человек! Вернитесь...

В голосе, прозвучавшем мне вслед, улавливались интонации дружеского участия.

Оборачиваюсь. На пороге своего кабинета стоит главный бухгалтер. Это он, плешивый черт с глазами навывкате, предупредил меня, что гонорарный фонд исчерпан.

— Наверное, молодой человек впервые на студии, — по-отечески ласково произнес главбух. И тут же упрекнул: — Ну разве так просят? Вот до вас у меня побывал Григорий Поженян. Тоже сценарист. Знаете такого?

Еще бы! Легендарная личность! Герой войны! Бок о бок сражался с самим Леонидом Ильичом Брежневым.

— Так вы знаете, что сделал Гриша Поженян, когда услышал, что денег на студии нет? — с усмешкой произнес главбух. — В ответ на отказ он схватил меня за горло и стал душить. — Хорошенькое дело, душить главбуха... — Софа! — без всякого перехода крикнул мой собеседник в окошечко кассы, которая находилась как раз напротив его кабинета. — Выдай молодому человеку сто рублей!

Остальные деньги я действительно получил по почте. Чудесное совпадение — они пришли, как по заказу, накануне моей свадьбы! Воистину, что ни делается — все к лучшему!

* * *

До того, как был построен Телецентр в Останкино, все наше телевидение ютилось в нескольких четырехэтажных корпусах на Шаболовке. Там, в частности, создавалась любимая народом «Кинопанорама».

Постоянный режиссер, постановщик передачи Ксения Маринина, снимает сюжет о Владимире Маяковском. В съемках принимает участие знаменитый мхатовский актер, народный артист, имя которого известно всей стране. Рассказывая о встречах с поэтом, он вспоминает поэму «Владимир Ильич Ленин». По-театральному, с пафосом, читает знакомые строки:

Мы говорим Ленин, подразумеваем — партия.
Мы говорим партия, подразумеваем — Ленин...

После чего вдруг оборачивается к камере и, глядя прямо в объектив, насмешливо заявляет:

— Вот так всю жизнь. Говорим одно — подразумеваем другое.
— Хорошо, что снимали на пленку, — с ужасом вспоминает Маринина, — можно вырезать. А если бы шла живая трансляция?

* * *

Когда открылся Останкинский телецентр, жизнь там была поставлена на широкую ногу. Новое оборудование. Новые просмотровые залы. Особенно поражал воображение открытый наряду со столовой роскошный ресторан. С низкими ценами и умопомрачительным разнообразием спиртных напитков. Так что в обеденный перерыв можно было оттянуться по полной программе.

Однажды в разгар рабочего дня в останкинском лифте оказались председатель Гостелерадио Месяцев и представитель рабочего класса — слесарь-водопроводчик. Последний был здорово подшофе. Месяцев сделал ему замечание. На что получил полноценный ответ — рабочий класс послал министра на три буквы.

— Да как вы смеете! Я председатель Гостелерадио!
— Подумаешь, цаца, — с этими словами водопроводчик взялся за поля председательской шляпы и натянул ее ему на нос.

Первое, что сделал Месяцев, поднявшись к себе на десятый этаж, — издал указ о закрытии ресторана.

С этого дня программы Гостелерадио несколько потускнели...

* * *

«Чапаев» — так назывался фильм, на котором выросло не одно поколение наших мальчишек. Нужно было видеть, какой ажиотаж царил в кинозалах, когда конница легендарного комдива громила белогвардейцев. Но самый большой накал страстей наступал, когда Чапаев, уходя от погони, переплывал реку Урал... Он ранен... Доплывет ли?..

Ребятня, заполнявшая зал, громкими возгласами поддерживала своего кумира. Казалось, еще совсем немного, и раненный Чапаев дотянет до противоположного берега. Но когда вражеская пуля все же настигала героя, и воды Урал-реки смыкались над его головой, в зале наступала гнетущая тишина.

Однажды, после очередного просмотра, в наступившей тишине прозвучал мальчишеский голос:

— Завтра опять пойду.

— Зачем? — возразил взрослый, мужской. — Ты уже третий раз смотришь этот фильм!

В ответ — тот же мальчишеский голос и вздох надежды:

— А вдруг завтра выплывет?!

* * *

Получаю предложение — нужен сценарий для заказного фильма. Заказчик — Госавтоинспекция. Тема — безопасность движения. Понимаю свою задачу так: показать поведение человека на дороге. Почему он теряет бдительность? Почему становится жертвой? Наверное, все начинается с душевного состояния. Что у него на сердце? Какие житейские проблемы? Семейная ли драма? Обида?

На другой день — встреча с консультантом. Моложавый, сияющий благополучием полковник милиции вручает мне аннотацию на будущий фильм. В ней сформулированы пожелания заказчика.

— Это вам для работы, — уверенно говорит полковник. — Болванка мыслей.

Ага, думаю, вот чем я занимался накануне — ковал свою болванку мыслей...

Кстати, первый опыт сотрудничества с ГАИ был оценен серебряной медалью международного фестиваля в Югославии. А через год там же был представлен новый наш фильм. Увы, ему суждено было стать жертвой типичного советского жлобства. Ради экономии наш представитель был командирован на день позже установленного срока. Поэтому фильм включили только во внеконкурсную программу.

После торжественного закрытия фестиваля председатель жюри выразил свое сожаление. Оказалось, что наш фильм неофициально был признан лучшим, и если бы не опоздание... Впрочем, после драки кулаками не машут.

* * *

Забавный случай произошел во время работы над сценарием учебного фильма для той же милиции. Моим соавтором стал сам начальник дежурной части МВД страны. Требовалось показать работу этого подразделения. Встречались мы, как правило, по вечерам у него в кабинете. Однажды к нам ворвался дежурный офицер.

— Министр! — сходу выдохнул он.

Мой соавтор вскочил и быстро направился к двери. Кивнул в сторону пепельницы:

— Убрать!

В ней была гора окурков, густо засыпанных пеплом. Дежурный подполковник резким движением выдвинул ящик письменного стола и опрокинул туда все ее содержимое. Краем глаза я успел заметить стопку документов с грифом «Совершенно секретно». Еще мгновение, и ящик стола задвинут на место.

Появление министра все равно что разбуженный вулкан. А где вулкан — там и пепел.

* * *

Дом ветеранов кино.

Объявление в стенгазете:

«Меняю склероз на моральную неустойчивость».

И — подпись девяностолетней народной артистки.

* * *

Известный немецкий кинопродюсер Герберт Элер заправлял финансами крупнейшей в ГДР киностудии «ДЕФА». Однажды, находясь у него в гостях, я поинтересовался, как ощущает себя человек, имеющий возможность распоряжаться миллионами. Равнодушен ли он к деньгам? Испытывает ли страх? Или, может быть, чувствует себя на седьмом небе от счастья?

— Нет... — мой бывший однокашник по ВГИКу тяжело вздохнул. — Деньги не приносят счастья. Но они очень успокаивают.

* * *

Глухие брежневские времена. Расцвет «застоя». Руководство Гостелерадио из кожи лезет, чтобы создать в стране атмосферу праздника и оптимизма. В эфире звучат бодрые марши. Победные песни. На телеэкране — полные юмора «голубые огоньки»... Утреннее радио будит советских людей веселой передачей, которая называется «Опять двадцать пять!» Составленная из коротких юморесок, анекдотов, баек, она была призвана вселить в людей заряд бодрости и хорошего настроения. Признаюсь, иногда и мне удавалось подработать на этой благодатной ниве. Работа, в общем-то, плевая, но платили за нее вполне прилично. Увы, эта синекюра неожиданно лопнула. Громом среди ясного неба грянул приказ высокого начальства — передачу закрыть!

Сотрудники редакции были в шоке.

Вскоре выяснилось — приближается очередной съезд КПСС. По роковому совпадению — двадцать пятый. Событие эпохальное. А тут каждое утро по радио всякая чепуха, да еще под тем же номером: «Опять двадцать пять!»

Иронический подтекст очевиден! Более того, это не просто насмешка. Это звучит как заговор вражеских спецслужб! Немедленно прекратить надругательство!

Слава Богу, вовремя спохватились...

* * *

Вся советская киноиндустрия выпускала примерно сто полнометражных лент в год. С вводом Останкинского телецентра

предполагалось это количество удвоить. Перед кинематографистами открывались широкие перспективы. Тогда-то и родилась крылатая фраза: «Останкино — оставь кино».

В самом начале 1990-х «Останкино» рухнуло, разделив участь всего Советского Союза. В этой ситуации возникла новая игра слов: «Останкино — останки кино».

* * *

Однажды в Бакинском зоопарке случилась трагедия. При родах погибла львица. Появившееся на свет крохотное беспомощное существо без материнской заботы было обречено на гибель. Каким-то чудом весть об умирающем львенке дошла до бакинца Берберова. И он уговорил директора зоопарка отдать львенка ему.

Семья Берберова — жена и двое детей — с большим энтузиазмом взялась выхаживать несчастного малыша. Двадцать четыре часа в сутки львенок находился под их неусыпным вниманием. Сначала его кормили из соски молочком. Потом, когда львенок подрос, перешли на мясо... Львенку дали звучное имя — Кинг. Действительно, из маленького заморыша он на глазах превращался в настоящего царя зверей. Спустя год это был уже могучий красавец с гордой осанкой и роскошной гривой. А благородный характер вполне отвечал его королевскому происхождению.

Берберовы души не чаяли в своем воспитаннике. Хотя и тесновато было в городской квартире, но они не жаловались. Специальным распоряжением бакинских властей Кингу выделили необходимое содержание. Предлагали переселить в зоопарк, но Берберовы не захотели расставаться с любимцем. Ведь Кинг за это время стал полноправным членом семьи. Известность Берберовых, у которых жил и воспитывался настоящий лев, росла день ото дня. Как и следовало ожидать, вскоре в их квартире появились киношники. Московский режиссер Бромберг задумал снять художественный фильм о приключениях льва. Известный писатель Юрий Яковлев подготовил сценарий.

Жизнь Кинга с этого времени резко изменилась. Из Баку его перевезли в Москву. Поселили на даче писателя Яковлева. По сравнению с тесной городской квартирой здесь для Кинга

был настоящий рай. Лев любил прогуливаться по большому участку, всласть купался в зеленой траве, оглашая окрестности могучим рыком. Все было хорошо. Но буквально за несколько дней до начала съемок произошло несчастье. Случайный прохожий, а им, как назло, оказался милиционер, увидел за дачным забором рычащего зверя. Блюститель порядка ничего не знал о Кинге. Не знал и про фильм, в котором тот должен был сниматься. Решив, что это беглец из какого-нибудь зоопарка или цирка, очень опасный для окружающих, милиционер поспешил проявить бдительность. Он вынул из кобуры пистолет и выстрелил в Книга.

Красавец Кинг был убит. А милиционер оправдан.

Льва похоронили на территории дачи, где он провел последние дни своей неудавшейся жизни.

Ни режиссер Бромберг, ни писатель Яковлев отказываться от фильма никак не хотели. Погоревав вместе с Берберовыми, они предложили им взять на воспитание другого львенка. Подумавав, Берберовы согласились.

Новый маленький Кинг родился в том же Бакинском зоопарке. За год лев превратился в такого же благородного красавца, как и его предшественник. После годового перерыва работа над фильмом была продолжена.

Вместе с Кингом Вторым в фильме снимались дети Берберовых — Рома и Ева. Больше всех Кинг любил Рому. Он очень привязался к мальчику, беспрекословно ему подчинялся. Двенадцатилетний Рома объезжал Кинга верхом, будто это был не лев, а скаковой жеребец. Но то, что позволялось Роме, не позволялось другим участникам киногруппы. Кинг не терпел фамильярности. Так, попытка режиссера Бромберга заставить льва прыгнуть в холодную реку закончилась плачевно. Книг прокусил Бромбергу ногу. Львиный клык оставил в бедре режиссера рану глубиной восемь сантиметров... В другой раз лев оттяпал полпальца ассистенту оператора, когда тот резким движением поднес к его пасти рулетку — измерял расстояние от львиного носа до кинокамеры.

В конце концов, не без потерь, фильм с участием Кинга Второго был снят. Его с удовольствием смотрели и дети, и взрослые. Берберовы уже вели переговоры со студией имени Горького о новом кинопроекте.

Увы, судьба распорядилась иначе. Жизнь Кинга Второго оказалась такой же трагичной, как и жизнь его старшего брата. Решив, что лев стал вполне домашним зверем, Берберовы взяли на воспитание еще и пуму. Двум хищникам, решили они, в тесной городской квартире будет повеселее.

Какое-то время звери действительно жили душа в душу. Но однажды они повздорили. Огромный Кинг набросился на сравнительно небольшую пуму.

Рома кинулся их разнимать. Разъяренный лев ударил мальчика лапой. Им в этот момент управляли инстинкты. Удар друга оказался смертельным.

Соседи слышали доносящийся из квартиры Берберовых рев дикого зверя. В нем чувствовалось что-то непривычно злое. И соседи вызвали митицию.

Прибывший милиционер забрался на подоконник и заглянул в комнату. Его взору представилась ужасная картина. Распростертое посреди комнаты тело мальчика, а над ним громадный, отчаянно ревущий лев. Казалось, будто это не рев зверя, а плач...

Милиционер исполнил свой долг. Он убил Кинга Второго.

Произошла двойная трагедия. Погиб мальчик. И погиб лев. А ведь человек и животное так любили друг друга...

Когда-то в связи с этой драмой развернулась дискуссия, имеет ли право человек держать в доме диких животных. По данным статистики, ничего хорошего из такого содружества никогда не получалось.

Вспомнилась мне эта история не случайно. Недавно позвонил режиссер Бромберг. Теперь он живет в США, снимает американское кино. Когда-то мы с ним дружили, сделали на телевидении несколько фильмов. Рассказывая о своем заокеанском житье-бытье, вспоминая прошлое, Бромберг среди прочего помянул и Кинга. Оказалось, что со дня гибели Кинга Первого прошло тридцать лет. Размышляя после этого разговора о скоротечности времени, я вдруг осознал драму семьи Берберовых и приручение ими животных как символ взаимоотношений человека и природы вообще. Преобразуя природу, человек всегда выступал в двух ипостасях — созидателя и разрушителя. Что изменилось за тридцать лет? Человек продолжает «приручать», то бишь, насилует природу, полагая, что создает на ее месте свою цивилизацию. Но природа способна мстить!

* * *

Летом 1965 года Ленинградское телевидение выдало в эфир скандальную передачу о русской культуре. Скандальность заключалась в том, что многие уродства советской духовной жизни объяснялись неправильной политикой высшего руководства нашего государства. Участники передачи ни много ни мало замахивались на генеральную линию партии!

Помню, как яростный Солоухин требовал с экрана вернуть старинным русским городам их исконные названия. А знаменитый литературовед Бахтин упрекал партийных писателей в скудости языка и приводил в пример Солженицына, к этому времени уже вторично объявленного врагом Советского государства. Кто-то упомянул недавнюю травлю Бориса Пастернака с его «Доктором Живаго».

Время тогда, надо сказать, было хоть и глухое, но еще с отголосками недавней «оттепели». С одной стороны, в центральных издательствах готовились к выходу в свет книги Ахматовой, Цветаевой, того же Пастернака. С другой — предание этих имен анафеме, особенно на телевидении.

Уже на другой день после эфира во всех редакциях Гостелерадио были организованы митинги протеста. Акция ленинградцев была названа позорной, антисоветской. Ретивые подпевалы требовали строгих санкций. И ни один человек, по крайней мере в нашей музыкальной редакции, не выступил в поддержку бунтарей. Мнение коллектива было солидарным. За этой солидарностью просматривалось одно — трусость. Среди этих трусов был и я, выпускник ВГИКа, за неделю до того принятый в штат Центрального телевидения. Что и говорить, с трудом устроившись на хорошую работу, я боялся ее потерять. И все же, когда главный редактор Меркулов, человек с опухшим от возлияний лицом, всматриваясь в лица своих сотрудников, с холодной угрозой спросил: «Может быть, кому-то из вас тоже нравится Пастернак?!» — я чуть было не выкрикнул: «Да, мне нравится!»

Трусость пересилила. Я промолчал. Как промолчали и все остальные мои коллеги...

А через несколько недель я вдруг узнал, что в серии «Большая библиотека поэта» вышел долгожданный том Бориса Пастернака. Как я мечтал раздобыть эту книгу! Но в магазины она не посту-

пала, а спекулянты на черном рынке заламывали за нее слишком высокую цену. Не по моей зарплате.

От секретаря Меркулова я случайно узнал, что наш главный как номенклатурный работник может приобретать литературу по особому списку. Этот список приходит в редакцию ежемесячно. Но Меркулов им обычно не пользуется. За книгами нужно ехать в специальный магазин на Беговой, стоять в очереди...

Меня осенила великолепная идея: предложить Меркулову помощь в доставке интересующей его литературы. Конечно, прежде всего я думал о своих интересах.

Наконец, после долгих колебаний, выбрал момент. Меркулов в своем кабинете. Один. Сейчас или никогда! Я должен решиться. И решаюсь. Вхожу в его кабинет.

Выслушивая мое предложение, Меркулов подозрительно ко мне присматривается. Потом, без обиняков, прямо спрашивает:

– Вам какая книга нужна?

Мне некуда деваться. И я так же, без обиняков, отвечаю:

– Пастернак!

Жду бури. Оскорбительных выпадов. Увольнения с работы. Готов ко всему.

Меркулов безразлично отмахивается:

– Да ради Бога...

Я не верю своему счастью. И не очень понимаю позицию Меркулова. А он, склонившись ко мне, будто нас могут подслушать, вкрадчиво предупреждает:

– Вот уж чего не стал бы держать у себя дома...

Еще одна загадка того страшного и странного времени.

Детский лепет:
НИКИТА

Кто из нас не слышал забавных детских высказываний? Родители им умиляются, гости вежливо хмыкают, ну а дети в любом случае продолжают развиваться темпами, абсолютно недоступными для взрослых с их притупленным восприятием. У меня набралась приличная коллекция любопытных фраз и разговоров, которые, надеюсь, у многих вызовут улыбку, а в чем-то и удивят...

Папа читает трехлетнему Никите рассказ Драгунского про манную кашу.

- А ты знаешь, что такое манная каша? – спрашивает папа.
- Нет, – отвечает Никита.
- Скажи спасибо, что тебя ею не пичкали, – замечает мама.
- Спасибо, – благодарит Никита. – А попробовать можно?

Никита пересказывает «Телефон» Корнея Чуковского:

- А потом позвонила свинина.

Первый снег. Никита:

– Ой, смотрите, какие снежки с неба капают... У нас есть санки, на которых можно возить стареньких бабушков и дедушков.

Никита помогает маме наряжать елку. Очень сердится на иголки.

- У меня кожа нежная-нежная, а елка колючая-колючая...
- Давай, бабушка, поиграем!
- Во что?
- Я буду пират, а ты пиратница.
- Никита, стань на четвереньки!
- А где это?

Никита родился в Германии, но до трех лет говорил только по-русски. Потом пошел в детский сад и стал понемногу осваивать немецкий. Когда кое-чему научился, с гордостью оповестил родителей:

- Наконец мой друг Маркус научился понимать по-немецки.
- Мама, пойдем поиграем. Я не умею играть один по себе.
- Жаль, что ты, папа, летать не умеешь. Я тебя завтра научу.
- А если корову подогреть снизу, молоко у нее будет кипяченое?
- У меня в комнате индеец завелся.

Никита впервые оказался в гостях у старичка-соседа. С интересом осматривался. Чего-то тихонько напевал. А потом спросил:

- А где у тебя телевизор?
- Нету, – чуть виновато ответил сосед.
- Как это? – недоумевал Никита. – Значит, Бог тебе еще не сделал телевизор?
- Нет пока. Обещает только. Сейчас такие времена. Если о себе постоянно не напоминать, никто и пальцем не шевельнет, – посетовал старичок.

Никита с папой играют в автосалон.

Никита:

– Хотите купить машину?

Папа:

– Хотим...Понарошку...

Никита:

– Есть очень хорошие «понарошки»... Вам какого цвета?

Никита играет с бабушкой в сказку про Машеньку и медведя. Бабушка в роли медведя несет пирожки родителям Машеньки.

- Сяду на пенек, съем пирожок, – говорит бабушка.
- Высоко сижу, далеко гляжу. Не садись на пенек, не ешь пирожок, – отвечает Никита. И добавляет, вылезая из «корзины»: – Подожди, адрес скажу по-немецки.

Никита рассказывает, какую сказку ему прочитала бабушка.

— Там есть такой Лиха-беда. Он куда ни посмотрит, сразу все ломается, деревья падают, мосты рухают...

— А помнишь, я образовал себе болячку об кустик, когда мы на санках катались?

Размышляя о подарках, которые принесет на Новый год Дед Мороз, Никита советуется с папой:

— А если я дам Деду Морозу десять евро, этого хватит на телескоп?

— Мама, ты меня любишь?

— Очень.

— А в Новый год?

— Тем более.

— Тогда почему вы с папой дарите мне на Новый год простые подарки, а не «тем более?»

— Никита, что такое счастье?

— Не знаю.

— А как ты думаешь?

— Я думаю, счастье... — Никита на секунду задумался. — Счастье — это если бы Дед Мороз подарил мне Снегурочку.

Никита собирается погулять. Мама просит его одеться потеплее. На улице ветер.

— А где моя одежда? — спрашивает Никита.

— В шкафу.

Никита рассматривает полки.

— А на каком этаже?

Больше всего на свете Никита любит мороженое. Однажды папа принес его любимые стаканчики. А у сына, как назло, заболело горло. С мороженым решили повременить. Все три стаканчика положили в морозильник. Через пару дней мама вспомнила:

— Кажется, у нас где-то было мороженое?

— Никите нельзя, — строго заметил папа, — у него горло еще не прошло.

— Никите нельзя, — согласилась мама, — но нам-то можно! Вот мы его сейчас и достанем.

— Не слишком ли большое искушение для ребенка? — сомневается папа.

Никита подозрительно мнетяся. А когда мама все-таки заглядывает в морозилку, в большом смущении признается:

— Я свое искушение вчера уже испытал.

Четырехлетний Никита — трусишка. Хочет съехать с горки на детской площадке — страшно. Пробует залезть на шведскую стенку — опять боится. А уж сколько страху он натерпелся, когда рискнул прокатиться на колесе обозрения... Хорошо, бабушка помогла — согласилась сопровождать внука. С самого начала Никита вцепился в нее и не отпустил, пока сеанс не закончился. После этого он спрашивает:

— Бабушка, а ты не боялась?

— Немножко, — отвечает бабушка.

— А чего ты боялась? Я же тебя крепко держал.

У Никиты вечером снова заболело горло. На следующее утро папа спрашивает:

— Ну, как ты себя чувствуешь?

— Сейчас хорошо, — отвечает Никита. — Сейчас ничего не чувствую.

Никита ночевал как-то у бабушки. Утром рано проснулся и подошел к бабушкиной кровати. Шепотом позвал:

— Бабуля!

— Я еще сплю, — сонным голосом ответила бабушка.

— Я тебя не об этом спрашиваю...

Как-то Никита провинился — без разрешения достал из буфета и съел конфету. А ведь совсем недавно у него болел живот.

— Придется мне, Никита, тебя наказать, — говорит папа.

— А как? — осторожно спрашивает сын.

— Самым примитивным способом. Пошлепать по попе.

— Нельзя! — категорически возражает Никита.

— Это еще почему?

Прикрывая рукой попу, Никита объявляет:

– Приват! (Частная собственность).
Сказывается европейское воспитание.

Воспитательницу в детском саду зовут Клаудиа. Однажды ее замещала другая сотрудница. По дороге домой мама спрашивает Никиту:

– Что, Клаудии сегодня не было?
– Была, – отвечает Никита. – Только другая.

Утром мама ставит перед Никитой тарелку с овсяной кашей. Никита вздыхает – снова эта овсянка... Папа настроен иначе.

– Классная каша. А главное – полезная. Все-таки это большая радость – вкусно поесть!

– Если бы это было мороженое... – возражает Никита.

– Да еще кило конфет на закуску, – иронизирует мама. – Вот счастье!

– Что я вам, поросенок какой? – сердится Никита. – Заедать мороженое конфетами!

Пятилетний Никита уже свободно говорит по-немецки. А вот с русским иногда случаются затруднения. Например, бабушка спрашивает:

– Никита, как ты себя чувствуешь? (Мальчик простужен).

– Да вроде бы... – отвечает Никита.

– Ты не договариваешь, – замечает папа. – Что это за фраза: «Да вроде бы?» Либо «да вроде бы хорошо». Либо «да вроде бы плохо». Дай полный ответ.

Понятливый Никита кивает.

– Да вроде бы я чувствую меня хорошо.

Никита с родителями играет в футбол. Папа «прорывается» к воротам и кричит маме:

– Давай пас!

Никита тоже бежит к воротам:

– И мне в пас! И мне в пас!

Никита с гордостью:

– Я самый быстрый пловец в детском саду. И самый быстрый беглец!

– Папа, что же ты машину завел, а маму не дождал? У тебя что, терпения нет? Ты что, ограниченный?

По ТВ показывают какую-то орущую тетку в бигуди. Мама – папе:

– Вот какую жену тебе надо.

Никита:

– Нет, мне эта не нравится. Тебе другую надо. Такую, как сейчас, – маму.

Никита рассматривает свои грязные руки.

– Вы что, на помойке меня купили? – спрашивает он родителей.

– Нет, в совдепии, – усмехается папа.

Никита в задумчивости:

– Парадокс!

Обычно в детский сад за Никитой заезжает либо папа, либо мама. Однажды за ним приехали бабушка с дедушкой. Никита очень расстроился.

– В чем дело, Никита? – спрашивает дедушка. – Ты не рад нашему визиту?

– Я-то рад, – уверяет внук, – но Урсула теперь может подумать, что у меня есть вторая семья...

Увидев как-то по телевизору Папу римского, Никита спрашивает у мамы:

– А что такое Бог?

– Бог... – мама на секунду замешкалась. – Ну, понимаешь... Это такой великан... вернее, могучий начальник, который создал наш мир.

– Значит, Бог – инженер? – уточняет Никита. – Как наш папа?

– Вроде того, – соглашается мама.

Никита с недоверием:

– А он тоже работает на «Сименсе»?

Мама не сразу находит ответ.

– Если на «Сименсе», – продолжает размышлять Никита, – то какая же у него зарплата? Такая, как у папы?

- Думаю, что побольше, – предполагает мама.
- Ну да, конечно, побольше, – догадливо подтверждает сын.
- Ведь Бог – дипломированный инженер!

В шесть лет Никита пошел в школу. До этого он уже год занимался в музыкальной. Неумные родители записали мальчика еще и на теннис, и на фигурное катание. Учитель музыки находит у Никиты большие способности. Предлагает бесплатные дополнительные занятия.

– Ну как? – спрашивает бабушка у Никиты. – Согласимся заниматься?

– Согласимся, – безропотно отвечает внук. Затем предостерегает. – Только может получиться стресс.

Бабушка удивлена:

– Ты знаешь, что такое стресс?

– Знаю, – уныло говорит Никита. – Это когда все кричат: «Скорей, Никита, скорей!.. А то опоздаем!..»

ЗАПИСКИ РЕДАКТОРА МУЗЫКАЛЬНЫХ ПРОГРАММ

В июле 1965 года, вскоре после окончания сценарного факультета ВГИКа, я был зачислен в штат Главной редакции музыкальных программ Центрального телевидения. Должность мне определили интересную — старший редактор постановочных передач.

* * *

Помню ответственное поручение: договориться с Тихоном Хренниковым — бессменным главой Союза композиторов, членом ЦК партии, лауреатом и кавалером всех мыслимых и немыслимых наград, о его участии в задуманной передаче.

Я был предупрежден — Тихон Николаевич очень занят, возможно, его придется уговаривать...

Ничего подобного! Хренников очень охотно назначил время для разговора.

И вот я у него. Тихон Николаевич шутил, вспоминал забавные случаи из жизни. Единственное, что отвлекало, — это телефонные звонки. После первого разговора по телефону хозяин кабинета доверительно сообщил:

— Итальянцы. Хотят поставить в Вероне мою оперу.

После второго:

— Это болгары. Приглашают в гастрольную поездку. Авторский вечер.

Потом звонили англичане: просили партитуру нового балета. Греки информировали о том, как идут репетиции симфонии.

Мировая значимость и подлинное величие моего собеседника были, что называется, налицо.

Наконец мы с Хренниковым тепло прощаемся. Я выхожу на улицу. И тут неожиданная встреча.

Ко мне подходит старый приятель, тоже музыкант. Узнав, что я от Хренникова, улыбается.

— Ну как, — спрашивает он, — произвел на тебя впечатление Тихон Николаевич?

— Еще бы! — отвечаю.

— А иностранцы звонили? — живо интересуется приятель.

— Звонили...

— Так-так... Французы? Итальянцы?

— Итальянцы, греки, англичане...

Я не совсем понимаю насмешки, которой окрашены вопросы моего приятеля.

— Ну вот, — ликует он. — Все как по нотам!

— Уж не хочешь ли ты сказать, что все эти звонки...

— Маскарад? — перебивает приятель и, загадочно улыбаясь, покачивает головой. — Не знаю, не знаю. Когда это повторится, тем более в присутствии телевидения...

Наверное, провести одного человека достаточно просто. Можно облапошить даже целую страну. Но обмануть себя еще никому не удавалось.

* * *

Приводят как-то к нам в музыкальную редакцию молодого иностранца. С ним переводчик. Просьба руководства — прослушать и отобрать из песен музыканта что-нибудь для эфира.

Выясняется, что певец родом из США, но живет в Аргентине. Покинул свою страну по политическим мотивам: не хочет участвовать в войне против Вьетнама. А в Россию приехал за поддержкой.

Песни, которые он нам исполнил, в общем, понравились. Заминка вышла, когда американец высказался по поводу оплаты: гонорар должен быть не меньше, чем получила у нас на телевидении Лолита Торрес. Аргентинской кинозвезде, героине необычайно популярного фильма «Возраст любви», достался за ее песни неслыханный по тому времени гонорар — 150 рублей за выступление. Наш гость требовал того же.

— Я же не просто певец, — доказывал иностранец, — я политэмигрант. Советское телевидение должно поддержать мой порыв...

Тогдашнее наше начальство с аргументами диссидента согласилось безоговорочно. Ему выписали те же 150, а вскоре стали платить еще больше.

Остается добавить: имя этого певца после успешного дебюта в Москве прогремело на весь мир. Это имя — Дин Рид.

* * *

С обезьянами я столкнулся в Музее антропологии Московского университета. Экспозицию представлял директор музея, знаменитый антрополог Михаил Федорович Нестурх.

— Перед вами непосредственные предшественники посредственных потомков, — говорил профессор Нестурх. — Сейчас вы, конечно, спросите: а почему современные обезьяны не могут стать человеком? Отвечаю: могут, но не хотят. Раньше хотели, когда не ведали, какая «райская» жизнь их ждет. А как только узнали — расхотели. И, видя наше поведение, отказываются идентифицироваться с нами. Мы ведь дикари...

Внезапно лицо профессора меняется, на нем выражение гнева: через музейный зал пробегает группа студентов. Михаил Федорович буквально бросается им наперерез.

— Кто позволил?! — топая ногами, кричит профессор. — Немедленно вон отсюда! Устроили из музея проходной двор, бегают из аудитории в аудиторию напрямик.

Я осторожно вступаю за студентов:

— Видимо, так ближе...

— Ближе?! — впивается в меня глазами профессор. — Пойдемте, я вам покажу...

Он подводит меня к белому массивному бюсту неандертальца. Из полуоткрытого рта нашего пращура торчит недокуренная сигарета.

— Каждый раз одна и та же история! А вы говорите — «ближе»! Ближе к чему? К варварству?

Признаюсь, я покидал Музей антропологии в растерянности. Дошел до Клуба МГУ — это в нескольких шагах от музея. Здесь, в очереди за билетами, вдруг узнаю троицу студентов, которым только что досталось от профессора. На что они идут? Вижу афишу: «Концерт фортепианной музыки. Произведения Фредерика Шопена исполняет профессор МГУ Михаил Федорович Нестурх».

Мне показалось это удивительной, загадочной, а главное — прекрасной иллюстрацией все той же эволюции человека...

* * *

Пятилетняя дочь известного композитора, глядя по телевизору передачу «Магазин на диване»:

— Магазин на диване — это наш папа. Лежит и сочиняет песню. Сочинит — продаст. А потом — снова на диван. Пока не сочинит новую...

* * *

Со своей будущей женой Ростропович познакомился на музыкальном фестивале «Пражская весна». Было это давно, в те времена, когда голову маэстро украшала густая шевелюра.

— Увидев Галию, — признается Ростропович, — я сразу потерял голову.

И, поглаживая теперешнюю обширную лысину, скорбно вздыхает:

— А потерявши голову, по волосам, как известно, не плачут.

* * *

Парадоксы Мстислава Ростроповича — еще одно проявление дара великого музыканта. Вот один пример. Оглушительный успех первой постановки балета Сергея Прокофьева «Ромео и Джульетта» сразу же вознес исполнительницу партии Джульетты — Галину Уланову на танцевальный Олимп. Об ее успехе много писали у нас и за рубежом. Балерина стала мировой знаменитостью

Среди тех, кто восхищался Улановой, был и молодой виолончелист Ростропович.

— Уланова гениальна! Ее танец выше всяких похвал! — делился он впечатлениями от балета со своими друзьями-музыкантами. — И что самое поразительное, — признался он одному из них, — она совершенно не мешает мне слушать музыку!

* * *

Как-то на пресс-конференции журналист поинтересовался у Ростроповича, какое сопрано у жены маэстро Галины Вишневской — лирическое или драматическое?

Ростропович, не задумываясь, ответил:

— На сцене — лирическое. Дома — драматическое.

* * *

В тесноте да не в обиде — так коротко можно охарактеризовать работу различных редакций и технических служб телевидения, которое в середине 1960-х располагалось на Шаболовке. Телецентр в Останкино тогда только строился и представлялся нам, затворникам Шаболовки, несбыточной мечтой. Игровые фильмы на Шаболовке не снимались. Что касается документального кино, то его производство ограничивалось буквально десятком названий в год. Не было производственной базы. Зато препятствий — хоть отбавляй! Помню, как мы мучительно долго создавали свой «шедевр»: полнометражный документальный фильм о Международном конкурсе имени Чайковского. Чтобы разобраться с фонограммами, требовалась студия звукозаписи. Работа студии на Шаболовке была расписана до предела. На мое счастье, там как раз шла перезапись фильма о космосе режиссера Сальникова: с ним мы дружили еще со времен ВГИКа. На поклон к Сальникову я заявился в тот момент, когда он вместе с композитором Шандором Каллошем решал проблему — как воспроизвести на экране тишину космоса. Тишину пустоты, которая, как это ни парадоксально, должна быть услышана... Звуки тишины режиссер и композитор извлекали из медного таза, в который равномерно падали капли воды. Фонограмма этого процесса была основой для творческого поиска. Благодаря манипуляции со скоростью и громкостью звука создавалась иллюзия то ли колокольного звона, то ли таинственной вибрации, которую вполне можно было выдать за «тишину» космоса... Прокручивая запись, композитор Каллош вдруг обнаружил в ней непонятные помехи.

— А это что такое? — спросил он у звукорежиссера.

Тот усмехнулся:

— Да это у кого-то из нас с голодухи живот заурчал. Работаем-то без обеда... Попробую вырезать.

— Не надо, — махнул рукой режиссер. — У меня есть кадры журавлиного клина. Под них и подложим... Курлыкание журавлей, постепенно переходящее в тишину космоса...

... Ну а что касается нашей просьбы, Сальников пообещал поделиться частью своей смены. В долг, конечно.

* * *

А эту историю я услышал от композитора Карэна Хачатуряна.

... 1960-е годы. Бурная политическая активность африканских народов. Одно за другим провозглашаются новые независимые государства. Республика Мали... Республика Конго... Республика Сомали... Советский Союз оказывает им братскую помощь. В частности, наши композиторы едут в Африку создавать гимны для новых государств. Хачатуряну поручают сочинить музыку для гимна Сомали.

Когда работа закончена, правительство республики желает ознакомиться с ее результатами. Для этого нужно фортепиано. Выясняется, что один-единственный инструмент на всю страну находится в бывшем губернаторском дворце. Приезжают во дворец. Хачатурян садится за фортепиано и... не может извлечь из него ни звука — у этого инструмента полностью отсутствует «начинка». Ни колков. Ни струн. Ни молоточков. Полная пустота. Оказывается, во дворце держали фортепиано исключительно «для мебели». Приходится Хачатуряну записывать мелодию гимна дома, в Москве, а потом отправлять запись в Африку. В качестве все той же братской помощи.

* * *

На телевидении ставится фильм-балет «Ромео и Джульетта» на музыку П.И. Чайковского. Постановщики — балетмейстеры Большого театра Н. Рьженко и В. Смирнов-Голованов. В роли Ромео — Михаил Лавровский, Джульетта — Наталья Бессмертнова. Компания, прямо скажем, звездная.

И я при этой компании. В качестве редактора.

Коллеги из «Останкино» подтрунивают:

— Интересно, кого ты там редактируешь? Чайковского? Наташу Бессмертнову? Или, может быть, самого Шекспира?

Ну в самом деле! Какая тут редактура! И все-таки... Одно замечание по ходу съемок я себе позволяю.

В потрясающей по драматизму сцене прощания Ромео – Лавровский целует Джульетту – Бессмертнову. Не по балетному – условно, а по настоящему – в губы. И даже, пожалуй, весь-ма чувственно.

Сцена великолепная, но допустима ли в хореографии подобная вольность? Оказывается, у постановщиков те же сомнения.

– Да кто заметит этот поцелуй?! – говорю я.

– Кому надо – тот заметит, – загадочно отвечают мне.

– Ну если учесть, что Наташа только что вышла замуж за Григоровича... Уж Юрий-то Николаевич хорошо знает, что допустимо в балете, а чего делать не следует.

Что и говорить, нехорошо получается.

– Но мы же снимаем кино, – размышляю я в поисках выхода. – А у кино свой язык. Нет ни одного фильма, где бы герои-любовники не целовались!

– А что, хорошая мысль! – восклицает Наталья Рыженко. – Почему бы не расширить язык фильма-балета за счет кино?

– И считать это свадебным подарком кинематографистов балетмейстеру Григоровичу! – подхватывает Смирнов-Голованов.

На Международном кинофестивале в Лондоне фильм «Ромео и Джульетта» удостоился Золотой медали – Гран-при... Уж не благодаря ли тому страстному поцелую?

* * *

Об этом случае мне рассказал пианист Эмиль Гилельс.

Гастролировал как-то наш выдающийся музыкант по Италии. Было это сразу после окончания Второй мировой войны. Концерты советского пианиста проходили с огромным успехом. Мэр Рима устроил прием в честь Гилельса. Ему предложили расписаться в книге почетных гостей. Гилельс расписался. И любопытства ради посмотрел предыдущую страницу: кто же был здесь до него. И – о, ужас! Там стоял росчерк – Адольф Гитлер...

* * *

Приехали однажды музыканты квартета имени Бородина в далекую Австралию: там им предстояли длительные гастролы.

В отеле, куда поселили бородинцев, жил попугай. Он был полиглотом, то есть умел материться на всех языках: по-английски, по-немецки, по-французски... А вот по-русски — ни одного крепкого словечка.

Альтист Шебалин как истинный патриот и знаток русского языка решил исправить этот пробел — расширить языковой кругозор австралийского попугая.

Начал с малого.

Каждое утро, пока все спали, Шебалин подходил к клетке с птицей и методично повторял: «Жопа... жопа... жопа...»

Попугай внимательно слушал, но произносить незнакомое слово никак не хотел. Шебалин злился на бестолковую птицу, но от задуманного не отступал. Когда утренний урок повторился в десятый раз, из ближайшего номера высунулся заспанный господин в пижаме.

— Молодой человек! — воскликнул он с хорошим одесским акцентом. — Уже вся гостиница говорит «жопа»! Давайте-таки учить уже новое слово!

И тут попугай проявил недюжинную сообразительность. Наохлившись, он захопал крыльями на господина в пижаме и трижды прокричал: «Жопа! Жопа! Жопа!»

* * *

Перед поездкой в Бельгию на Международный конкурс струнных квартетов наши молодые музыканты из квартета имени Глинки проходили собеседование в райкоме партии. Такое было время. Парткомиссия должна была выявить идеологическую зрелость каждого выезжающего.

Первым перед комиссией предстал альтист Миша Геллер. Самый титулованный из участников квартета, талантливый музыкант, победитель двух международных конкурсов, он прекрасно понимал: «с волками жить — по-волчьи выть». То есть с дураками нужно играть «под дурочка».

— Что вы будете делать в Бельгии?

Так сформулировала комиссия первый вопрос музыканту.

— Изо всех сил стараться! — отрапортовал Геллер.

— Похвально, — настрой советского музыканта воспринят был с одобрением. — А над каким произведением Ленина вы сейчас работаете?

Миша напрягся. Дело в том, что он не читал ни одного произведения вождя. На слуху были только их названия. Понимая, что медлить с ответом нельзя, он «признался», что все последнее время занимался подготовкой к конкурсу, дабы не ударить в грязь лицом перед Западом. Но вообще-то, заявил Миша Геллер, его очень интересуют работы Ленина «Что делать?» и «Шаг вперед, три шага назад». Для наглядности он тут же шагнул вперед, затем трижды назад. Уверенность, с какой это было продемонстрировано, не вызвала никаких дополнительных вопросов. Даже лишний шаг назад никем из членов комиссии не был замечен. «Добро» было получено.

Квартет имени Глинки стал победителем Международного конкурса в бельгийском городе Льеже.

* * *

Будучи заведующим оперной труппой Большого театра, знаменитый певец Анатолий Орфенов так оценивал музыкальные способности своих коллег-вокалистов:

— Каждый музыкальный инструмент имеет резонатор, — объяснял Орфенов. — От резонатора зависит качество звучания. У певца резонатором является голова. Стало быть, чем больше в ней пустот, тем лучше звучит голос...

* * *

Скрипач Алексей Михлин стал победителем Международного конкурса скрипачей имени бельгийской королевы Елизаветы в Брюсселе. По традиции королева приглашает победителя во дворец на ужин. В гостях у королевы Михлин смущался. Ведь дворцовому этикету советских людей за ненадобностью не обучали. Елизавета, естественно, все видела и понимала. Когда Михлин замешкался, не зная, куда деть виноградную косточку, которую не мог проглотить, королева сама взяла в рот виноградину и спокойно выплюнула косточки на тарелку.

Только тогда Михлин понял, что перед ним не какая-нибудь небожительница, а обыкновенная женщина. Простая и внимательная.

* * *

На вопрос: как вы себя чувствуете? — девяностолетний профессор Московской консерватории Мазель неизменно отвечает:

— Спасибо, голубчик. Сегодня гораздо лучше, чем завтра.

Он же: «Вы знаете, что такое порядочный человек нашего времени? Это человек, который никогда не сделает подлость... без надобности».

* * *

В Москву на Международный музыкальный симпозиум приехал великий скрипач Иегуди Менухин. Советская музыкальная общественность с нетерпением ждала выступления мэтра. Куратор от ЦК КПСС, как это было принято в те времена, попросил гостя заранее ознакомить его с текстом выступления.

— Зачем? — удивился Менухин. — Я сам еще не знаю, что буду говорить.

Куратор стал изворачиваться: мол, никакой цензуры у нас нет, текст необходим переводчикам. Они должны ознакомиться с ним заранее. Так им легче будет избежать ошибок при синхронном переводе.

Менухин текста так и не дал. Выступая на симпозиуме, он говорил о свободе творчества. О том, что никакие рамки (подразумевались рамки партийной идеологии) не способны ограничить полет творческой фантазии художника...

Все это Менухин произнес по-английски. Переводчики-синхронисты, как могли, старались смягчить остроту его высказываний. Неожиданно Менухин перешел на русский. Поблагодарил организаторов симпозиума. Поблагодарил участников, которые его внимательно слушали. Особую благодарность выразил переводчикам.

— Ваши переводчики замечательно переводят, — сказал Менухин с трибуны. — Иногда им даже удастся опередить меня: сказать то, о чем я не успел еще подумать. Что и говорить, большие профессионалы СВОЕГО ДЕЛА...

* * *

Известно, что последний российский император Николай II был не только «хозяином земли Русской», но и музыкально одаренным человеком. Николай Александрович обладал приятным баритоном и с удовольствием участвовал в придворных любительских спектаклях. Особенно нравилось царю петь партию Онегина в опере Чайковского «Евгений Онегин».

Вспомним финал оперы. Последнее объяснение Онегина и Татьяны. Он безумно в нее влюблен. Но она отвергает его запоздалое чувство. Онегин в отчаянии: «О жалкий жребий мой!» — выносит он себе жестокий приговор.

И какая злая ирония судьбы! Пройдет совсем немного времени, и русский монарх уже не на сцене, а в жизни познает весь трагизм выпавшего ему «жребия». Он будет снова отвергнут. Но теперь уже собственным народом, «хозяином» которого столь наивно себя полагал.

Оперный спектакль с участием императора завершился грохотом аплодисментов. Реальная его судьба завершилась грохотом выстрелов в подвале Ипатьевского подворья.

«Жалкий жребий», воплощенный на сцене, неожиданно обернулся предвестием подлинной человеческой трагедии...

* * *

...1966 год. В Москве проходит Международный конкурс имени Чайковского. Центральное телевидение снимает фильм, посвященный этому событию. Я на этом фильме редактор.

В разгар работы срочно вызывают к начальству.

— Американцев не показывать, — категорически предупреждает главный редактор.

Я в недоумении:

— Почему?

— А вы не понимаете? — начальница раздражена. — Американцы бомбят вьетнамские города! Убивают мирных людей! — голос Стеллы Ивановны Ждановой наливается пафосом. — Ну, если вы этого не понимаете...

Переубедить главного редактора бесполезно. Это действительно «стела» — каменный столб, скала. Бастион социализма на пути любой идеологической заразы.

Что делать? Американские музыканты — вокалисты, виолончелисты, пианисты — бесспорные лидеры конкурса. Один Миша Дихтер чего стоит!

Матерый телевизионный волк — режиссер Головин учит, как выйти из положения.

— А ты не видел, как я в прошлом году транслировал концерт Вана Клиберна? Когда он на сцене, я даю панораму по залу, показываю зрителей... Потом — по стенам. Семь композиторов — справа, семь — слева... В смысле, портреты... Пока всех рассмотришь... Но лучше всего показывать люстру и потолок.

Головин хохочет, радуясь своей «режиссерской находке».

— Ну а как только Клиберн заканчивает играть и уходит, тут ты его и лови! Как раз спину и покажешь!

Победоносный хохот Головина подавляет меня.

Чему радоваться? Неужели он всерьез считает, что «натянул нос» Америке?

Вопреки указаниям начальства мы продолжаем упрямо снимать американцев. Наивная вера в справедливость, увы, разбивается о незыблемую «скалу».

Лучшего пианиста конкурса Мишу Дихтера приказано из фильма вырезать. Против наших ожиданий жюри идет по тому же пути — не присуждает ему первой премии. Кому-то очень стыдно, кто-то, наоборот, ликует. Ведь победителем объявляется свой, русский... Вся тогдашняя жизнь страны была замешена на подобной фальши.

Страну-то мы потеряли. А вот фальшь до сих пор извести не можем...

Детский лепет: АНЯ

В полтора года Аня научилась говорить. А в два ее уже не мог переговорить ни один взрослый. Она всем что-то рассказывала. Объясняла. Фантазировала на тему прочитанных с мамой книг. Все бы ничего, да вот только Анины рассказы очень утомляли маму, не давая сосредоточиться на своих делах. Однажды мама попросила Аню пойти в другую комнату. А через минуту оттуда донесся ее звонкий веселый голос. Маму разбирало любопытство — с кем это дочь так увлеченно разговаривает? Оказалось, по телефону... Но ведь девочка еще не умела набирать телефонный номер!

— Аня, с кем ты разговариваешь? — удивилась мама.

— Как с кем? — в свою очередь удивилась дочь. — С гудком!

В два года Ане впервые прочитали сказку про Бабу-Ягу. Комментарий девочки был краток:

— Баба-Яга — не наша баба!

Аня, глядя на умывающуюся маму:

— Мама, если ты умывальница, то наш папа — умывальник?

Маленькую Аню родители повезли на море. Там было много воды и много песка. Купаться Аня боялась. Предпочитала играть с песком. Наигравшись, попросила родителей:

— Давайте уже уйдем из этой песочницы!

Гуляя с мамой по лесу, Аня промочила ножку. Мама велела снять туфельку и положить на солнце — сушиться. А что делать при этом самой Ане, не объяснила. Девочка решила ждать, стоя на одной ноге. Постояла немного — и в рев.

— В чем дело, Аня? — спрашивает мама, расположившись неподалеку на травке.

Обливаясь слезами, Аня отвечает:

— Я не хочу все свое детство простоять на одной ноге!

Зима в Москве. Аня с мамой едут в троллейбусе. Стекла в троллейбусе расписаны причудливым снежным узором: Мама пытается посмотреть сквозь стекло, трет его варежкой.

— Мама, не чеши стекло! — делает замечание Аня.

Как-то Ане на глаза попала книга рассказов Чехова. Там была иллюстрация к «Даме с собачкой».

— Собачка и собачкина мама, — прокомментировала Аня.

У Ани брали кровь из пальчика — на анализ.

Девочка очень боялась и плакала. Когда все было закончено, мама укоризненно сказала:

— Ну вот, Анечка, зря ты боялась. Взяли кровь и, как видишь, ничего страшного.

— Взяли, — всхлипывая, согласилась дочь. — А когда вернут?

Аня услышала новое слово — камыши.

— Это где мыши живут?

Читая Ане книжку о «снежном одеяле», которое покрывает землю, мама переспрашивает:

— Так что зимой травку греет?

— Лето, — отвечает девочка.

Аня впервые увидела замшевые туфли.

— Что, в них замуж выходят?

Наблюдая за мамой, которая печет пироги, четырехлетняя Аня спрашивает:

— Мама, а какие пироги ты больше всего любишь?

— Вкусные, — отвечает мама.

— А я — большие.

Ане было три года, когда она с мамой переселилась в Израиль. Пока мама не работала, девочка находилась дома. А когда нашлась работа, возник вопрос: с кем оставить Анюту? За небольшую плату соседка согласилась три раза в неделю забирать Аню к себе. На работе маме тоже пошли навстречу — решили два дня работать дома. Тогда-то девочка узнала новое

слово — надомник. В течение двух недель Аня внимательно следила за тем, чтобы мама не ошиблась, когда ей на работу, а когда она — надомник. В конце концов дочка сама сбилась со счета и долго вспоминала, где будет мама завтра: дома или на работе. На всякий случай с вечера уточнила:

— Мама, мы завтра кто — надомники или наработники?

У Ани есть няня, которую зовут Эсфирь Соломоновна. Поначалу девочке трудно было выговаривать такое имя полностью. Но в короткий срок упорная Аня добилась успеха.

Однажды мама прочитала Ане «Сказку о глупом мышонке». А через некоторое время, проверяя восприимчивость дочери, попросила:

— Аня, расскажи, пожалуйста, «Сказку о глупом мышонке». Я не очень хорошо ее запомнила.

И Аня с удовольствием согласилась:

— Мама мышонка долго искала няню... Эсфирь Соломоновну...

Для того, чтобы Аня не забывала русский язык, мама придумала такую игру. Мама спрашивает:

— Кто тушит пожар?

Аня отвечает:

— Пожарник.

Мама:

— Кто пасет коров?

Аня:

— Коровник.

Автобусная остановка. Аня с мамой ждут автобус. Девочка уже умеет считать и при случае охотно демонстрирует свои навыки.

— Какой у нас автобус? — спрашивает Аня.

— Третий, — говорит мама.

Один за другим к остановке подходят два автобуса. Когда появляется следующий, Аня радостно восклицает:

— Наш!

— Нет, — останавливает девочку мама. — Это двадцатый.

— Я же считала, — обижается Аня. — Сначала был первый.

Потом — второй. А это наш, третий!

Аня живет на берегу моря. Как-то летом ее повезли в Москву. Погостить у бабушки с дедушкой. Радуюсь встрече с любимой внучкой, те засыпали ее разными вопросами. В частности, дедушка поинтересовался, знает ли Анечка, кто в море живет.

— Там живет кит... — охотно начала перечислять внучка. — Еще акула... Потом медуза...

На этом перечень обитателей океана иссяк. Девочка очень огорчилась. По лицу было видно, как она переживает. К счастью, огорчение было не долгим.

— Еще в океане живет фаршированная щука! — обрадовала она дедушку.

Самое большое впечатление в Москве произвел на Аню зоопарк. В частности, семейство львов. Девочку нельзя было оторвать от вольера с хищниками. Звери ей показались ласковыми и добрыми.

— А как их зовут? — спросила она у родителей.

— Не знаю, — сказала мама. — Тут нигде не написано.

Папа тоже пожал плечами.

— А я знаю! — заявила Анечка. — Маму зовут Львица. Папу — Лвиц. А их маленького сыночка — Лвицых!

Бабушка Ани, узнав, что внучка собирается покататься на лыжах, укоризненно говорит:

— Анечка, еврейское ли это дело — ходить на лыжах?

В ожидании новогодних подарков шестилетняя Аня объясняет подружке, что такое сюрприз:

— Сюрприз — это такой подарок, о котором жертва совсем не догадывается.

СЕРГЕЙ ЛЕМЕШЕВ — ВЕЧНЫЙ ЛЕНСКИЙ

Вызывают меня как-то к шефу. Когда я вошел в его кабинет, там находился еще один мужчина. Лицо его показалось мне неправдоподобно знакомым. Наверное, я просто не ожидал такой встречи... Народный артист СССР, прославленный тенор Сергей Яковлевич Лемешев!

Кумир миллионов и презренные деньги

Да, это именно он, привстав с кресла и приветливо улыбаясь, протягивал мне руку.

— Здра-авствуйте...

Уж не помню, что я ответил Лемешеву. Наверное, тоже поздоровался. Тоже протянул руку. Слова и действия в данном случае не имели значения. Помню, как ликовала моя душа, какой восторженный сумбур царил в мыслях.

Между тем главный редактор четко и по-деловому объяснил, что Сергей Яковлевич готов сняться в большом документальном фильме. Рассказать о себе, о своем творчестве... Самым невероятным для меня было то, что делать этот фильм редакция поручает мне.

Врезались в память слова, сказанные Лемешевым:

— Мне уже шестьдесят три года... Хотелось, чтобы после тебя что-то осталось.

Ему, столько уже сделавшему в жизни, казалось, будто он что-то недодал людям, оставался у них в долгу.

Следующая фраза Лемешева меня буквально сразила.

— Я же теперь пенсионер, — с горечью сказал он. — А жить на одну пенсию очень трудно. Приходится еще работать. Гастролировать по стране.

Боже мой! Великий Лемешев, и какая-то там пенсия! Кумир миллионов и презренные деньги!... Моему пониманию это

не поддавалось. Реальный человек в данном случае воспринимался как небожитель, парящий над бытом... Как некая духовная субстанция, существующая помимо земных забот...

Четко помню – мы договорились созвониться. Сергей Яковлевич пообещал объявиться сам после недельных гастролей. Даже день и время назначил – понедельник, восемь утра.

Честно признаюсь, я не ожидал, что Лемешев напомнит о себе точно в назначенный час. Мало ли у человека иных забот... В указанный понедельник, ровно в восемь, минута в минуту, у меня в доме раздался телефонный звонок.

Разговор получился по-деловому коротким. Сергей Яковлевич пригласил меня к себе на Тверскую. Пора было обсудить план работы.

«Артисты – самые беспутные люди»

Хозяин встречает меня по-простому: в домашнем халате, с лоснящейся кремовой маской на лице. В этой простоте чувствуются открытость, непосредственность, какое-то особое лемешевское обаяние. Сергей Яковлевич проводит меня в кабинет. Усаживает на диван. Сам располагается на стуле возле рояля. В комнате уютно, красиво, никакой вычурности. Много света. На стене портреты Собинова, Шаляпина.

Сначала мы обсуждаем предстоящее грандиозное событие – юбилейное, пятисотое исполнение Лемешевым партии Ленского в «Евгении Онегине». Большой праздник для всех любителей музыки. Мне же он грозит тяжким испытанием, о котором я, естественно, умалчиваю. Выступление Лемешева обязательно должно быть заснято на кинолентку. Это не подлежит никакому сомнению. Но при нашей телевизионной бюрократии задание выглядит едва ли выполнимым. Фильм в производство еще не запущен, его нет в плане. Отсутствие в плане означает – ни финансирования, ни съемочной группы. Забегая вперед, с гордостью отмечу, что с возникшими трудностями удалось справиться. Не без помощи начальства, конечно. Все понимали, какой это великолепный материал – пятисотое исполнение Лемешевым партии Ленского в Большом театре.

— Ленский — не только моя самая любимая партия, — сказал тогда Сергей Яковлевич, — но и моя путеводная звезда... Я пел ее всю жизнь и, как видите, не расстаюсь до сих пор...

Я попросил Лемешева рассказать о творческой судьбе, которая вознесла его, простого деревенского парня, к такому триумфу, какого не знал, пожалуй, ни один современный оперный артист.

— А все потому, что я родился в музыкальной деревне, — пошутил Сергей Яковлевич. — Это Старое Князево бывшей Тверской губернии. Там 10 июля 1902 года я и появился на свет. Родители мои — Акулина Сергеевна и Яков Степанович — были бедняками. Они поженились без родительского благословения, поэтому им не выделили ни клочка земли. Так и мыкались в батраках... Отец умер, когда мне не было и десяти лет. Все заботы легли на материнские плечи. Пришлось тогда и мне «идти в люди», помогать матери... Сколько помню, земляки мои всегда пели. И дома. И на улице. И во время полевых работ. Причем выразительно, проникновенно, душевно. Я думаю, это помогало людям преодолевать трудности жизни.

Вместе со всеми пел и маленький Сережа Лемешев. Особенно нравилось петь, когда он оставался один, наедине с природой. С детства Сергей был отличным рыбаком. Почти каждый день приносил улов, которого хватало не только для домашнего стола, но и на продажу. Бывалые рыбаки диву давались — чем этот паренек так привораживает карасей, налимов и щук. Не знали, что во время рыбалки он постоянно поет. И, может быть, замороженная чудесным голосом молодого певца рыба сама шла ему в сети?

Летом в деревню наезжали дачники. Были среди них и профессиональные музыканты. Они-то и посоветовали Сергею учиться. Юноша был крайне удивлен. Чему учиться — пению? Так у них вся деревня поет без всякого учения... Тем не менее, когда в соседней деревне организовали драмкружок, Лемешев в него записался. Ему нравилось участвовать в постановках по пьесам Островского. Но больше всего он любил оставаться в клубе после представления и исполнять под гармошку народные песни. Успех всегда был невообразимый...

Весной 1920 года, когда Лемешеву не было и восемнадцати, он отправился в Тверь и поступил в кавалерийскую школу. Он очень любил лошадей и был великолепным наездником.

«Сын-то у тебя какой, Акулина! — радовались односельчане. — По хорошей дороге пошел!»

Кавалерийская школа действительно оказалась замечательной. В ней были люди, не чуждые искусству. Лемешева ценили не только как наездника, но и как исполнителя песен и романсов, которые он безотказно пел во всех самодеятельных концертах.

В Твери молодой кавалерист впервые познакомился с оперой. В клубе текстильщиков ставили «Риголетто» и «Травиату». Исполнители были свои, местные, но им иногда помогали гастролировавшие артисты из Москвы. Однажды Лемешеву посчастливилось услышать самого Собинова, о котором говорили, будто это самый лучший тенор в стране. То, что услышал Лемешев, превзошло все его ожидания. Собинов пел своего неповторимого Ленского...

«Глядя на него из последних рядов партера, — вспоминал Сергей Яковлевич, — мог ли я подумать, что через каких-то десять лет стану солистом Большого театра, познакомлюсь с Собиновым, буду с ним говорить, получать драгоценные советы и люблю его как человека не меньше, чем как певца...»

Среди командования кавшколоы нашлись люди, которые посчитали возможным направить своего талантливый питомца на учебу в консерваторию. Узнав об этом, деревенские изменили отношение к бывшему земляку.

«Ну и сынок у тебя, Акулина, — сетовали они. — Пошел учиться на артиста. А знаешь ли ты, что артисты — самые беспутные люди. Он тебя забудет, и уж в старости помощи от него не жди!»

Как же они были поражены, когда спустя несколько лет Сергей купил матери вместо старенькой развалюхи новый великолепный дом. После этого вся деревня снова заговорила по-другому. И величать Сергея стали не иначе как «наш Сергей Яковлевич»...

Ленский без грима

В начале 1925 года, продолжая учебу в консерватории, Лемешев поступает в оперную студию Станиславского. Знаменитый режиссер был одержим идеей создания своей оперной труппы.

Актерское мастерство вокалистов, даже самых именитых, его не устраивало. Он хотел, чтобы они не только пели, но и играли как драматические артисты.

С этих позиций Станиславский начал работать с Лемешевым над партией Ленского. Работа продолжалась около года. Станиславский считал, что для сцены Лемешев еще не готов. Но произошло непредвиденное — внезапно заболел главный исполнитель. Вечером спектакль, а замены нет. Курьером Лемешева срочно вызывают на репетицию.

Первое, что он слышит:

— Ну вот, ваша мечта сбывается... Давайте вспомним все, что мы делали.

Вместе со Станиславским они проходят партию от начала до конца. А когда гример перед спектаклем начинает работать с Лемешевым, Станиславский предупреждает:

— Вы его не очень-то гримируйте. Он и без грима сойдет за Ленского...

Нового Ленского зрители приняли с восторгом. Событие это произошло в самом конце 1925 года.

Несмотря на успех у Станиславского, Лемешев решил, что в студии он все же не останется. Ему хотелось уже сейчас испытать судьбу — пройти прослушивание в Большом театре.

Сколько тайных надежд было связано с этим испытанием! Сколько душевных и физических сил ушло на подготовку... Он мечтал об основных партиях оперного репертуара. В первую очередь, о Ленском. Ему же после прослушивания предложили второстепенные роли, от которых он категорически отказался. Директор Свердловской оперы, присутствовавший на пробах, предложил годовой договор на те самые ведущие партии. Соглашаясь с предложением, Лемешев дал себе зарок — через пять лет вернуться и доказать, что он достоин звания солиста главного театра страны.

Пять лет, отведенные на завоевание оперного Олимпа, Лемешев проводит в титанической работе на самых разных сценах.

Год в Свердловске... Блистательный Берендей в «Снегурочке» Римского-Корсакова... Граф Альмавива в «Севильском цирюльнике»... «Травиата». Двенадцать партий ведущего репертуара за один сезон.

Следующий шаг к вершине — два сезона в Харбине, китайском городе, где находилась большая колония русских специалистов, обслуживавших Китайско-Восточную железную дорогу. Специально для них была создана оперная труппа.

Искусство Лемешева — светлое, солнечное, жизнеутверждающее — пользовалось неизменным успехом. В нем были радость жизни и неунывающий оптимизм. Кроме оперных партий, он исполнял замечательные русские песни. А ведь до него, за исключением разве что Шаляпина, мало кто брался за песенный жанр, считая его «низким», недостойным серьезного оперного певца.

Творческая пятилетка завершилась двумя успешными сезонами в Тбилисской опере. Только один красноречивый факт, свидетельствующий об этом успехе: песенку герцога «Сердце красавицы» тбилисская публика заставила повторить четырежды — на русском, грузинском, армянском и итальянском языках...

Срок, который дал себе Лемешев на подготовку к штурму Большого, заканчивался. И вот настает день повторного прослушивания. Результат — блестящий. Лемешева зачисляют в оперную труппу, теперь уже на ведущие партии репертуара.

«Итак, я принят в Большой театр! Сбылась моя заветная мечта! Шутка ли сказать! Всего каких-нибудь десять лет назад я был деревенским парнем, а теперь стал артистом лучшего в стране оперного театра!» Так думал Лемешев, радуясь своей победе. Но, как это часто бывает, достигнув долгожданной цели, человек вдруг ощущает некоторую опустошенность, а с нею приходят и сомнения.

«Зачем я это сделал? Ведь там, откуда я ушел, было все так хорошо... Что меня ждет здесь, на новом месте?»

Вспомнилась родная деревня... Простой народ, который его окружал... Вот когда Лемешев пожалел, что покинул своих земляков, что сам придумал себе такую тяжелую жизнь...

«Любимой жене моей Вере...»

Было на пути к успеху нашего героя еще одно суровое испытание — война. Основной состав Большого театра эвакуировали в Куйбышев. Но Лемешев, в числе других корифеев сцены,

таких как Обухова, Степанова, Катульская, не захотел покидать родной город. Их стараниями Большой продолжал работать. Соппротивление врагу оказывалось самое неожиданное. Чего стоит, например, один эпизод, рассказанный Лемешевым, — о дуэли Онегина с Ленским, которая трижды прерывалась сигналами воздушной тревоги.

По первому сигналу спектакль был остановлен. Зрителям предложили пройти на соседнюю станцию метро — в бомбоубежище. Люди нехотя покидают зал. Пережидают налет вражеской авиации. Через полчаса спектакль продолжается.

Онегин и Ленский снова берутся за пистолеты. Как зло, очередная тревога. На этот раз зрители не хотят уходить. Их уговаривают спуститься хотя бы в подвал... А когда та же история повторяется в третий раз, зал встречает воздушную тревогу дружным хохотом. У всех складывается впечатление, будто фашисты специально стараются во что бы то ни стало сорвать представление... Зал бушует. Никто не желает уступить вражеской угрозе. Зрители требуют продолжения дуэли... А в это время в московском небе разворачивается другая дуэль. Советские истребители борются с армадами немецких бомбардировщиков. Дуэль в небе и дуэль на сцене точно совпадают по времени. А отбой тревоги — с выстрелом Онегина. Ленский убит. Но что творится в зале! Люди плачут, смеются, обнимают и целуют друг друга... Гибель Ленского воспринимается как общая — и артистов и зрителей — победа над врагом. Победа над злом, которое так презираемо и потому заранее обречено.

После спектакля к Лемешеву подошел генерал Журавлев, командующий воздушной обороной Москвы.

— Как это хорошо, что вы остались! — сказал он, благодаря артиста. — Сейчас так важно, чтобы Большой театр работал. Ведь это символ нашего города. Символ непобедимости.

Популярность Лемешева в войну поистине была безграничной. Народ знал его не только как оперного певца, но и как героя популярного фильма «Музыкальная история», снятого незадолго до начала боевых действий. Герой фильма, простой парень Петя Говорков, буквально повторял жизненный путь Сергея Яковлевича Лемешева. Практически Лемешев играл в фильме самого себя. Там было много музыки и забавных ситуаций. Но

главное — там была недавняя мирная жизнь. Люди смотрели это кино и будто возвращались в свое прошлое. Им так хотелось его вернуть. И веселый Петя Говорков внушал надежду, что так оно и будет.

Здесь напрашивается одно немаловажное отступление.

Реальная жизнь страны в довоенные годы подменялась всевозможными мифами. Мы — самые сильные! Мы — самые счастливые! Мы — самые свободные! Эта мифология подхватывалась прессой, художниками, музыкантами, артистами. Воплощалась в литературе и на киноэкране...

Удивительное дело! Несмотря на всю фальшь идеологических установок, бывали случаи, когда легенды совпадали с действительностью. Миф о простом деревенском парне, сумевшем с помощью советской власти добиться всенародного признания и стать кумиром миллионов, в случае с Лемешевым и его героем Петей Говорковым ничуть не грешит против правды. Может быть, такое стало возможно благодаря личности самого Сергея Яковлевича — фальшь к нему не приставала. Он отторгал ее своей честностью, непосредственностью и скромностью.

Однажды в Советский Союз приехали мировые знаменитости, солисты парижской «Гранд-опера» — сопрано Жори Буэ и баритон Роже Бурден, — петь партии Татьяны и Онегина. Ленского исполнял Лемешев. Никто не догадался предупредить французов, что будет, когда на сцене появится Лемешев. Зал взорвался такими аплодисментами, что пришлось приостановить спектакль. Французы не понимают происходящее. Даже пугаются. Их здесь никто не знает. Кому же предназначены эти овации? Когда им все объяснили, французженка изумленно воскликнула:

— Кто бы мог подумать? Ведь Лемешев на всех репетициях держался так скромно...

Ходило много домыслов о личной жизни артиста. Людская молва любит склонять великие имена. У Сергея Яковлевича было два брака. Первая жена, она же партнерша по сцене, — Ирина Масленникова. Впервые он услышал ее в 1943 году в «Риголетто» и, как признается сам, заслушался ее пением. Вплоть до 1950 года Ирина Ивановна была постоянной партнершей Лемешева почти во всех постановках. «Петь с ней было очень удобно. Мы подхо-

дили друг другу по лирическому звучанию голосов и по внешним данным. Это был подлинный ансамбль, который принес мне много творческой радости».

Повороты судьбы не всегда поддаются нашему пониманию. В 1950 году Лемешев и Масленникова расстаются. Второй женой Сергея Яковлевича становится солистка ленинградского Малого театра Вера Николаевна Кудрявцева. С ней Лемешев проживет двадцать семь лет, до самой своей кончины. Когда вышел в свет сигнальный экземпляр его книги «Путь к искусству», Сергей Яковлевич лежал с тяжелым инфарктом в больнице. Там, на больничной койке, он сделал такую надпись:

«Моему дорогому и верному другу, помощнику и советчику во всех моих делах. Любимой жене моей Вере. Сергей».

Фильм уничтожен...

Наши встречи с Лемешевым проходили не только у него дома, но и в Доме звукозаписи на улице Качалова. Там хранится весь наш радиоархив. Сергей Яковлевич прослушивал собственные записи, отбирал то, что считал нужным для будущего фильма, давал по ходу интереснейшие комментарии. Я радовался, что все это удастся воспроизвести на экране. Увы, надежды не оправдались. Сергей Яковлевич уехал в очередную гастрольную поездку, а я засел за сценарий. За месяц, пока мы не виделись, на телевидении произошла реорганизация. Редакции, которые делали фильмы самостоятельно, потеряли такое право. Лишилась права на фильм о Лемешеве и наша редакция музыкальных программ. Документальное кино полностью переходило отныне в ведение вновь созданной студии – «Летопись полувека». Все творческие силы, все технические возможности телевидения были брошены на один, главный проект. Приближалось пятидесятилетие Октябрьской революции, и телевизионное начальство спешило преподнести руководству страны «подарок» – пятьдесят полнометражных документальных фильмов о каждом прожитом годе великого пятидесятилетия. В них, как и положено, была показана парадная жизнь страны. В этой стихии фальши фильму о великом русском теноре места не нашлось. Более того, когда я попытался сохранить отснятый материал – пятисотое исполнение Лемешевым партии

Ленского, съемки за кулисами после спектакля, всю атмосферу этого неповторимого праздника для будущего, оказалось, что в фильмохранилище ничего уже нет. Все было передано той же «Летописи полувека». Как мне объяснил директор, «лишний» материал пришлось «списать». Иными словами – просто уничтожить.

Такая вот получилась у нас «Музыкальная история». Грустная и безнадежная. Жаловаться Сергей Яковлевич никому не стал. Слишком деликатный был человек...

«СЛЫШЕН ГОЛОС ОТЧИЗНЫ РОДИМОЙ...»

Первая моя самостоятельная работа на телевидении — документальный фильм «Надежда Андреевна Обухова». Снимали мы его к восьмидесятилетию великой певицы. Было это в 1966 году. В фильме нет дикторского текста. Живой, задушевный голос самой Обуховой сопровождает киноповествование. По счастливой случайности мне тогда удалось обнаружить в радифонде кассету с замечательными воспоминаниями певицы. Увы, этот бесценный материал в период ликвидации Гостелерадио безвозвратно исчез. Но текст, к счастью, сохранился. И я имею возможность хотя бы частично его использовать.

«Не верю!»

Великий реформатор театра Константин Сергеевич Станиславский мечтал воплотить свою идею жизненной достоверности не только в драме, но и в опере. Он считал, что оперный певец должен быть еще и хорошим драматическим артистом. Для этого и была создана оперная студия Станиславского, где молодые вокалисты получали не только музыкальную, но и солидную актерскую подготовку. Пренебрегая условностями оперного исполнения, прославленный мэтр требовал от певцов правды жизни, которую те, к сожалению, дать не могли. Ведь не каждый оперный артист обладает таким же даром перевоплощения, как драматический. Главный инструмент певца для создания сценического образа — это голос. Но Станиславский хотел большего. Потому-то в его студии частенько повторялась одна и та же картина. Прослушав очередного студийца, исполнителя той или иной оперной партии, строгий мэтр выносил жесткий вердикт: «Не верю!»...

Работа над ролью продолжалась. Бесконечные репетиции. Изнурительные актерские этюды. Поиски все той же жизненной

достоверности. Наконец, новое прослушивание. И тот же безжалостный приговор: «Не верю!»

В конце концов идея оперной драмстудии исчерпала себя. Но в истории русского оперного искусства осталось несколько великих имен, которые воплотили на сцене идеал подлинного сочетания таланта вокального и драматического. Первый среди них — Федор Иванович Шаляпин. Рядом по праву можно поставить Сергея Яковлевича Лемешева и Надежду Андреевну Обухову. Восхождение последних на подмостки начиналось со школы Станиславского. Недаром, увидев однажды на сцене Большого театра трактовку образа Кармен, одну из самых ярких, красочных и в то же время драматических созданий Обуховой, Станиславский с присущим ему темпераментом воскликнул:

— Гениально! Это именно то, чего я добивался...

«Там, вдали, за рекой...»

Путь на оперный Олимп начинался в небольшой деревушке Хворостянка Тамбовской губернии, где находилось имение деда Обуховой — Адриана Мазараки. Блестяще образованный человек, талантливый пианист, он был близким другом знаменитых братьев Рубинштейн, основателей Московской консерватории. Его дочь Мария, мать Обуховой, умерла от скоротечной чахотки, когда девочке было всего два года. Кроме нее, на руках у деда осталось еще двое внуков — трехлетняя Анна и годовалый Юрий. Их отец, гусарский офицер Андрей Трофимович Обухов, воспитанием детей не занимался. Все заботы об осиротевших малышах взял на себя дед. Горе его от потери единственной дочери было неопишимо. Будучи по природе очень добрым человеком, он оказался достаточно строгим наставником: с малых лет прививал внукам навыки трудолюбия и прилежания. Кроме обязательных уроков фортепиано, детей учили по программе классической гимназии, в том числе языкам — немецкому и французскому. На закате жизни Надежда Андреевна с большой теплотой вспоминала жизнь в Хворостянке, у деда, тот уют, который царил в старом дворянском доме, утопающем в зелени огромного парка.

Из воспоминаний Н.А. Обуховой:

«Я пела с детства, с тех пор, как себя помню. У брата и сестры тоже были голоса, вся семья была музыкальная. Вспоминаю, как дедушка собирал нас, садился за рояль и мы под его аккомпанемент пели в унисон песенки и среди них — “Там вдали, за рекой, раздаётся порой: ку-ку, ку-ку”...

А в закатный час я любила выходить на проселочную дорогу и смотреть на расстилающиеся кругом поля с колыхающей от ветра рожью, усеянные по краям васильками и ромашками. Какое-то особенное чувство наслаждения испытывала я, вдыхая полной грудью запах цветущей ржи и чернозема, смешанный с полевыми цветами и душистыми травами. Я стояла и смотрела вдаль на возвращающиеся с полей стада, на потухающее солнце, на табуны лошадей. Слушала пастуха, игравшего на дудочке, и особенно любила слушать народные песни: самой хотелось примкнуть к голосистым народным певцам, петь вместе с ними».

И она пела. То старинные свадебные песни, воображая себя невестой, которая прощается со своей девичьей волей. А то веселые, задорные частушки, которыми сопровождалась широкая масленица, когда по улицам проносились розвальни, полные девчат и парней... Так с годами крепла ее любовь к народной песне, ставшая основой всех будущих художественных исканий.

Вскоре, однако, жизнь сестер Обуховых круто переменялась. Ранняя смерть дочери постоянно угнетала Мазараки, вселяла страх за здоровье внучек, которые были склонны к постоянным простудам и ангинам. И он решил вывезти их на юг Франции, в Ниццу. Вместо неоглядных полей, шума вековых лип в старом парке и любимых песен, вместо дождливых дней русской осени они вдруг увидели ласковое солнце французского Лазурного Берега, оказавшись среди пальмовых аллей вдоль синего моря, цветущих апельсиновых и лимонных рощ, душистых мимоз и фиалок...

Новые радости и новое горе

Ницца очаровала сестер Обуховых. Особенно им нравилось, когда под балконом виллы, которую они снимали, собирались

уличные певцы с бубнами и кастаньетами, аккомпанируя себе на гитаре и мандолине, пели народные песни. Самая веселая пора в Ницце наступала в феврале — во время традиционного карнавала. Пестрый, веселый люд заполнял улицы города. Давались костюмированные балы. Устраивались маскарады. И все эти радости жизни сопровождалась музыкой, танцами, пением... Участвовать в красочных мероприятиях сестрам удавалось нечасто. Сказывалось строгое воспитание деда, который считал, что главное в жизни не праздность и веселое времяпрепровождение, а труд. Девочки и сами это хорошо понимали — много читали, занимались с преподавателями, изучали языки, на этот раз английский и итальянский... Одним из самых сильных впечатлений от пребывания во Франции была встреча с искусством Федора Ивановича Шалягина. Как раз в то время он совершил свою первую гастрольную поездку по Европе. Успех его выступлений пробудил за границей интерес к русской опере. А для Обуховой эта встреча стала подлинным открытием: она поняла, что великий оперный певец должен быть еще и большим драматическим артистом. То есть как бы бессознательно следовала указаниям Станиславского... Там же, в Ницце, она поделилась с дедушкой своей мечтой — начать учиться пению. Он отнесся к этому очень одобрительно. Лучшей преподавательницей по вокалу в Ницце считалась мадам Липман, ученица знаменитой Полины Виардо. Проба у мадам Липман прошла успешно. И с пятнадцати лет Обухова начала профессионально заниматься вокалом.

Желая дать внучкам всестороннее образование, дедушка решил приобщить их к сокровищам культуры и искусства Италии. С этой целью было организовано турне по Италии, первым пунктом которого стал Неаполь. И здесь внимание Надежды Обуховой привлекли прежде всего уличные певцы.

Из воспоминаний Н.А. Обуховой:

«Меня очень увлекали звуки тарантеллы, огненный темперамент певцов-танцоров. Я решила сама так же научиться петь и часто присоединялась к участникам представления. Все это были простые люди из народа — рыбаки, портные, продавцы... Днем они работали, а вечерний досуг посвящали пению и пляскам. Я подружилась с гитаристом Джованно Амброзино, который стал давать мне уроки игры на

гитаре; с его голоса я выучила много местных песен. Таких как “Санта Лючия”, “О, мое солнце”, “Вернись в Сорренто”... Амброзино очень нравились наши русские песни, которые я ему пела. Он даже сам старался выучить и подпевал мне “Коробейников”...»

После Неаполя был Рим, с его Колизеем, храмом св. Петра, творениями Микеланджело, Рафаэля, фресками Джотто... Потом последовали Флоренция, Милан и, наконец, знаменитый город на воде — Венеция... В первый же вечер Обухову поразила заливаемая огнями площадь св. Марка, представляющая собой огромную сцену, в разных концах которой играли всевозможные оркестры. Музыка слышалась и со стороны канала, где стоял плавучий баркас. Оттуда доносились чарующие звуки оперных арий и народных песен. Внучки упростили дедушку подплыть к баркасу, вокруг которого собралось уже много гондол. По словам Обуховой, она жадно прислушивалась к этим песням: они были так мелодичны, красивы, напевны! Ей хотелось их запомнить и петь самой...

Зимние поездки в Ниццу продолжались несколько лет. Последняя состоялась в 1906 году. В ту зиму дед Обуховых Адриан Мазараки внезапно скончался. Его похоронили в Ницце. Горе сестер было неутешным. Не облегчало его и то, что из своих поездок они увозили массу впечатлений. Надежда Андреевна — огромный багаж французских и итальянских песен, которые дополнили ее русский репертуар.

В тот год Обуховой исполнилось двадцать. Пора было серьезно подумать о будущем.

Московская консерватория

Первый визит в Москве был к старшему брату отца — дядюшке Сергею Трофимовичу Обухову. В московском музыкальном мире он занимал весьма важное место, служил управляющим конторой Императорских театров. От него многое зависело. В частности, осуществление заветной мечты — поступление в Московскую консерваторию. Прослушав племянницу, дядя остался очень доволен и решил показать Надежду Андреевну профессору консерватории Мазетти.

Из воспоминаний Н.А. Обуховой:

«Мы пошли к нему. Дорогой я очень волновалась, но Мазетти встретил нас приветливо. Внимательно прослушал меня, заставил спеть несколько гамм и арпеджио и, к моей большой радости, сказал, что он согласен принять меня в свой класс...

Мазетти был строгий, взыскательный художник. Вначале я мало верила в себя, но Мазетти внушал мне иное, и это давало силы работать и совершенствоваться. Первым вокальным произведением, которое я исполнила публично в консерваторском концерте, был романс Мартини “Радости любви”. А на выпускном экзамене я пела арию Иоанны из оперы Чайковского “Орлеанская дева” и два романса — “Мы сидели с тобой” того же Чайковского и “В мягких сумерках” Рихарда Штрауса».

Между этими двумя выступлениями было целых пять лет упорного, напряженного, но радостного труда над сложнейшим оперным репертуаром. Система обучения у Мазетти была своеобразной. Он считал, что начинающий певец должен заниматься не более десяти-пятнадцати минут да еще с перерывами. Никакого напряжения для увеличения силы голоса. Никакого насилия над голосовым аппаратом. Пение должно быть таким же легким, как разговорная речь. Петь нужно на улыбке, часто повторял он. И показывал студентам, как это следует делать. Для начала Мазетти учил Обухову петь классические итальянские арии, которые она исполняла на языке оригинала. Постепенно программа усложнялась. Мазетти был очень доволен успехами своей ученицы. И все-таки, слушая на сцене таких великих певцов, как Нежданова, Шаляпин, Собинов, невольно сравнивая себя с ними, Обухова чувствовала себя всего лишь ученицей. Ей очень хотелось испытать свои возможности перед беспристрастными судьями. И такой случай неожиданно представился. Мариинский театр — знаменитая Мариинка — объявил о пробе голосов для отбора лучших в свою труппу. До этого Обухова как-то заикнулась в разговоре со своим влиятельным дядей о желании поучаствовать в отборе вокалистов для Большого театра. Поначалу дядя отнесся к этой идее положительно. Но затем, опасаясь обвинений в протектировании, отказался помочь племяннице.

Что не в последнюю очередь подвигло Надежду Андреевну сделать это в Мариинке. Для полной объективности Обухова решила отправиться в Петербург инкогнито. И пела на пробе под чужой фамилией, назвавшись Андреевой.

Обухова подготовила романс Полины из оперы «Пиковая дама», арию Любавы из «Садко» и сцену Амнерис из «Аиды». Проба прошла блестяще. На следующее утро об этом даже написали в газете:

«Успех молодой певицы Андреевой, меццо-сопрано из Москвы...»

Инкогнито, однако, продолжалось недолго. Еще через день, уже в московских газетах, было объявлено: «Заканчивающая в этом году консерваторию ученица Мазетти — Обухова, племянница управляющего конторой Императорских театров, принята в Мариинский театр».

Но от лестного предложения Обухова, тем не менее, отказалась. Главное, она окончательно преодолела неверие в собственные творческие возможности. И доказала высокопоставленному дядюшке, что никакой протекции ей не требуется. Заветной ее мечтой оставался по-прежнему Большой театр.

От успеха к успеху

Вскоре после окончания консерватории Обухова вышла замуж. Ее муж — Павел Сергеевич Архипов — заведовал постановочно-монтажной частью Большого театра. Все шло к тому, что они будут работать в одном театре. Ход мировой истории нарушил все планы. Обухова действительно оказалась в одном театре с мужем. Но это был совсем другой театр — военных действий. Павла Архипова, прапорщика запаса, призвали в армию. Сначала его часть находилась в небольшом городке Павловске под Воронежем, а затем была переброшена на передовые позиции в Перемышле. Все это время Обухова находилась рядом с мужем. Два года проработала в госпитале сестрой милосердия. Не только делала перевязки, но и пела раненым их любимые русские песни. Участвовала во всевозможных благотворительных концертах... Тогда-то, возможно, и заявило о себе дремавшее в ней материнское начало. Рано лишившись

матери, Надежда Андреевна с малых лет была обделена теплом и лаской, какую способна дать ребенку только мать. Это во многом сформировало ее характер — невероятную отзывчивость на человеческое горе, бесконечное стремление согреть, укрыть своим материнским крылом страждущего и несчастного. Тем самым она как бы восполняла то, в чем с детских лет нуждалась сама...

Увы, брак с Архиповым оказался недолгим. Но оставалась мечта: как можно скорее пройти пробу в Большой театр. И в конце концов она осуществилась. Пятого февраля 1916 года Надежда Андреевна дебютирует на сцене Большого театра в роли Полины в «Пиковой даме» Чайковского.

Из воспоминаний Н.А. Обуховой:

«Первое выступление! Какое воспоминание в душе артиста может сравниться с памятью об этом дне? Полная радужных надежд, вышла я на сцену Большого театра, как заходят в родной дом. Таким домом был и остался для меня этот театр на протяжении всей моей более чем тридцатилетней работы в нем. Здесь прошла большая часть моей жизни, с этим театром связаны все мои творческие радости и удачи...»

После блистательного дебюта в «Пиковой даме» Обухова исполняет ведущие партии в «Хованщине» и «Борисе Годунове» Мусоргского, в «Царской невесте» и «Снегурочке» Римского-Корсакова, в «Князе Игоре» Бородина и, наконец, поет партию Кармен в одноименной опере Бизе... Будучи еще совсем девочкой, Обухова слушала эту оперу во Франции, в Ницце. И с тех пор в ней жила мечта самой когда-нибудь воплотить тот образ на сцене.

Из воспоминаний Н.А. Обуховой:

«Когда мне дали петь партию Кармен, я уже на первых репетициях почувствовала, что давно сжилась с музыкой Бизе, сжилась с образом этой горячей натуры, которая борется за свое чувство и предпочитает смерть насилью над этим чувством. Главным для меня было передать в Кармен страстную любовь человека к свободе, ведь для Кармен свобода — высшее счастье».

Более тридцати лет звучал со сцены Большого театра голос Обуховой и вместе с голосами Шаляпина, Собинова, Неждановой составил славу и гордость русской оперы. Кто из нас, старшего поколения, не был очарован волшебным обаянием ее голоса — удивительным обуховским бельканто! Этот редкий вокальный стиль отличается особой певучестью, виртуозностью и красотой звучания... Кто не восхищался глубокими, драматически сложными образами, которые она с одинаковой проникновенностью творила на оперной сцене и на концертной эстраде! Даже те вокальные партии, в которых, казалось бы, все уже найдено другими выдающимися исполнителями, она умела наполнить новым содержанием. Характеры, созданные Обуховой, величественны, хотя им не чужды ни мука, ни грусть, ни страдание. Они возвышенны и полны оптимизма. В них сама жизнь... Может быть, поэтому столь велика была популярность этой певицы в народе и так единодушно признавали ее творчество ценители вокального искусства?

Обратная связь

«Рецензия на мой труд» — так называла Надежда Андреевна поистине необъятную корреспонденцию, приходящую со всех концов нашей страны и из-за рубежа. «Я так много получаю писем, — рассказывала певица, — буквально ими завалена. На все отвечаю, потому что не отвечать не могу...»

Перебирая архив певицы и отбирая материал для фильма, я видел эти старые пожелтевшие конверты, скромные солдатские треугольники, маленькие открытки и длинные послания.

«Вы так глубоко вживаетесь в песни, особенно русские народные, что думаешь, будто поете не Вы, а сама Россия, босая, в расшитом сарафане, склонившись над детской колыбелью...» — обращался к Надежде Андреевне восхищенный ее пением юноша. Другой написал портрет любимой певицы. Любопытна его история.

Однажды ночью Надежду Андреевну разбудил телефонный звонок. Незнакомая женщина просила ее о помощи: у нее умирал сын-подросток, и она умоляла любимую певицу помочь ей найти врача. Вызванная «скорая помощь» не приехала. Было

трудное военное время... Надежда Андреевна, не мешкая, позвонила знаменитому хирургу С. Юдину и тут же, ночью, привезла его к постели ребенка. Требовалась срочная операция. Мальчика спасли. Впоследствии он стал художником. Мы долго его искали и все же нашли. Он рассказал нам конец этой истории.

« — Мне очень хотелось написать портрет Надежды Андреевны, — вспоминал художник В. Суворов, — выразить в нем то, что меня так поразило в ней: величавую простоту и сердечность... Надежда Андреевна долго не соглашалась, но мне удалось уговорить ее. Я начал работать над портретом, когда певице было уже за шестьдесят. Но мне хотелось показать вечную молодость ее щедрой души. Это были самые счастливые дни в моей жизни. Я писал Обухову, а она мне позировала. Она не могла долго стоять на месте и потому ходила по комнате. Пела, много рассказывала о детстве, о том, как любила слушать народные песни, когда жила в деревне у бабушки... Об Италии, об учебе в Московской консерватории у Мазетти, о своих друзьях по сцене... Когда портрет был готов, Обухова повесила его на самое видное место в своей квартире на Брюсовском... Я был счастлив, что моя работа Надежде Андреевне понравилась...»

Еще одна история свидетельствует о том, каким замечательным человеком была Надежда Андреевна Обухова, и как глубоко сочеталась в ней душевность с величием большого таланта. Об этом поведала нам сотрудница вычислительного центра Академии наук Зинаида Дземьянко.

« — Все началось с того, — вспоминала Зинаида Владимировна, — что я под впечатлением от концерта Надежды Андреевны написала ей восторженное письмо и решила подарить альбом с коллекцией фотографий, посвященных артистам Большого театра. Долго колебалась, прежде чем решилась пойти к Надежде Андреевне. Но вот я уже возле ее дома. Поднимаюсь по лестнице на девятый этаж. Звоню. Мне открывает женщина. Я отдаю ей альбом и прошу передать его Надежде Андреевне. Потом начинаю спускаться вниз. И вдруг — я была уже на шестом этаже — сверху раздается сильный, такой сердечный и такой знакомый обуховский голос:

— Зина! Вернитесь!

Я боялась поверить своим ушам. А когда поднялась к ней, она повела меня в комнату, усадила в кресло, стала расспрашивать о жизни, работе и вдруг сказала:

— Хотите, я вам спою? — и начала петь.

Потом Обухова рассказывала мне о своей жизни, читала письма, которые были ей особенно дороги, и снова пела. Трудно передать, насколько поразила меня эта простота, какая-то домашняя непосредственность, с какой встретила меня Надежда Андреевна... Когда она читала письма, я заметила, как трудно ей разбирать чужие почерки.

— А хотите, я вам все эти письма перепечатаю? — неожиданно для самой себя, в порыве благодарности, предложила я.

Обухова пыталась меня отговорить — ведь это так сложно. Но я настояла на своем.

С тех пор, каждый вечер после работы, я с головой уходила в мир обуховских образов и связанных с ними человеческих судеб. За год перепечатала, переплела и подарила Надежде Андреевне двадцать два тома писем... В ответ она дарила мне свои фотографии, всевозможные сувениры, которые стали основой моей коллекции...»

Не могу не привести еще одного письма к любимой певице от простой русской женщины. В нем потрясающее свидетельство жизненной силы, которым одаривала Обухова своих слушателей.

«Около трех лет мне пришлось лежать без движения в одной из московских больниц. Было много трудных минут, но самая трудная была год назад, когда врачи взялись сделать мне еще одну операцию. Наркоз давать мне было нельзя, и тогда я попросила поставить мне Вашу пластинку.

Представьте себе, Вы помогли мне выдержать...»

С особенной силой это качество голоса Обуховой — поддерживать и спасать людей в трудные минуты их жизни — проявилось в годы Великой Отечественной войны.

Вот письмо с фронта, которое среди тысячи других подобных писем, хранится в архиве певицы.

«Дорогая Надежда Андреевна! Слушали сейчас ночной первомайский концерт. По сути дела, Вы тоже истребляете фашистских захватчиков, вливая в нас силу и бодрость... Благодарим за вашу боевую службу...»

Другое письмо — подтверждение того, как благотворно действовал голос певицы на людей, у которых война отняла все. В том числе надежду на смысл дальнейшего существования.

«Ничье пение так не волнует меня, не приносит мне столько счастливых минут, как Ваше. И хотя в моей жизни теперь уже все потеряно — я лишилась близких во время блокады Ленинграда — Ваши концерты уносят меня далеко от личных переживаний...»

Ответом на все эти признания стал поступок Надежды Андреевны, совершенный ею в самый разгар войны. Она ушла из Большого театра. Ради того, чтобы быть ближе к своим слушателям, выступать перед ранеными или перед уходящими на фронт бойцами и тружениками тыла, как делала это еще во время Первой мировой. Обухова пожертвовала делом всей своей жизни — поменяла сцену Большого театра на фронтовые, наспех сооруженные площадки. Она понимала — сейчас это нужнее. Потому, наверное, песни ее и звучали, как голос Родины...

Детский лепет:
ВАСЯ И ДИНА

Васю впервые повели в театр — на «Лебединое озеро». Вернувшись домой, он рассказывал:

— Там танцевал клоун и много официанток.

Самолет идет на посадку. У Васи закладывает уши. Он начинает капризничать.

— Потерпи, сынок, — успокаивает его мама. — Сейчас наш самолет сядет, и у тебя ушки пройдут.

Вася с недоверием смотрит на маму:

— Что ли у самолета есть попа?

Бойкий Вася долго не выговаривал букву «р».

Девочки постарше приставали к нему:

— Вася, скажи корова!

Он хитро щурился:

— На кого?

Останкинскую телебашню окутал густой туман. Пассажиры проезжающего мимо троллейбуса живо реагируют на это явление. Вася кричит на весь вагон:

— Бабуля, смотри, какой огрызок!

Когда Васе исполнилось пять лет, папа начал брать его в баню. Там Вася впервые увидел голых людей. То есть мужчин, конечно. А вот обнаженных женщин увидеть ему не довелось. Только иногда, дома, он видел маму, раздетую до пояса...

Однажды воспитательница детского сада вручила Васиной маме рисунок. На нем был изображен голый человек. Верхняя часть — лицо и грудь — как у женщины. А все, что ниже, — как у мужчины. Рисунок назывался: «Мама в бане».

Воспитательница в детском саду выясняет у детей, что они знают о Москве. На вопрос: откуда взялось такое название — улица Горького, Вася отвечает:

— Я знаю! Там много лука сажали.

Васин папа разбогател. Появилась возможность нанимать мальчику няню. Однажды она загадала Васе загадку:

— Не лает, не кусает, а в дом не пускает?

Он, не задумываясь:

— Охранник!

Соседи угостили Васю баклажанной икрой. Ему это кушанье очень понравилось.

— Такой вкусной икры я никогда не ел, — сказал Вася. — У нас дома всегда простая, черная.

Васе исполнилось десять. Его родители — юристы. И сам он мечтает о той же профессии. Летом к ним приезжали родственники из другого города. Расспрашивали о жизни в Москве. Хорошие ли учителя в школе? С кем дружит?

Когда речь заходит о дружбе с девочкой-одноклассницей, Вася решительно пресекает допрос.

— Все! — говорит он сердито. — На остальные вопросы буду отвечать только в присутствии адвоката!

Бабушка Васи — вдова академика — укоряет внука за двойку по химии:

— Какой позор! Ты что, не знаешь, каким знаменитым химиком был твой дед?

— Менделеев, что ли? — с ясными глазами спрашивает внук.

Диночке два с половиной года.

Вбегает на кухню с ревом.

— Мама, пошлепай меня! Я рюмку разбила...

Дине четыре года. Ее бабушка — редактор журнала. Им домой часто звонят авторы. Однажды телефонный звонок застает бабушку в ванной.

— Дина, — говорит она, — спроси, кто звонит. Не автор ли?

Внучка спешит к телефону.

– Але, вы не автор?

Получив ответ, возвращается к ванной.

– Бабуля, там автор.

– Мужчина или женщина? – уточняет бабушка.

Новая короткая перебежка внучки от ванной до телефона.

– Дядя, а вы мужчина или женщина?

– А я болею, – сообщает соседям Диночка, радуясь, что ее не отвели в детский сад.

– Что же у тебя болит?

– У меня болит... карантин!

У Диночки бронхит. Врачи советуют поставить ей банки. Девочка категорически отказывается. Родители пытаются купить дочь разными посулами. А когда этот вариант не проходит, пробуют применить силу. В ответ Диночка закатывает такую истерику, что на ее вопли сбегается чуть ли не весь дом. И тогда за дело берется дедушка. Сидя у постели внучки, дедушка вспоминает, как в ее возрасте тоже панически боялся банок. И тогда его мама провела удивительный эксперимент. Чмокнула сына в спину. Было очень приятно. Чмокнула второй раз. Только это оказался не поцелуй, а банка. Ощущение от поцелуя и от банок было очень похожим... К рассказу дедушки Диночка отнеслась с интересом. А затем – о, радость! – подставила dedu спину:

– Целуй!

Дедушка прижался губами к нежной спинке внучки. Вот сейчас он посрамит глупых родителей.

– А банки, кстати, мне уже ставили, – с невинным видом говорит Диночка, одаривая деда милой улыбкой.

Диночка с подружкой играет в куклы. Кукольная семья располагается обедать. Подружка ставит на стол флакон из-под духов и поясняет.

– Это винцо.

Дина возражает:

– Винцо нельзя.

– Почему?

– Выпьют винцо, станут алкоголенькие.

Канун 8 марта. Семилетняя Диночка приготовила маме подарок. Собственноручную вышивку — два зайчика под большим листом лопуха. Теперь ей не терпится узнать, какое впечатление произведет подарок... Наконец Диночка не выдерживает.

— Мама, а ты не хочешь знать, какой сюрприз ждет тебя на восьмое марта?

— Хочется, конечно. Но ведь это сюрприз, — объясняет мама.

Ответ вдохновляет девочку. В следующую минуту она с таинственным видом показывает маме свою картинку.

— Вот... Можешь взглянуть... Только одним глазком...

Зайчики маме очень понравились. Диночка счастлива. Но вот незадача — теперь это уже не сюрприз, а просто картинка. Прячь — не прячь, а волшебство тайны куда-то исчезло... Настроение у девочки портится.

— Ну вот, — сердится она на маму, — вынудила все-таки раскрыть мой секрет раньше времени!

СРЕЗКИ

Когда фильм отснят и смонтирован, в специальной корзине возле монтажного стола остается неиспользованный материал — СРЕЗКИ.

Это кусочки пленки, на которой запечатлены разнообразные планы, снятые в павильоне и на натуре. Короткие фрагменты сцен, отдельные реплики, а иногда и целые эпизоды, по тем или иным причинам не вошедшие в картину.

Немало «срезок» скапливается и в письменном столе сценариста — на бумаге. Собранные по крупницам жизненные наблюдения, впечатления от разных встреч и событий, замыслы сюжетов, наброски сцен — словом, все подсмотренное и подслушанное у жизни... Кое-что из этого материала может еще пригодиться для следующих работ. А что-то можно рассматривать как короткие, законченные миниатюры, которые и предлагаю читателю. Может быть, они вызовут улыбку.

* * *

Еду в московском троллейбусе. Справа, вдоль шоссе, крутой склон, усыпанный осенними листьями. На дне овражка дворники набивают мусором большие полиэтиленовые мешки.

Неожиданно вижу такую картину. Вниз по склону спускается парочка. Молодой человек с девушкой на руках. Жених и невеста! Он — в черном костюме. Она — в белом подвенечном платье с фатой.

Слышу позади себя детский голос:

- Бабуля, это правда жених и невеста?
- Да, видно, только что поженились, — объясняют ребенку.
- А почему он ее несет на мусорку?
- Наверное, успели уже поругаться...

* * *

Бедолагу Цуккермана сбила машина. Его отвезли в больницу. Несколько дней Цуккерман не приходил в себя, жизнь его висела на волоске. Наконец он открыл глаза. Первым, кого увидел Цуккерман, был человек в белом халате. Тот улыбнулся и заговорил с Цуккерманом ласково, как с ребенком:

— Ну вот и глазки мы уже открыли... И губки у нас порозовели... Будем знакомиться. Я доктор. Фамилия моя Гробман.

— Как-как? — едва слышно пролепетал Цуккерман.

— Гробман! — приветливо повторил человек в халате.

— Ясно... Гробовщик... — вольно перевел Цуккерман и снова впал в беспамятство.

Этот факт доктор Гробман объяснял следующим образом.

— Чего вы хотите, — говорил он коллегам. — Фамилия пострадавшего Цуккерман. «Сахарный человек»... Чуть что — и уже растаял...

* * *

Споткнулась моя теща в троллейбусе о чью-то ногу.

— Что вы ноги-то выставляете? — упрекнула она пассажира. — Так же и упасть можно!

— Да вы, бабуля, не о мою ногу — о свою старость споткнулись, — возразил пассажир. Рассказывая эту историю, теща вздыхает:

— И не возразишь ведь...

* * *

Приходит она же к врачу.

— Доктор, кажется, я совсем рассыпаюсь.

Врач посмотрел, послушал.

— Рассыпаетесь? Да вы, голубушка, давно уже рассыпались! Теперь нужно думать, как вас собрать.

* * *

Мой друг Головачев за долгие годы работы на Севере дослужился до должности главного геолога крупного нефтегазового

месторождения. Его карьера складывалась бы успешно и дальше, если бы не одно обстоятельство. Месторождением заинтересовались иностранцы — японцы и американцы. Наша сторона горячо поддержала идею совместной эксплуатации месторождения. Однако зарубежные партнеры выдвинули одно условие: запасы природного газа должны оцениваться не менее чем в миллиард кубометров. Разведанные же тянули только на 800 миллионов. Во что бы то ни стало нужно было изыскать недостающие двести.

И вот перед Головачевым ставят задачу — немедленно доразведать нефтегазоносные структуры. Выжать из них все, что возможно, а при необходимости — и что невозможно.

Доразведка желаемых результатов не принесла. В недрах как было 800 миллионов кубометров газа, так и оставалось.

Высокое руководство вызвало главного геолога на ковер. От него прямо потребовали приписки. Головачев отказался. Тогда его пригласили в горком партии. И речь вели уже не как с геологом, а как с коммунистом. То есть зывали к его патриотическим чувствам, гордости за страну, твердили о выгоде, которую нельзя упустить...

— Ну нет там такого количества газа, который им нужен, — втолковывал партийному руководству упрямый Головачев. — Новые структуры оказались пустыми!

И тогда кто-то из партийных боссов безапелляционно изрек:
— Советские недра не могут быть пустыми!

Честный Головачев оскорбился — ведь его обвиняли в непрофессионализме. Не сдержавшись, он выпалил:

— Природный газ все равно что природный ум — или он есть, или его нет!..

Из горкома партии Головачев выходил уже не в ранге главного геолога. Заодно — и без партбилета.

* * *

Преподаватель МГУ Скарятин привез в Дагестан группу студентов-иностранцев. Им предстояло пройти в горах геологическую практику. В это время я тоже находился в Махачкале. Гостил у родителей. Перед поездкой в горы Скарятин оставил у меня часть общественных денег. В основном на обратную

дорогу в Москву. Еще он попросил в случае надобности заранее купить несколько билетов. Кто-то из студентов должен был полететь в Москву пораньше. Кто и когда — Скарятин обещал оповестить меня телеграммой. Спустя две недели получаю такой текст:

«Прошу приобрести билеты Москву студентам Серджио Троватти Самеда Фра Параминдер Мага Пула Лоигкорм». И подпись — Скарятин.

Я задумался — сколько же это человек? Поразмыслив, решил, что трое — Серджио Троватти, Самеда Фра Параминдер и Мага Пула Лоигкорм.

Следует заметить, что в те далекие 1970-е годы билеты на самолет можно было купить, не предъявляя никаких документов. Достаточно было назвать фамилию пассажира. Итак, под мою диктовку кассирша «Аэрофлота» выписала три билета. А спустя несколько дней за ними ко мне заявили двое парней-иностранцев.

— А где третий? — спросил я, заглядывая за их спины.

— Третий? — недоумевают гости. — Нас двое. Я — Серджио Троватти.

— А я — все остальное, — смеется белозубый крепьшш азиатского происхождения.

* * *

Закончив институт легкой промышленности, наш старший сын Гриша получил направление в Общесоюзный дом моделей трикотажных изделий. На должность конструктора верхней одежды.

Просматривая анкету, инспектор отдела кадров спросила с некоторым недоверием:

— Так вы русский?

Ее смутила кавказская внешность Гриши.

— Папа — тат, — коротко объяснил он.

— Папатат? — удивленно переспросила кадровичка. И, обернувшись к коллеге, поинтересовалась: — Вы когда-нибудь слышали про такую национальность — папатат?

— Папатат... папатат... — напрягла память вторая женщина, пока Гриша не разъяснил, что это два слова!

С той поры на вопрос о национальности наших детей мы с женой отвечаем:

— Кирилл у нас русский. А Гриша — папатат!

* * *

В стародавние времена правду могли говорить только шуты и юродивые. Они не боялись даже самых свирепых правителей. Такая была у них привилегия. Нынче любой гражданин может говорить что угодно и о ком угодно. И правители, в общем-то, с этим мирятся.

Не превращаемся ли мы, таким образом, в страну шутов и юродивых?

* * *

Римские императоры одалживали деньги у своих рабов (попробуй не дай!).

Российские правители отнимают деньги у своих подданных (нужно делиться!).

Не пора ли вообще отказаться от денег как источника вечных конфликтов и перейти к натуральному обмену?

* * *

Однажды в милиции я был свидетелем такой вот беседы.

Жена задержанного хулигана просит следователя пожалеть ее непутевого мужа.

— Да он же такой добрый, — всхлипывает она. — Только когда выпьет, может накуролесить.

— Добрый-добрый, а человека избил, — бесстрастно говорит следователь.

— То ж по пьянке, — уверяет женщина. — Трезвый он добрый.

— Что, пьянка, по-вашему, это смягчающее обстоятельство?

Вместо ответа женщина заливается слезами.

— Кстати, нельзя сказать, что ваш муж был очень уж пьян, — продолжает следователь. — Соображал, что делал.

— Он у меня сообразительный, — сквозь слезы поддакивает женщина. — Особенно, когда надо сообразить... на троих.

Обреченно помолчав, женщина внезапно заводится:

— Сколько раз говорила ему, дураку: не заливай глаза, не напивайся до чертиков! Как горохом об стену! А бывало, так отбреет, что людям на глаза стыдно показываться. Вся в синяках хожу.

Женщина всхлипывает. И уже непонятно, кого она больше жалеет — мужа или себя. С выстраданной, прорвавшейся вдруг тоской она тянется к следователю:

— А надолго забрали-то?

— Суд решит, — отвечает следователь.

— Ну и пусть решит, — соглашается женщина. — Намучилась я с ним. Пусть теперь посидит, подумает. А я хоть отдохну маленько.

* * *

Московский троллейбус. Толчея. Мрачные пассажиры, готовые в любой момент выплеснуть свое раздражение на окружающих.

В салоне появляется странный подросток. Помогает старушке подняться по ступенькам. Поддерживает сумку старику, когда тот пробирается к выходу. Просит какого-то верзилу уступить место женщине с ребенком.

Атмосфера в салоне троллейбуса странным образом начинает меняться. Светлеют лица пассажиров. Во взглядах уже нет прежнего ожесточения.

Приглядевшись к подростку, я вижу на его лице выражение застывшего блаженства. Поражает взгляд — младенчески чистый, не от мира сего...

Да это же душевнобольной!

Единственный, у кого при виде окружающего безобразия еще болит душа...

* * *

Захожу как-то в сапожную мастерскую. Там две женщины. Одна принимает обувь в починку. Другая сдает. Жду своей очереди и слышу диалог. — Сразу видно — мальчишка... — приемщица размечает мелком первую пару. — Вон носочки-то как побиты. Я этих футболистов за версту узнаю.

— Ой, не говорите! — живо соглашается клиентка. — Седьмой класс уже, а у этого охламона один футбол на уме. Так и гонял бы с утра до вечера!

Приемщица оценивает следующую пару:

— А это девчонка... Подошва совсем пообтерлась. Дискотека небось?

— Ну! — подхватывает клиентка. — У того — футбол. У этой — танцульки. Разве на них напасешься? Никакой зарплаты не хватает!

В ответ — вздох сочувствия.

Приемщица разглядывает последнюю, третью пару.

— Ну этот хоть у вас аккуратненький, — с нежностью говорит она. — Видать, младший... Домашний еще.. деточка...

Клиентка смущается:

— Да что вы! — зардевшись, отмахивается она. — Муж это мой... Благоверный... Его обувка!

— Надо же... — в голосе приемщицы недоверие. — Никогда не подумала бы...

— А что? — скромно улыбается клиентка. — Мне все подружки завидуют. Маленький-то муж куда практичней большого. Со дня свадьбы в «Детском мире» одеваю его...

* * *

— Наконец-то «бабье лето» пришло, — греясь в лучах октябрьского солнышка, радуется мой сосед по даче.

— Главное — не лето, — замечает другой сосед помоложе. — Главное — чтобы бабы пришли...

* * *

Директором мясокомбината в Москве одно время был человек по фамилии Говядин. А на телевидении я знал шофера по фамилии Руль.

Воистину, в имени сокрыта судьба человека! Только у одних все как на ладони, а у других — тайна за семью печатями.

Хотите знать будущее — вчитывайтесь в свои имена!

* * *

Уильям Шекспир... Трудно найти более-менее грамотного человека, который не знал бы имени великого английского драматурга. Вот уже четыре столетия не сходят с театральных подмостков его гениальные произведения — «Гамлет», «Король Лир», «Ромео и Джульетта»... Всего более трех десятков творений. И на протяжении всех этих веков поколения шекспироведов бьются над загадкой подлинного авторства. Уже во времена Шекспира ходили слухи, будто за этим именем скрывается некая важная особа или даже целая группа авторов, по неизвестной причине скрывающих свою причастность к великой драматургии.

Грандиозная мистификация продолжается до сего времени! Ближе к разгадке ее тайны приблизился российский шекспировед — профессор Илья Гилилов. Свои поиски и версии он описал в книге «Игра об Уильяме Шекспире, или Тайна Великого Феникса», ставшей мировым бестселлером... На этом я остановлюсь и расскажу совсем о другом. О том, как я познакомился с профессором Гилиловым.

По счастливой для меня случайности я оказался участником международного конгресса, на котором присутствовал и знаменитый шекспировед. Знакомство началось еще в самолете, который следовал в Тель-Авив, а затем продолжилось в ресторане отеля, где по случаю открытия конгресса был дан грандиозный банкет. Ничто не сближает людей так быстро, как совместное застолье. Кроме россиян, за нашим столиком оказались два американских профессора, израильтянин, по одному представителю Грузии и Азербайджана. Для начала мы условились, что каждый коротко расскажет о себе. Впрочем, Гилилова все знали и сразу стали интересоваться новым изданием его книги.

— Так вы действительно нашли подлинного Шекспира? — полюбопытствовал сосед из Грузии.

— Ищем... — скромно улыбнулся профессор.

— Почему «ищем»? — вступил в беседу сосед из Азербайджана.

Без лишних слов он достал из кармана паспорт и протянул Гилилову.

Профессор заглянул в документ и рассмеялся. Он пустил паспорт по кругу, и каждый, кто в него заглядывал, начинал

хототать. Когда паспорт дошел до меня, я прочел имя его владельца.

Оно звучало так: «Шекспир Гасан-заде».

Ну как тут было не расхохотаться и не задуматься над мистической совпадений, которые иногда дарит нам жизнь?

* * *

Разговор двух подружек в Иерусалиме.

— Рахиль, — убежденно заявляет одна, — за таким мужем, как твой Абрам, можно чувствовать себя как за каменной стеной.

— Да, — соглашается подруга. — Я ему так и говорю: Абрам, ты моя стена... Плача!

* * *

Некоторое время назад над входом в московские аптеки появилась новая эмблема — зеленый крест.

На вопрос моей жены, что этот крест означает, аптекарша объяснила:

— У нас онкологически чистые лекарства.

* * *

Знаток русского авангарда, автор фундаментального труда «Давид Бурлюк в Америке» Ноберт Евдаев, был приглашен на международную конференцию в Японию. В древний город Киото съехались искусствоведы из многих стран. Тактичные, неизменно доброжелательные японцы старались создать для гостей по-домашнему уютную обстановку.

Во время одного из заседаний Евдаев получил срочную телеграмму. В ней сообщалось о смерти матери. Узнав об этом несчастье, японцы прервали заседание и выразили коллеге коллективное соболезнование. Председатель конференции произнес короткую, но проникновенную речь по-английски. Евдаев был очень растроган. А председатель, видимо, уже имевший опыт общения с русскими, решил «утеплить» свое обращение каким-нибудь исконно русским пожеланием. В закоулках его памяти хранился некоторый запас русских слов и выражений на разные

случаи жизни. Увы, эти закоулки оказались слишком извилистыми. Заканчивая речь, председатель, конечно же, хотел пожелать усопшей «Царствия небесного». Но память выдала совсем другое:

— Царская невеста! — проникновенно произнес японец и молитвенно воздел руки к небу.

Его подвела созвучность: «Царствие небесное — царская невеста...»

Японцы дружно грустили. А их российский гость печально улыбался.

Чему он улыбался? Попробуй, пойми этих загадочных русских.

* * *

Актер Кевин Бейкон:

— Я стал знаменитостью так давно, что уже забыл, как там, на воле...

* * *

Молодой талантливый математик Либерман отправился на ПМЖ в Израиль. Там он долго искал работу по специальности. Наконец ему повезло. Некий научный центр предложил Либерману решить математическую задачу, над которой безуспешно бились израильские ученые. Либерман согласился. По контракту он должен был сделать работу за полгода. Однако на решение задачи ему потребовалось всего два месяца. Не зря в Союзе его считали очень перспективным ученым!

Либерман ликовал. Теперь, считал он, ему предложат постоянную работу. Или по крайней мере дадут новое задание... Увы, вместо этого Либерман получил уведомление о расторжении контракта. В письме сообщалось, что работа завершена, а нового задания пока нет. Про оставшуюся четырехмесячную зарплату почему-то при этом «забыли». Спустя годы, потерявшись в научных кругах зарубежья, Либерман понял — иностранцы опасаются прытких россиян, на фоне которых зачастую выглядят достаточно убого. Сплошь и рядом от них стараются держаться подальше.

Действительно, кому нужно опасное соперничество!

* * *

Встречаются бывшие однокурсницы. Не виделись лет десять. Обычные в таких случаях вопросы: «Как дела? Где работаешь? Есть ли дети?»

- Муж есть. Детей не завела.
- Почему?
- В неволе не размножаюсь!

* * *

Таксист:

– Везу как-то парочку. Гляжу в зеркало — целуются на заднем сиденье. Веришь, поцелуй километров на двадцать!

* * *

Предупреждая частые аварии в небе, происходящие из-за столкновений самолетов с птицами, американцы создали новое птиценопробиваемое стекло. Сделали и специальную пушку для испытаний. Лупили по стеклу тушками кур.

Англичане решили — чем мы хуже? Выписали из Америки пушку. К ней прикупили кур соответствующего калибра. Увы, английские стекла не выдержали теста. Куриные тушки разносили их вдребезги. Пришлось обратиться к американцам — в чем дело? Те проверили работу англичан и дали совет. Один-единственный. Перед выстрелами тушки кур нужно размораживать.

* * *

Брат моей жены — на протяжении многих лет бессменный президент Федерации хоккея Украины Анатолий Хорозов — побывал на очередном чемпионате мира, который проходил в Швеции. Перед отъездом домой зашел в магазин купить домашним какие-нибудь сувениры. Выбрав покупки, пошел к кассе расплачиваться.

Продавец, пожилой швед, поинтересовался, откуда приехал гость.

- С Украины, — ответил Хорозов.
- О, Украина! — воскликнул продавец. — Киев!.. Чернобыль!..

Затем он начал интересоваться, был ли его покупатель там во время чернобыльской катастрофы.

— Да, все это время я находился в Киеве, — подтвердил Хорозов.

— Вам положена скидка, — объяснил продавец и вернул Хорозову значительную часть денег.

— Ну как же так, — не переставал удивляться Хорозов, будучи уже у нас, в Москве, — наши чернобыльцы, чтобы получить положенные им по закону пособия, бастуют, объявляют голодовки, пишут петиции президенту... А вот швед с моих слов, без всякого подтверждения, делает мне скидку!.. Чудной все-таки народ эти европейцы!

* * *

Патриарх Тихон, узнав о прорыве канализации в Мавзолее Ленина:

— По мощам и елей.

* * *

Пригласили как-то моего приятеля, механика по профессии, установить в храме Христа Спасителя новое оборудование. Приятель провозился целый день. Кто-то из заказчиков предложил ему пообедать. Показал, где столовая.

— А вы кто будете? — встретил гостя батюшка-эконом.

— Инженер. Из «Моспроекта».

— Вам тут кормиться не положено.

Мой приятель обиделся.

— А разве перед Господом Богом не все равны?

Батюшка покачал головой:

— Перед Господом все равны. А здесь — нет!

* * *

... 1960-е годы. Во Вьетнаме не прекращается война с Америкой. Наша страна оказывает вьетнамскому народу военную помощь.

Захожу как-то в хозяйственный магазин. За прилавком — грустный еврей. Возле него груды вьетнамских веников: плоские метелки на длинных бамбуковых палках.

— Почем веник?

— Три рубля.

— Что так дешево?

— Дешево? — продавец грустно усмехается. — Да, конечно, совсем дешево... Им — танк. Нам — веник... Танк — веник... Танк — веник... Куда уж дешевле.

* * *

Сосед по больничной палате. Жизнерадостный вальяжный чудак. Знакомаясь, представляется музыкантом Госоркестра. За завтраком, разделавшись со своей порцией овсянки, бодро объявляет:

— Сегодня каша прозвучала в мажоре!

* * *

Сестричка из травматологии разносит по палатам тапочки для больных. Подходит к кровати, где лежит новенький, которого привезли после автокатастрофы.

Прежде чем выдать тапочки, сестричка деловито интересуется:

— Сколько ног?

* * *

Одно время бастующие шахтеры облюбовали для своих акций Горбатый мост в Москве. А сердобольные москвички облюбовали шахтеров. Приглашали к себе. Даже оставляли на ночь... Это продолжалось довольно долго. Потом женщинам захотелось чего-то новенького.

Вот встречаются две подруги.

— Пойдешь к Горбатому мосту?

— Нет, шахтеров я уже знаю. Скоро, говорят, приедут бастовать ученые. Поищу себе профессора...

Детский лепет:
СЕРЕЖА И ИНГА

Вопрос трехлетнего Сережи:

— Мама, а ты, когда маленькая была, тоже не умела ходить? Только ползала?

— Да.

— И в школу тоже?

— Папа, ты куда идешь?

— Играть в теннис.

— А почему тебя по телевизору не показывают?

Накануне мама прочла Сереже стихотворение Некрасова «Мороз, Красный нос». На другой день, глядя на крепость из кубиков, которую построил сын, она говорит:

— Какой ты дом соорудил, однако.

— Я не «однако», — возражает Сережа, — я — «Мороз, Красный нос».

Вечером, укладываясь спать, Сережа просит у бабушки кусочек сахара и конфету.

— Одно из двух, — вмешивается мама.

— Тогда две конфеты! — моментально ориентируется сын.

Сереже читают сказку о Василисе Премудрой. Он спрашивает у папы, кто такой десятник.

— Десятник — это воин, который командует десятью солдатами.

— Значит, ты, папа, двойник, — делает вывод Сережа. — Ты только двумя командуешь — мной и мамой.

Канун Нового года. Сережа вместе с мамой наряжает елку... Вот уже повешена последняя игрушка. Теперь его интересует такой вопрос:

— А когда придут гостинцы?

Сереза играет в самолет. Среди разных объявлений – такое:
– Самолет дальше не пойдет. Просьба освободить иллюминаторы!

Расставляя игрушки, Сереза приговаривает:
– Обезьяна, крокодил, бегемот, лев... Толстой...

Из окна вагона Сереза впервые увидел море. Зовет родителей:

– Папа! Мама! Смотрите, какое море... Совсем как в бассейне!

Родители Серезы купили дом в деревне. И всю зиму рассказывали сыну, какая полноценная, здоровая и увлекательная жизнь ждет его летом. В деревне, на природе, и воздух другой, и вода из колодца самая чистая, не то, что в Москве – сплошная хлорка... Попав, наконец, в деревню Миша действительно увидел много нового. И живых кур, и хрюкающих поросят и прочую домашнюю живность, с которой знаком был только по книжкам. Он внимательно присматривался к новому окружению. Попробовал настоящего парного молока, сметаны, свежих яиц. Остался всем доволен. Но два вопроса все-таки родителям задал.

Первый – папе:

– Не понимаю, как куры «несут» яйца? Ведь у них рук нет, только ноги?

Второй – маме:

– Как корова дает молоко, я уже знаю. А вот как свинья – мясо?

Сереза очень хотел сестричку. Сильно приставал к родителям, чтобы купили ему девочку. На семейном совете было решено посвятить сына в тайну деторождения. Ему объяснили, что ребеночка не покупают. А вырастает он в животе у женщины. И что для этого нужно много времени, целых девять месяцев. Основательный папа поведал сыну, как это происходит. Сначала, объяснил папа, женщина должна проглотить специальное семечко. Из семечка образуется зародыш. Что-то вроде головастика. Сереза не раз видел их в пруду на даче. Головастик превращается в лягушонка... Ну и так далее, до ребеночка.

Сережа принял во внимание полученную информацию. С вопросами больше не приставал... Как-то летом, на даче, мама пила за завтраком молоко. Сережа внимательно за ней следил. Когда мама допила свою чашку, сын с надеждой заглянул в молочник.

— А чего лягушонка не проглотила?

— Какого лягушонка? — маме сделалось дурно.

— Которого я в молочник пустил, — радостно объяснил Сережа. — Чтоб сестричка у тебя в животике поскорее образовалась...

Между тем природа тоже не дремала. В канун Нового года мама Сережи родила девочку. Лучшего подарка он не мог себе и представить. Молодец, лягушонок! Не подкачал!

Отец Сережи работал в ТАССе. Сначала корреспондентом по Псковской области, потом по Тверской. Задача корреспондента — подготовка не менее шести материалов в месяц. От коротких информаций до проблемных статей. Человеку несведущему может показаться, что не так уж это и много — всего шесть материалов. Но попробуй раздобудь их, интересных не только для области, но и для всесоюзного читателя. Вот и приходится колесить по городам и весям. Восемилетний Сережа видел, что отец постоянно находится в напряжении...

Однажды учитель географии организовал школьникам загородную экскурсию. Сережа услышал, как кто-то из взрослых, глядя на зеленое поле, сказал:

— Пшеница уже взошла...

Вернувшись с прогулки, мальчик с порога закричал:

— Папа! Папа! Пшеница взошла!

Отец не понял:

— Какая пшеница?

— Поле уже зеленое! — радостно воскликнул Сережа. — Я сам видел! Дадим информацию?

* * *

— Ах! — томно восклицает трехлетняя Инга и падает на диван.

— Что с тобой? — пугается бабушка.

— Меня пронзила стрела любви!

В детском саду опрос. Где работают родители?

— Мой папа работает почтальоном, — отвечает Инга.

Узнав об этом, мама делает девочке выговор:

— Ну кто тебе сказал, что наш папа почтальон?

— А почему вы все говорите, что он работает в «почтовом ящике»? — недоумевает девочка.

Инга с визгом носится по квартире. Спасается от злого Чудища, которое хочет ее съесть. В роли Чудища — папа девочки. Он большой и неповоротливый. А Инга маленькая и шустрая. Ее никак не поймаешь. Наконец, изловчившись, Чудище хватает девочку и, предвкушая вкусный обед, причмокивает и облизывается... Затаив дыхание, Инга ждет начала «трапезы». Вместо этого она вдруг слышит возглас разочарования:

— Ой, да тут одни косточки! Я-то думал полакомиться как следует, а тут и есть-то нечего...

Такой поворот «сюжета» девочку явно не устраивает. Сползая с папиных колен, она обиженно спрашивает:

— А зачем тогда ловил?

Та же Инга играет с другими детьми в песочнице. Бабушка сидит на скамейке. Вяжет. Каждый при своем деле. Через некоторое время Инга подводит к бабушке двух мальчиков того же возраста.

— Бабушка, — спрашивает она, — скажи, бывает у женщины два мужа?

Бабушка обескуражена.

— Вообще-то, бывает... — говорит она в некотором смятении. — Только не сразу... Сначала один — первая семья... Потом другой...

— А у меня — сразу! — решительно объявляет внука, крепко держа мальчиков за руки.

У Инги появилась проблема. Крестная мама рассталась с мужем и теперь живет в другом городе. Бывший ее супруг, он же крестный отец Инги, тоже обрел спутницу жизни. Событие это опечалило девочку. Но, познакомившись с новой женой крестного, она нашла в ней много положительного. И добрая, и красивая, и веселая... В какой-то момент Инга поймала себя на том, что

готова назвать эту женщину крестной мамой. Увы, оказалось, что второй крестной у человека не бывает. Церковный устав этого не позволяет. Получив такое разъяснение, девочка заявила:

— Ну, если нельзя иметь вторую крестную маму, пускай у меня будет крестная мачеха.

Восьмилетняя смышленная Инга посвящала мою «темную» жену в тайны деторождения. Дело в том, что моя супруга была уже на шестом месяце беременности, скоро ей предстояло рожать. А она в свои двадцать два года сохранила наивность ребенка и ничего «про это» практически не знала. В частности, информацию Инги о том, что в утробе матери плод обитает в водной среде, дышит жабрами и даже плавает, привела ее в полное недоумение.

Когда Инга ушла, жена засыпала меня вопросами:

— Так какие там еще жабры? Что, правда, как в аквариуме? Я думала — шутка...

Инга таинственным шепотом сообщает бабушке:

— Ба, а я знаю, как рождаются дети... Чтобы родился ребенок, надо потрахатья.

Бабушка в ступоре.

— Вот у вас с дедушкой двое детей, — продолжает внучка, — значит, вы два раза уже потрахались.

Бабушка рассказывает Инге о своем детстве. О том, как весело и хорошо жилось когда-то детям в их большой, дружной семье. А у Инги пока нет ни братика, ни сестрички.

— Ты же знаешь, у моих родителей было восемь детей. Нам было так интересно вместе...

— Бабушка, — перебивает внучка, — а твои родители на самом деле хотели, чтобы у них родилось восемь детей? Или в то время просто не было презервативов?

БЫВАЕТ ЛИ ЖУРНАЛИСТИКА ЧЕЛОВЕЧНОЙ

Благодаря мужу — высокопоставленному партработнику — московская журналистка Антонина Буткевич была вхожа в узкий круг так называемой советской элиты. Лично была знакома с сильными мира сего. Однако писала не о «тайнах мадридского двора», а о своих современниках, простых людях, чьи сложные, подчас трагические жизненные обстоятельства, требовали от нее не столько журналистского, сколько человеческого участия... Вспоминается в этой связи печальная история десятилетнего мальчика, умиравшего от лейкемии в одной из детских больниц Москвы. Еще до больницы ему показали диафильм, героем которого был Сат-Ок, человек-легенда, сын вождя индейского племени шеванезов и польской революционерки Станиславы Суплатович. Волею судеб в шестнадцать лет он оказывается в охваченной пожаром войны Европе. А затем, бежав из поезда по дороге в лагерь смерти «Освенцим», находит дорогу к партизанам. Лесные тропы приводят его вместе с русскими и польскими братьями по оружию к победе... Дальнейшую судьбу Сат-Ок связал с Польшей, родиной своей матери. Вполне понятно, что именно такой герой мог стать кумиром для многих мальчишек, сначала в Польше, где появились первые публикации о нем, а затем и у нас. Умиравший паренек буквально бредил именем Сат-Ока. Он просил родителей найти фотографию своего героя. Несчастные родители готовы были выполнить любую просьбу ребенка. В поисках фотографии знаменитого индейца они и вышли на Антонину Леонидовну, которая поддерживала с ним тесную связь. В ее планах была книга о матери Сат-Ока, возможность его приезда в Москву уже была оговорена. Звонок в Польшу и рассказ о трагической участи ребенка и о его мечте ускорил приезд Сат-Ока в Москву... Надо ли говорить, каким чудесным стало для умирающего мальчика время, когда с ним рядом находился его кумир.

Очень бы хотелось завершить эту историю чудесным выздоровлением ребенка. Увы, этого не случилось. Но мечта, о которой он и помыслить не мог, осуществилась. Ребенок уходил из жизни счастливым...

Ну, а жизнь самой Антонины Леонидовны была полна событиями и впечатлениями, о которых хотелось бы рассказать. Вот некоторые из них.

Миг славы

Отдых с мужем в Крыму — любимое время для Антонины Буткевич. Не успели добраться до места и занять приготовленный для них номер, а ее уже тянет к морю. Побродить босиком по песочку. Вдохнуть свежего морского воздуха... Не тревожа мужа, который прилег отдохнуть после дороги, Антонина Леонидовна идет на пляж. От правительственного санатория до него — рукой подать. Пляж совершенно пуст. Ни одного человека. Будто специально для желаемого уединения. Однако насладиться покоем Антонине Леонидовне не удастся. Метрах в пятидесяти от берега она видит человека. То появляясь из воды, то снова погружаясь, он беспорядочно размахивает руками... Опытная пловчиха, Антонина Леонидовна сразу поняла — человек в беде. Не мешкая, скинула платье и бросилась в воду. В считанные секунды доплыла до незадачливого пловца. К этому времени он совершенно обессилел. Антонина Леонидовна ухватила его за волосы и, загребая одной рукой, поплыла к берегу.

Со стороны санатория к ним на помощь уже спешили люди. Видимо, ее заплыв не остался незамеченным. Передав спасенного на руки медперсоналу, она поспешила к себе, чтобы переодеться.

Вечером, за ужином, только и разговоров, что об отчаянном поступке журналистки. Конечно же, она была героем дня. Ею восхищались, ее благодарили... А когда появился сам спасенный — им оказался знаменитый авиаконструктор Артем Иванович Микоян, — все заплодировали. Подойдя к столику Антонины Леонидовны, Микоян склонился в низком поклоне и поцеловал ей руку. Создатель МИГов, лучших в мире истребителей, сотворил еще один МИГ. МИГ славы для своей спасительницы.

Подарок

Семья Антонины Леонидовны обожала Муслима Магомаева. И когда по телевидению показывали его концерты — в записили, вживую, — все домочадцы собирались у телеэкрана. Однажды во время концерта любимого певца стали гадать, запись это или живая трансляция.

В это время в дверь кто-то позвонил. Открывать пошла невестка Антонины Леонидовны — Майя. Приблизившись к двери, шутливо спросила:

— Это ты, Муслимчик?

Мужской голос за дверью ответил:

— Я!

Естественно, все решили, что их кто-то разыгрывает. Майя открыла дверь и остолбенела. На пороге стоял Муслим Магомаев. Увидев незнакомую женщину, он виновато развел руками:

— Простите... Кажется, мне этажом выше...

— Подождите...

Потрясенная Майя вернулась в гостиную.

— Он... — выдохнула она

— Кто? — не отрываясь от экрана, спросила Антонина Леонидовна.

— Муслим Магомаев...

— Нет, серьезно.

— Ей-богу, — все еще пребывая в состоянии полного оцепенения, сказала Майя.

— Ну, сейчас проверим, — решила никогда не отвергавшая чуда Антонина Леонидовна и решительно направилась к двери. Отсутствовала она минут десять. Вернулась возбужденная и счастливая. В руках у нее была газета.

— Подарок! — воскликнула она и развернула газету.

Это была страница телепрограммы с фотографией Муслима Магомаева и информацией о концерте. Поверх фотографии была сделана размашистая надпись: «Уважаемой Антонине Леонидовне от Муслима Магомаева. Сегодня я пою для Вас!» И подпись.

Встреча в Барвихе

Выдалась как-то у мужа Антонины Леонидовны свободная неделя. Было решено провести ее в Барвихе. Погода, правда, была переменчивая. То дождь, то солнце. Впрочем, и в дождь можно найти развлечение. Почитать, например... В общем, поехали.

Ранним утром, пока муж еще отдыхал, она отправилась на прогулку. Побродить по барвихинскому лесу. Вдохнуть озона после ночной грозы. Нагулять перед завтраком аппетит... Местность была ей хорошо знакома. Одна из асфальтированных дорожек вела к опушке лесного массива. Не пройдя по ней и километра, Антонина Леонидовна увидела идущего навстречу министра внутренних дел Щелокова. Обменялись приветствиями.

— Далеко собрались, Антонина Леонидовна? — поинтересовался министр.

— Да вот, в лесок, по грибочки... Пока никто не опередил, — пошутила Антонина Леонидовна.

— Вы бы лучше туда шли, — посоветовал Щелоков, показывая в сторону дубовой рощицы. — Там хоть посуше.

— Спасибо, Николай Анисимович, — ответила она. — У меня кроссовки-вездеходы. Не промокнут...

— Там дорогу после ливней размывло, — продолжал отговаривать ее министр. — Сейчас должны асфальт завезти. Ремонтировать будут... Да и погода, в общем-то, дрянь. Опять жди дождя...

Тревога министра стала понятней, когда из-за деревьев, как раз со стороны леса, показалась группа людей. Четыре офицера охраны с собаками и неспешно шагающий в их окружении Леонид Ильич Брежнев. Видимо, Щелоков оберегал генсека от лишних контактов. Между тем Брежнев узнал Антонину Леонидовну и напрямиком направился к ней.

— Погодка-то на славу! — здороваясь за руку, сказал Леонид Ильич. — Чувствуете, какая свежесть!

— Озон, — подтвердила Антонина Леонидовна.

Брежнев глубоко и с удовольствием вздохнул.

— Гроза прошла, — сказал он, — значит, сейчас выглянет солнышко...

Пока Брежнев и Антонина Леонидовна обменивались впечатлениями от погоды, Щелоков хмуро молчал. А потом, даже не обернувшись, последовал за «хозяином». Судя по всему, обиделся...

Государственная тайна

В самом начале 1980-х на «Мосфильме» запустили в производство фильм по моему сценарию – «Предисловие к битве», рассказ о подвиге уральских металлургов, сумевших в самые трудные дни войны наладить производство броневой стали для танков Т-34, что во многом определило исход битвы за Москву. Сложность проблемы состояла в том, что такую сталь тогда в Магнитогорске не производили. Мнение ведущих металлургов, будто перепрофилирование комбината займет минимум три месяца, уральцы опровергли. Первая броневая сталь была выдана ими уже на тридцать седьмой день войны.

В фильме предполагалось показать, какой ценой достигнута была эта победа. Основой ее конечно же стал единодушный патриотический порыв советского народа, вставшего на защиту Отечества. Хотелось показать и другую составляющую победы – жесточайшую, палочную дисциплину, введенную повсеместно на территориях, не занятых врагом. Повсюду царила атмосфера страха и неизбежности суровых репрессий. Малейшая оплошность или ошибка в работе истолковывались как измена Родине. По мнению историков, страх нагнетался для того, чтобы скрыть просчеты и некомпетентность высшего руководства страны, в том числе и самого вдохновителя и организатора всех наших побед – Иосифа Сталина.

В фильмах предыдущих лет вождя предпочитали либо вообще не показывать, либо придерживались привычной схемы: мудрый руководитель с неизменной трубкой в руках и с таким же неизменным, кочующим из фильма в фильм, величием.

Узнав о моих сомнениях по поводу генералиссимуса, Антонина Леонидовна взялась организовать встречу с его личным секретарем – дамой, которая находилась при нем без малого три десятилетия. Уж она-то наверняка поделится своими впечатлениями о Сталине, которого мы не знаем...

Ничего подобного! С самого начала встречи, которая проходила у нее дома, стало ясно: чего-либо нового эта любезная пожилая дама нам не расскажет. Все ее воспоминания сводились к образу строгого, но справедливого руководителя, «отца родного» для всех сотрудников секретариата. Рассказ сопровождался показом многочисленных фотографий «хозяина» в окружении своих

«холопов». Из чего можно было сделать вывод: вождь любил по-позировать и лишний раз продемонстрировать свой демократизм.

Мне все вспоминался недавний разговор с пятилетним сыном.

— Папа, а как появился первый человек?

— Говорят, произошел от обезьяны.

— А как было на самом деле?

Так и у меня, пока я слушал хозяйку, с языка готов был сорваться тот же вопрос:

— А как было на самом деле?

Вместо этого я попросил описать планировку помещений секретариата Сталина. На всякий случай нужно было поточнее представить место действия нашего фильма. Только и всего. Ответом на мой невинный вопрос был неподдельный испуг гостеприимных хозяев. Оба, как говорится, спали с лица. Любезная улыбка и предупредительность этих людей на моих глазах сменились выражением ужаса. Я понял — пора уходить.

Вечером звонок.

— Зачем вы спросили про расположение помещений секретариата? — пожурила меня Антонина Леонидовна.

Я что-то промямлил про документальные подробности...

— Для вас — место действия, а для них — государственная тайна!

— До сих пор?

— До конца жизни.

Что это, размышлял я после той встречи? Бездумная холуйская преданность хозяину? Или просто животный страх, на котором держалась система и от которого вряд ли избавится еще не одно поколение россиян?

В заключение замечу: эпизоды с участием Сталина в фильм не вошли.

ЖИТИЕ НА ГОСУДАРЕВОМ ДВОРЕ

Встреча с «призраком»

Однажды мне довелось принять участие в создании масштабного телесериала «Московский Кремль. Девять веков». Над литературной основой трудилась целая группа сценаристов. У каждого своя тема. Мне досталась серия, посвященная Большому Кремлевскому дворцу. Его истории. Многовековым традициям и церемониалам, которые составляли важную часть жизни русских монархов. Нужно было также отметить особую роль государева двора в утверждении престижа и величия русского самодержавия.

Главный хранитель дворца Наталья Вьюева пригласила меня осмотреть царские палаты. О таком экскурсоводе можно было только мечтать! Наталья Александровна увлеченно рассказывает. Я не менее увлеченно за ней записываю... Не замечаем, как летит время. Наступившие сумерки застают нас врасплох. Света в залах не зажигают. В воцарившемся полумраке богатые интерьеры заметно тускнеют. Зато теперь возникает таинственность. Приходят мысли о привидениях, которые могут здесь обитать... Я, конечно, посмеиваюсь над собственным воображением. Но — не поверите — буквально в ту же минуту в глубине дворца раздается стон... Затем он повторяется и переходит в стенания...

От моей иронии не остается и следа. Я цепенею от ужаса. С тревогой смотрю на главного хранителя.

Отважная женщина, Наталья Александровна бесстрашно направляется к широкой лестнице, ведущей в старинные терема.

На ступенях лестницы мы видим человека. Опустив голову, он горько и безутешно плачет. Приглядевшись, я вижу, что это солдат охраны. Совсем еще мальчишка, он трет кулаками глаза и затравленно озирается. Даже увидев нас, не может сдержать рыданий.

Наталья Александровна склоняется над ним, берет за руку.

— Ну? — участливо спрашивает она. — Что случилось? Почему слезы?

Солдат, святая простота, с дрожью в голосе выдыхает:

— Стра-ашно...

— Да что страшно-то? — Вьюева по-матерински обнимает парня за плечи. — А ты представь, сколько русских царей охраняет тебя!

Она старается приободрить солдатика. Но тот обреченно мотает головой:

— Все равно страшно...

Впоследствии, работая над сценарием, я не раз вспоминал слова, сказанные солдатом: «Страшно...»

Это «страшно», по мере того как я погружался в драматическую, а подчас и кровавую историю Кремля, все более и более обретало значение символа. И воспринималось это уже как приговор всей русской истории...

Из прошлого

Что и говорить, поводов для того, чтобы в душе русского человека укоренился синдром страха, наша история дала предостаточно.

XIII—XV века. Татаро-монгольское иго... Полное опустошение русских земель... XVI век. Кровавая вакханалия массового террора, учиненного Иваном Грозным... Беспросветный мрак «Смутного времени» — мятежи, войны... Захват русского престола самозванцами... Бесчинства и грабежи интервентов... XVII век. Восшествие на престол династии Романовых. И окончательное утверждение на Руси крепостного права. XVIII век. Реформы Петра Великого... Коренная ломка устоев Российской империи. Беспрецедентное обнищание народа... XIX век. Наполеоновское нашествие 1812 года... Разорение французами русских городов и сел... Пожар Москвы...

Действительно, «страшно...»

Была, однако, в ментальности русского человека и другая черта — способность преодолевать страх, в нужный момент черпать из каких-то неведомых источников способность к сопротивлению.

На протяжении многих веков символом возрождения Русского государства был Кремль — традиционный оплот русской монархии. Государев двор, как называли комплекс дворцовых сооружений на Боровицком холме у самой кромки Москвы-реки.

Армия Наполеона, с позором бежавшего из Москвы, оставила на месте российской столицы пепелище. Нужно было собраться с силами и отстроить новый государев двор, соответствующий рангу царя-освободителя, каковым почитался Александр I в глазах всей Европы после блистательной победы.

Строительство московской резиденции русских монархов затянулось на десятилетия. Решить эту проблему довелось уже преемнику Александра I императору Николаю Павловичу.

Зачин Ивана III

А ровно за пять веков до того над подобной задачей пришлось биться и великому князю Московскому Ивану III. Это ему удалось собрать воедино разрозненные русские княжества и сбросить ярмо ненавистного татаро-монгольского ига. Перед страной открылась перспектива долгожданного восстановления. Период возрождения на Руси совпал с эпохой Возрождения на Западе. Просвещенные правители Европы с любопытством обращают взор к загадочному восточному соседу.

Великий князь Московский прекрасно понимает: престиж страны — это, прежде всего, престиж его столицы. Какой прием окажет Москва иностранным посольствам? Какое впечатление произведет на них княжеский двор с его скудным бытом и ветхозаветными традициями? Дворца-то пока нет. Есть отдельные постройки, в лучшем случае каменные палаты, которые не идут ни в какое сравнение со знаменитыми дворцами Италии или Франции. Нужно во что бы то ни стало преодолеть это отставание. Но Иван III начинает строительство не с дворцовых сооружений, а с крепостных стен и башен, способных выдержать любую вражескую осаду. Он выписывает из Италии лучших архитекторов и каменных дел мастеров. И в короткий срок с их помощью возводит вокруг всего Кремля могучую каменную крепость. Четырехметровой толщины стены и двадцать суровых средневековых башен... Надстроенные в XVII веке каменные шатры

придали всему этому громадному комплексу исключительную стройность и красоту.

Перед Иваном III стояла еще одна важная проблема. От папы римского поступило лестное предложение взять в жены племянницу последнего византийского императора принцессу Софью Палеолог. Блеставшая на протяжении целого тысячелетия великая Византия погибла — пала под натиском турок. И Софья нашла приют в папском дворце. Ее замужество было выгодно всем. Папа получал возможность распространить свое влияние на огромные восточные территории. А Ивану III это давало желанный повод узаконить родство православной Руси с Византией... Многие русские князья, еще до Ивана III, пытались доказать, что именно Русь является ее духовной наследницей.

Конкурсы красоты

По старинной традиции любой человек на Руси, в том числе и монарх, считался взрослым не по достижении определенного возраста, а с момента вступления в брак... Бракосочетание наследника престола, а тем более царя, имело в Древней Руси особый политический смысл. Конечно, не последнюю роль играли вкусы и характер жениха. Иван Грозный, например, женился семь раз, устраивая невесте смотрины наподобие современных конкурсов красоты. Для этого по всей стране рассылались царские чиновники, отбиравшие девушек. Наиболее достойных привозили ко двору. Здесь их смотрели близкие люди государя, и лишь избранных из избранных представляли самому жениху...

Царь Алексей Михайлович, прежде чем остановить свой выбор на Наталии Нарышкиной, будущей матери Петра I, полгода устраивал смотрины. Стоит ли говорить, какую бурю страстей, интриг, тайных козней вызывал тот или иной выбор царя. Придворные жестоко расправлялись с неугодной им избранницей. Самый простой метод — подложить в пищу яд. Но царедворцы использовали и другие, более изощренные средства. Например, девушке, которой царь Алексей Михайлович отдал предпочтение, боярыни так туго заплели косу и так сильно сдавили голову венцом, что она упала в обморок. После этого, сославшись на слабое здоровье невесты, ее удалили из дворца...

Первый царь из династии Романовых Михаил Федорович был влюблен в юную красавицу Марию Хлопову, которая оказалась негодна придворным. После неудачной попытки отравить им все же удалось объявить ее больной... Пережив личную драму, царь вынужден был подчиниться боярской воле — взять в жены другую.

Ивану III пришлось самому решать свою судьбу. И этот выбор был не из легких...

«Третий Рим»

До прихода к власти на Руси великого князя Ивана III право на княжение давали русским правителям ханы Золотой Орды. После избавления от татарского ига предстояло ввести новую традицию — венчание на царство по византийскому чину, что делало русских монархов истинными «помазанниками Божиими...» Вспомнили предание, будто необходимые для венчания по древнему византийскому чиноположению регалии — венец, золотая цепь и бармы-оплечья — в свое время были переданы византийским императором Константином Мономахом своему внуку — великому князю Владимиру. Вместе с регалиями ему было жаловано и имя деда — Мономах.

Иван III ухватился за эту идею и решил пойти еще дальше: объявить Москву «Третьим Римом» — наследницей Рима античного и Константинополя, за которым в период расцвета Византии закрепилось название «Второго Рима». Моральное право на это как раз и давала Ивану III женитьба на византийской принцессе.

Его бракосочетание с Софьей Палеолог совершилось осенью 1472 года.

Теперь новый большой дворец был просто необходим.

Святая Русь... «Третий Рим»... Выстраивалась мощная историческая перспектива, поднимавшая Россию на уровень великих цивилизаций.

Новой роли необходимо было соответствовать по всем параметрам.

Великий князь делал все, что от него зависело. Заново возводились кремлевские соборы. Строились палаты княжеского дворца...

После смерти Ивана III дворец достраивали и переделывали на свой вкус другие правители Руси — Иван Грозный, Борис Годунов, первые цари из династии Романовых. Они соорудили для себя небольшой, скромный, прекрасный с точки зрения традиций народного зодчества Теремной дворец, который и в наши дни является одним из главных украшений Кремля.

Русско-византийский стиль

XIX век, эпоха императора Николая I. Проектирование, а затем и строительство Большого Кремлевского дворца Высочайшим повелением было поручено архитектору Константину Тону. Из многих претендентов на этот престижный заказ император выбрал его неслучайно. За несколько лет до этого Тон спроектировал и начал возводить в Москве грандиозный памятник победы русского народа над Наполеоном — храм Христа Спасителя. Это уникальное сооружение положило начало новому стилю в архитектуре, который назвали «русско-византийским». Высочайшим повелением Тону было предложено построить дворец в том же, как выразился государь, «патриотическом» стиле.

Кроме красоты и комфорта, он должен был продемонстрировать всему миру вкусы современной эпохи, а также лишний раз подтвердить историческую преемственность русской монархии.

Новому дворцу предстояло собрать в единый комплекс и древние кремлевские сооружения — Грановитую и Золотую Царицыну палаты, Теремной дворец и придворные церкви...

Строился дворец 12 лет — с 1836 по 1849 год. Своими размерами и роскошью отделки он превзошел все современные ему европейские дворцовые сооружения.

Большой Кремлевский дворец двухэтажный. Силуэт его предельно прост. Парадные залы находятся на втором этаже. Каждый из залов дворца посвящен символам Доблести, Чести и Славы Российского государства — ее орденам Андрея Первозванного, Святого Александра Невского, Святого Владимира, Святого Георгия Победоносца, Святой Екатерины.

... Мудрые наши предки в своей неспешности старались не нарушать старых традиций. И после переноса столицы госу-

дарства в Санкт-Петербург Петр Великий оставил церемониал венчания на царство — пик жизни каждого государя — за первопрестольной Москвой.

Ритуалы и церемониалы государева двора

Во время коронационных торжеств каждый из залов имел строго определенное ритуальное назначение. В Андреевском тронном зале присутствовали члены августейшей семьи и Государственного совета. В Александровском — собирались дворяне и городские власти. В Георгиевском зале находились военные — генералы, адмиралы и офицеры. Во Владимирском — юные кадеты и рота Александровского военного училища.

... Под звуки литавр шествие начиналось с Андреевского зала. Император с императрицей, сойдя с трона, проходят через Александровский, Георгиевский и Владимирский залы, а потом из Святых сеней выходят на Красное крыльцо... По Соборной площади, на которой согласно заранее распisanному сценарию стояли гости и придворные, монархи следуют в Успенский собор... Там и происходит коронация.

На всем печать торжественной парадности и роскоши.

Цели прославления самодержавия служат и все остальные церемониалы государева двора. Даже быт правителя! Что говорить о коронации, если утренний туалет коронованной особы должен был совершаться в присутствии государственных чинов и доверенных лиц. И хотя при русском дворе редко придерживались подобного ритуала, одна из комнат Большого Кремлевского дворца — это парадная спальня. Идея в том, что каждый шаг, каждый выход царственной особы на люди должен быть разгран как спектакль.

Посольский прием

Издревле той же задаче — возвеличиванию русской монархии — посвящались «выходы» монарха. Представителям иностранных государств, которые приезжали на московскую землю с миром, всегда устраивали пышный прием. При торжественном

въезде иностранцев в Москву их встречали десятки тысяч празднично разодетых горожан, демонстрирующих свои гостеприимство и зажиточность.

Впрочем, это был только пролог к дальнейшим главным сценам церемониального спектакля, которые разыгрывались уже в самом Кремле.

В строго установленном порядке процессия подходила к дверям приемной палаты, но ее порога русские участники процессии уже не переступали... Никакой мебели, кроме трона царя, в приемной палате не было.

Восседая на троне, царь в правой руке держал скипетр, а в левой — увенчанную крестом державу... Пышные одежды всех находившихся здесь бояр подчеркивали богатство и величие русских царей... Каждый играл свою роль. Никаких импровизаций не допускалось. Однажды один из гостей еще на крыльце приемной палаты увидел среди сопровождавших знакомого боярина. Иностранец поздоровался, но боярин ему не ответил. Это поразило иностранца — он не понял, что участвует в грандиозном спектакле.

Согласно правилам этикета, после представления послов следовал вопрос царя: «Здорово ли доехали?» Этот вопрос государь задавал сидя, не снимая шапки. Послы должны были всегда отвечать утвердительно. Неизменно положительными были ответы и на следующий церемониальный вопрос — о здоровье приславшего послов монарха.

Переговоры велись в особой «ответной» палате, куда послы переходили сразу после аудиенции. Венчал посольский прием торжественный обед, обычно устраиваемый государем в Грановитой палате.

... Государь сидел за отдельным столом, который на ступень возвышался над остальными. Перед началом обеда наиболее знатным гостям царь рассылал хлеб, подчеркнуто проявляя гостеприимство. Застолье начиналось с того, что на больших блюдах вносили целиком изжаренных лебедей. С ними торжественно обходили ряды обедавших. Затем уносили и через некоторое время подавали к столу уже разрезанными на куски. Царь рассылал их присутствующим... Этот сложный церемониал свидетельствовал о ритуальном значении лебединого мяса: лебедь на Руси всегда считался птицей, приносящей счастье. Обеды

продолжались по пять-шесть часов. За это время подавали до двухсот, а то и более блюд... Все эти «подачи», их последовательность и произносимые царем здравицы имели большое значение: с их помощью каждому из участников трапезы определялось или подтверждалось место, занимаемое им в общественной жизни. Иностранцам же, присутствовавшим на обеде, демонстрировались престиж верховной власти, богатство и щедрость русского государя.

Государевы будни

Самая древняя часть Большого Кремлевского дворца — построенный при первом Романове Теремной дворец.

... Режим государя, по нашим сегодняшним понятиям, был достаточно строг, даже суров. Подъем в четвертом часу утра. Утренняя молитва. Потом выход к боярам, которые являлись во дворец затемно, при полном параде. Все в бархатных кафтанах с множеством серебряных пуговиц... Поверх кафтанов — ферязь. Она шилась из парчи и подбивалась дорогим мехом — соболем, куницей, песцом... Однако не все бояре, приветствовавшие государя в сенях дворца, имели право входить в царский кабинет. Лишь удостоенные высшего титула «ближних бояр» входили сюда бить челом государю либо по царскому вызову.

Среднее окно кабинета называлось «челобитным». Из него на веревке спускалась корзина, в которую каждый желающий мог положить свою жалобу на имя царя.

Если дело было важным, царь созывал бояр в Престольную комнату между сенями и кабинетом. В ней бояре рассаживались вдоль стен на дубовых лавках. Во время сбора Думы места занимались не по должности, а по старшинству родов... Сидение Думы заключалось в том, что царь или от его имени дьяк излагал суть дела, ожидая совета, какими средствами лучше его разрешить.

После Думы царь возвращался в свой кабинет, где составлялся окончательный наказ. За кабинетом находились опочивальня с кроватью под пологом из китайского шелка и небольшая молельня, где начинался и где заканчивался рабочий день царя.

Поход

Руководство войском, защита рубежей государства, военные походы с древнейших времен являлись главной обязанностью государя. Боевая готовность войска поддерживалась особым военным церемониалом — смотром, участником которого всегда был сам государь.

Обычно смотр войска начинался на Девичьем Поле около Новодевичьего монастыря.

Большой государев полк — своеобразная гвардия русских государей — выступал во всей своей красе. Прекрасные кони в доспехах и драгоценных уборах, блистающее оружие, богатые одежды... Впереди государя везли его знамя с изображением Спаса. Позади оружничий — глава Оружейной палаты — вез шлем царя, настоящий «боевой венец» русского самодержца... За государем следовал и его «доспех» — боевое, парадное и охотничье оружие... Солдатские, стрелецкие и драгунские полки проводили маневры, демонстрируя свое умение...

Затем войска входили в Кремль и покидали его через Спасские ворота. В Кремле их встречал патриарх и кропил святой водой воевод.

Грандиозные парады бывали в Кремле и по случаю побед русского оружия — Ивана Грозного над Казанью, Петра I над шведами под Полтавой...

От этих побед протянулась дорога и до нашего времени. В незабываемом 1945 году здесь проходил торжественный прием участников Парада Победы...

Взгляд в будущее

В 1917 году русский народ отверг собственное прошлое. Ему показалось, что он способен создать новую историю. Без тех корней, которые ее питали. Время показало — отсеченная от корней верхушка древа неизменно засыхает, превращается в труху.

Для наших предков была важна историческая преемственность.

Очень хотелось бы восстановить ее живую душу, исправить ошибки наших лихих современников. Но срastутся ли корни с отсеченной «верхушкой древа»?

Мне могут возразить — не все так плохо. Действительно, в том же Большом Кремлевском дворце проведена реконструкция: два лучших парадных зала, превращенные в казенное помещение Верховного Совета, снова обрели свой прекрасный первоначальный облик. Заново построено разрушенное большевиками Золотое крыльцо. Ведутся и другие восстановительные работы.

Но невольно вспоминаются слова плачущего в Большом Кремлевском дворце солдата: «Страшно...»

Вероятно, то был бессознательный, мистический ужас перед историей.

Не скрою, очень часто, особенно когда речь заходит о нашем будущем, хочется повторить вслед за солдатом: «Страшно...»

Но я делаю над собой усилие и произношу другое:

— Не будем терять надежды...

Детский лепет:
АНДРЕЙ

Детство Андрюши совпало с закатом брежневской эпохи. Как всякий ребенок его возраста (только что исполнилось пять лет), он очень любил мультики... Однажды Андрюша включает телевизор, а там, вместо объявленных по программе мультфильмов, транслируют выступление Л.И. Брежнева. Наш генсек в то время стал уже полной развалиной, но с экрана телевизора не сходил.

Андрей немедленно переключился на другую программу. А тут — снова Брежнев... По третьей, по четвертой — одно и то же. Сколько не переключай — везде один Брежнев.

Не солоно хлебавши мальчик понуро поплелся на кухню, к бабушке. Там он сел на стул и мрачно сказал:

— Опять БРЕХНЕВ выступает.

Андрюша проснулся ночью, заплакал и говорит сквозь слезы:

— Неудобно... Ой, не могу... Неудобно...

— Что-то болит? — спрашивает мама.

— Н-е-е-т, она твердая!

— Что твердое? Подушка?

— Н-е-е-т, голова.

У Андрюши насморк. Он постоянно шмыгает носом.

— Высморкнись как следует! — мама дает сыну большой носовой платок.

Андрюша тычется носом в платок. Пыжится, сопит — ничего не получается.

— Ты что, не можешь нормально сморкнуться? — спрашивает мама.

— Не могу.

— Почему?

— Ветра внутри не хватает...

Бабушка укладывает Андрея спать.

– Ты сказал папе и маме «спокойной ночи»?

– Сказал.

– Зубки почистил?

– Почистил.

– Молодец!.. Если ты будешь лежать тихо-тихо, я прочту тебе один рассказ.

– А если не дышать, то прочтешь два?

Андрей побывал после ливня на улице и делится своими впечатлениями:

– Там лужа во-от такого роста!

А вечером, глядя на небо:

– Смотрите, какая луна сегодня... Полуцелая!

Бабушка с Андрюшей приехала к знакомым на дачу. Дети резвились на участке. Играли в футбол. Обедали... Наконец пришло время прощаться. Ребенок хозяев быстро сбегал в туалет. Когда вышел, бабушка сказала Андрюше:

– Давай, ты тоже... На дорожку.

Андрюша насупился:

– Не буду на дорожку... Я тоже в туалет пойду.

Как-то, посмотрев по телевизору мультик, где чудовище пожирает молодых женщин, Андрюша задает маме такой вопрос:

– Мама, а ты у меня красивая?

– Не очень, – самокритично говорит мама.

– Вот и хорошо.

– Почему?

– А ведь чудовище ест только красивых женщин.

Бабушка испекла кулебяку с капустой. Первый кусок – дедушке. Второй – Андрюше. Дедушка ест и нахваливает:

– Так вкусно, аж за ушами трещит.

Бабушка довольна.

– Ешьте на здоровье, – говорит она, подкладывая деду и внуку еще по куску.

Сама она тоже с удовольствием ест.

— Бабушка, — прислушиваясь, спрашивает Андрей, — У тебя тоже за ушами гремит?

Однажды случился такой казус — Андрюша увидел роскошный гладиолус, который только-только расцвел в бабушкином саду. Недолго думая, он сорвал цветок и побежал в дом обрадовать бабушку. А та, как увидела сорванный гладиолус, так сразу в крик:

— Кто тебе разрешил рвать цветы, негодник!

В сердцах она даже пошлепала внука, хотя прежде никогда этого не делала. А потом еще и расплакалась.

Андрюша очень растерялся. И, утешая бабушку, виновато объяснил:

— Я же только на одну минуточку сорвал...

Андрюша просит маму купить мороженое.

— О чем ты говоришь, Андрей! — укоряет его мама. — У тебя только что была ангина.

— Я не про ангину... Я про мороженое!

У Андрюши болит живот. Он на диете. Просит бабушку дать ему яблоко.

— Надо позвонить маме и спросить, можно ли тебе яблоко? — говорит бабушка.

— Не надо звонить, — сердится внук. — Надо головой подумать.

Очередная серия «Ну, погоди!» Посмотрев мультик, Андрюша спрашивает:

— Бабуля, а почему волк ловит зайчика? Хочет его съесть?

— Ну, наверное, — предполагает бабушка.

— У зайчика же ножки грязные, — замечает внук. — Он их не моет, и волк отравится.

— Не отравится, — уверяет бабушка.

— Что, ему сделают промывание желудка?

После посещения зоопарка бабушка спрашивает Андрея, кто ему больше всего понравился. Андрюшин ответ:

— Змея. Давай купим!

Мама объясняет Андрею, как доят коров.

- Чтобы корова дала молоко, ее надо потянуть за вымя.
- А вымя сверху или снизу? – уточняет Андрей.
- Снизу.
- А если потянуть за хвост?

Бабушка выясняет у мамы, где была прошлая Олимпиада.

- В телевизоре! – громко подсказывает Андрей.

Новый год – любимый праздник Андрюши. В этот день у них за праздничным столом собирается много народа. Приезжают родственники. Мама печет пироги... Так и на этот раз. Мама постаралась – приготовила ореховый торт. Отведав его, все в один голос стали маму хвалить. И тогда она объяснила:

- Торт получился такой вкусный, потому что делать его мне помогал Андрюша.
- И чем же ты помогал? – поинтересовался дедушка.
- Я крем пробовал и безе! – с гордостью сообщил внук.

Бабушка одела белый берет и белый шарф.

- Похожа я на Снегурочку? – спрашивает она Андрюшу.
- Внук, скептически оценив бабушкин наряд, качает головой:
- Вообще-то больше на снеговика. Ведерка на голове не хватает.

Бабушка рассказала Андрею, как в детстве ее напугал индюк. Спустя некоторое время, глядя, как она жарит котлеты, Андрей спрашивает:

- Бабуля, из чего котлеты?
- Из индюшатины.
- Ага, – злорадствует Андрей, – так ему и надо!
- Кому?
- Индюку. За то, что напугал тебя.

Андрюша спрашивает, что такое холодное оружие. Выслушав мамино объяснение, восклицает:

- А у моих игрушечных рыцарей оружие горячее – кипящее масло!

Большого авторитета, чем старший двоюродный братик Гриша, у Андрея не существует. Особенно после того как Гриша в десять лет начал заниматься конным спортом. Андрюша не только гордится двоюродным братом, но и во всем ему подражает. Летом на одну смену их вместе отправили в лагерь. За завтраком вожатый спрашивает:

- Андрей, ты почему не ешь?
- Гриша худеет.

Как-то бабушка повела пятилетнего Андрюшу в гости к соседке – тете Марусе. Встретив гостей, та быстро накрыла на стол. К домашним соленьям и маринадам она напекла пирогов. И даже поставила на стол бутылку вина.

– О, «Хванчкара»! А у нас вина никогда не бывает, – воскликнула бабушка.

– Был бы в доме мужик, вино бы не переводилось, – сказала тетя Маруся, не учтя того, что Андрей с трех лет растет без отца.

– Не нужен нам мужик, – насупился Андрюша. Затем, глянув на бутылку, заявил: – Все мужики – пьянцы.

В первый день школьных занятий Андрюшу больше всего поразила беременная учительница. Сидя за первой партой, мальчик не отрывал взгляда от ее живота. Наконец та не выдержала.

- Ну что ты на меня так уставился?
- Думаю...
- И о чем же ты думаешь?
- Будет у вас на старости лет опора...

ПУТИ-ДОРОГИ

Знакомый венгр пригласил меня в Будапешт. Было это во времена тотального дефицита. Наши соотечественники ездили тогда за рубеж, чтобы хоть как-то прибарахлиться. На те 300 рублей, которые меняли при выезде в страну, вполне можно было что-то купить. Вот и я решил воспользоваться случаем. Вместе с женой составили список необходимого. И я отправился в венгерскую столицу.

В Будапеште я совмещал приятное с полезным. Бродил по городу и заглядывал в магазины. Любовался красотами и приценивался к товарам. Смущало отсутствие очередей. У советского человека сложился стереотип: за приличным товаром должна стоять очередь. Если вещи не разбираются, они некачественные. Так что пришлось сначала привыкать к изобилию. И все же я не забывал присматриваться: нет ли где привычного столпотворения. Уж очень хотелось увидеть какой-нибудь хвост. Тогда я был бы совершенно спокоен — здесь продают то, что надо.

В Будапеште я познакомился с Лешей Заварзиным, сотрудником советского консульства. Привез ему из Москвы посылочку от родителей. В свободное от службы время Леша показывал мне город. Водил по маленьким, уютным кафе, где можно было выпить кружку пива, попробовать мороженое с тертым каштаном.

Однажды во время такой прогулки я вдруг увидел то, что искал. Очередь! Длинная цепочка людей тянулась к какому-то заведению.

— Внимание! — Я почувствовал себя борзой, учуявшей дичь. — Тут что-то дают.

Не мешкая, я занял очередь. Леша пошел выяснять, чего жаждет народ. Впрочем, сразу же стало все понятно. Под портиком колоннады, куда двигалась очередь, стояли жених и невеста. Жених — в черном костюме, при бабочке. Невеста — в пышном подвенечном платье, с фатой. А люди в очереди — гости, поздрав-

ляющие молодоженов. Я залюбовался красивой парой. Да и церемония поздравления показалась мне необычной. Каждый из гостей целовал невесту, потом обменивался рукопожатием с женихом. И отходил, уступая место следующему по очереди.

— Ладно, пошли, — сказал я Леше, испытывая перед ним неловкость.

— Куда? — удивился Леша. — Ты не хочешь поздравить невесту? Такой случай! Привезешь жене фотографию — поцелуй в Будапеште. Какая будет память!

Я колебался.

— Это вполне удобно, — бодро шепнул Леша и пошел выбирать точку для съемки.

Когда я приблизился к молодоженам, он еще раз подбодрил меня, прицелившись фотоаппаратом:

— Не забудь про поцелуй!

— Ой! — радостно откликнулась невеста. — Вы русские?

— Русские, — удивленно подтвердил я.

— Я тоже, — засмеялась она.

— А я венгр, — улыбаясь, добавил жених.

— Вместе учились в Москве, — догадался я.

— В МГУ, — уточнила невеста. — На экономическом.

— Я тоже учился в МГУ, — сказал я и с чувством произнес. —

От души поздравляю.

Невеста засмеялась и подставила щечку. Пока я ее целовал, Леша успел дважды щелкнуть затвором...

Потом мы с Лешей бродили по Будапешту. Он рассуждал:

— Ну вот, кто-то везет жене из Будапешта колготки, а кто-то привозит сюда целиком жену. У каждого народа — свой дефицит.

* * *

Мы с женой отдыхали в Турции. Первые два дня все было прекрасно. И море, и солнце, и пальмы на берегу. Ну а шведский стол утром и вечером — в самом деле пальчики оближешь. На третий день незадача: в гостинице с утра нет воды. Мы с женой терпеливо ждем. Час ждем, второй... Умыться даже не можем.

Я не выдерживаю. Решительно направляюсь к администратору.

За столом ресепшена два молодых турка почтительно вытягиваются мне навстречу.

– Кайн вассер! – сердито говорю я по-немецки.

– О! Кайн вассер? – изумленно восклицает один. И тут же успокаивает: – Кайн проблем! (Мол, нет воды? Никаких проблем! Сейчас все наладим.)

Турок куда-то звонит. С кем-то говорит по-турецки. Потом, обращая ко мне, с детской непосредственностью объявляет:

– Вассер капут! (То есть «вода сдохла!»)

Лицо турка светится от счастья. Он же все объяснил. Такое впечатление, будто он поздравил меня с невероятной удачей и ждет-не дожидается благодарности.

Такое простодушие ставит меня в тупик. Вместо того чтобы накричать на него, потребовать моральной и материальной компенсации, я начинаю нервно смеяться.

Оба турка смеются вместе со мной. Но в отличие от меня их смех – жизнерадостный, веселый.

И тут я вдруг обращаю внимание на снующих вокруг иностранцев. Они тоже веселы и жизнерадостны. Проблема воды их нисколько не беспокоит. Такое впечатление, будто их вообще мало что задевает в этой жизни. Они же отдыхают. Они словно запрограммированы на хорошее настроение. А бытовые неурядицы... Что ж, это тоже повод лишний раз посмеяться.

* * *

Нашу съемочную группу поселили в нью-йоркском отеле «Бест Вестерн». Предстояли съемки документального фильма «Русская Америка». Пока шла подготовка, мы большую часть времени проводили в отеле. В будни он казался безжизненным и малолюдным. А по выходным словно вихрь налетел – «Бест Вестерн» оккупировали индусы. Сотни разряженных женщин, напомаженных мужчин и огромное количество детей разного возраста заполняли коридоры, лифты, комнаты игровых автоматов... В громадном банкетном зале накрывались столы. Оттуда доносились мелодии сладкозвучных индийских песен...

Среди индусов шустрили три парня. С видеокамерами, штативами, микрофонами. Матерились парни по-русски.

Узнав своих, я поздоровался.

Парни оказались эмигрантами из Одессы. Бывшими работниками киностудии. Они объяснили, что индусы съехались со всего света на свадьбу магараджи-миллионера. Сам магараджа живет в Штатах, а невесту привез из Индии.

— Ну как Америка? — задал я ребятам банальный вопрос.

Ответ получил жизнеутверждающий. С Америкой все о'кей. Работы навалом — свадьбы, похороны, дни рождения... Американцы любят снимать памятные события. Могут, конечно, и сами, но предпочитают нанимать профессионалов. Так что заработки приличные. У каждого уже свой дом. По паре машин. Жены не работают. Дети учатся. Матерятся же они по поводу свадьбы, которую снимают. На столах у индусов ни выпивки, ни закуски. Только кока-кола да пирожные. То ли дело русские свадьбы. Или еще лучше — еврейские. Вот где можно от души и поработать, и погулять... А у этих... Парни плевались от сладкого и ругали индусов. Стоило из-за такого угощения съезжаться со всего света!..

Один из моих новых знакомых поинтересовался, нет ли у меня икры.

— Я бы купил, — сказал он бесцеремонно. — Доллара за три...

У меня в заглазнике была баночка красной икры. Продавать ее я не собирался. Думал при случае угостить кого-нибудь из друзей. Предложение одессита показалось мне оскорбительным. Почему-то захотелось унижить его своим великодушием.

Я зашел в номер и вынес икру.

— Бери, — сказал, протягивая баночку одесситу.

Тот достал кошелек и начал отсчитывать монеты.

— Не надо, — остановил я его. — Это подарок. С родины.

— Да мне для ребенка... — в большом смущении начал оправдываться одессит.

— Тем более, — сказал я. — Пусть будет подарок для твоего ребенка.

А сам подумал: «Если здесь так здорово — и деньги заработать легко, и у каждого свой дом, одним словом, если все так прекрасно, то почему нельзя купить баночку икры в обычном магазине? Пусть она стоит там не три, а десять долларов...»

Что это? Новая, обретенная в Америке расчетливость или утраченная еще российская привычка хапануть на халяву?

* * *

Вспоминается середина 1980-х. Первая моя заграничная командировка. Во Францию. Как автор сценария я был включен в киногруппу, работавшую над документальным фильмом о Марине Цветаевой. Ряд эпизодов снимался в Париже и его пригородах, связанных с пребыванием там великого поэта. Программа съемок была напряженной. Свободного времени — в обрез. Тайная надежда отыскать храм Александра Невского на рю Дарю — православный центр Русского зарубежья — оставалась неосуществимой.

По слухам, все командированные за рубеж советские граждане находились под бдительным присмотром «компетентных» органов. И любая оплошность — контакты с иностранцами и эмигрантами из России, посещение значных мест типа «Клиши» в Париже и даже общение с деятелями культуры без особого на то разрешения — жестоко каралась властями. Атмосфера страха, десятилетиями насаждаемая в нашей стране, вынуждала ее граждан всеми правдами и неправдами покидать родину. Чаще всего подобные ЧП случались во время заграничных поездок. Так что властям было чего опасаться и за кем следить. Прекрасно понимая, чем грозит посещение православного храма в Париже, я на всякий случай заготовил «легенду»: ищу, мол, людей, лично знавших Марину Цветаеву. (На самом деле таких людей удалось бы пересчитать по пальцам, и все они были хорошо нам известны.) Но как выкроить время для реализации такой идеи?

И вдруг неожиданная удача. Утренняя воскресная съемка — интервью с профессором Сорбонны В. Лосской — переносится на вторую половину дня. То есть вся первая — в нашем распоряжении! Не теряя времени, беру план Парижа и нацеливаюсь на рю Дарю...

Мой поход с картой в руках, остановками и проверками, нет ли за мной «хвоста», напоминал банальный детективный сюжет. Спустя час, все с той же оглядкой, я ступил на каменные плиты, хранившие в своей памяти поступь Бунина и Мережковского, Цветаевой и Шалапина, Деникина и Тарковского... Сколько возможностей и невозможностей русского Духа помнят эти стены и купола!.. Мне повезло — я попал на воскресную службу.

Сотни людей внимали слову владыки, призывавшему верующих к духовному единению. К помощи ближним — тем страждущим, кому в силу известных обстоятельств недоступны книги Священного Писания. По слухам, в зарубежном приходе можно было раздобыть Библию — мечта, совершенно неосуществимая на родине. В Москве купля-продажа религиозной литературы считалась уголовным преступлением. Слово владыки запало мне в душу.

Теперь я с нетерпением ждал окончания службы. Вокруг были благородные интеллигентные лица. Всматриваясь в них, я искал и, как мне кажется, находил особые приметы русской духовности, печать породы, запечатлевшуюся в сознании под громкими именами Шереметевых и Голицыных, Толстых и Дурасовых, Шаховских, Соллогубов, Столыпных, Оболенских...

В этот момент среди собравшихся наметилось некоторое оживление. Стоящая неподалеку старушка шепнула другой, такой же древней:

— Солоухин... Писатель из России...

Обе радостно повернули головы в сторону входа. Движение и шепот пронесли по толпе. Люди доброжелательно улыбались и переглядывались. Я тоже увидел нашего известного писателя, бесстрашно вклинившегося в толпу прихожан. Для него немедленно освободили место в центре собора.

Один из служителей разносил свечи. Их тут же зажигали, передавая огонь от одной к другой. Служба при свечах показалась мне особенно торжественной. А когда вступил мужской хор, как-то само собой возникло ощущение того самого духовного единения, к которому призывал владыка. Время раздвинулось. Я ощутил общность не только с теми, кто молился рядом, но и с теми, кто бывал под этими куполами много десятилетий назад, давно ушедшими. И с теми, кто еще будет десятилетия вперед, грядущими. И когда все эти сотни молящихся в каком-то порыве опустили на колени, я растерялся. То есть попросту струсил. Представляю, каким истуканом выглядел я, возвышаясь над головами верующих, пытаюсь отстоять свой статус стороннего наблюдателя. Хорошо, что я стоял за свечным ящиком, который в какой-то мере служил мне укрытием. А вот каково было еще одному «наблюдателю», который, как и я, не рискнул по-настоящему приобщиться к таинству обращения к Всевыш-

нему, — судить не берусь. Этим «другим» оказался — кто бы мог подумать! — писатель из России, Владимир Солоухин.

Он стоял посреди храма таким же, как и я, истуканом, безуспешно пытаясь не уронить своей репутации. Подозреваю, что его страх был того же происхождения, что и мой. Пока стоишь, ты вроде бы остаешься сторонним наблюдателем. Но, став на колени, сразу же меняешь статус — превращаешься в соучастника. А это, что ни говори, уже иная статья. Впрочем, ловлю себя на том, что не дело говорить за кого-то еще. Тем более, если этот «кто-то» — наш писатель...

В воспоминаниях Солоухина ярко, эмоционально рассказывается о его поездке в Париж. Правда, эпизода посещения храма Александра Невского мы там не найдем. Зато встретим много другого, не менее любопытного. Хотя бы вот в таких характерных отрывках:

«...врезавшись в среду русской эмиграции в Париже, я нашел в ней то, чего не мог найти в Советском Союзе, я нашел Россию...»

«... для всех них при личном знакомстве я оказался неожиданностью, если не чудом...»

«... я сидел за столиком перед публикой в ожидании, когда все усядутся и затихнут, чтобы начать говорить и читать стихи, и вдруг возбужденный шумок прокатился по залу. Я не сразу сообразил, что шумок относится ко мне. Оказывается, я в ожидании начала развернул и стал читать на виду у всех подложенную мне под столик "Русскую мысль". Еще бы! Ходила молва, что один наш писатель здесь же, в Париже, читал "Русскую мысль" под одеялом, затащив туда настольную лампу. А я — перед многлюдным залом!..»

«... я знал, что такое аплодисменты, хотя бы в зале Чайковского... но все же такого взрыва ликования я не слышал и не знал, что такое бывает. Ведь в зале Чайковского просто аплодисменты, какими бы громкими и бурными они ни были. Здесь же — искры и треск, то есть, в сущности, молния с громом...»

Как говорится — без комментариев.

И последнее.

Библию в подарок я получил. Правда, выдали мне ее с большой неохотой. Священнослужители, к которым я обратился, ждали окончания службы, долго совещались, куда-то уходили, возвращались... Короче, тянули время, надеясь, что я отстану.

Но я упрямо ссылался на призыв владыки... Священное Писание я, можно сказать, выклянчил. Да вот в последний момент заколебался — брать ли книгу с собой... Таможенный досмотр перед вылетом из Москвы был достаточно либеральным. Каким окажется он на обратном пути?.. Увы, как ни горько в этом признаться, страх одолел мечту. Библия, книга, о которой я так долго мечтал, осталась в парижском отеле «Иннова». Последнем прибежище Марины Цветаевой во Франции.

* * *

Однажды я совершил кражу. Не бог весть какую по масштабам содеянного, но достаточно дерзкую. Судите сами. Из ресторана на Эйфелевой башне, в Париже, я унес пепельницу. На глазах у всего честного народа положил в карман и унес. Никто меня не остановил. Никто не схватил за руку. А ведь время для подобных «шалостей» было не самое подходящее. Мрачное время холодной войны. Железного занавеса. И бдительных партийных функционеров, которых нужно было обязательно пройти, чтобы за этот занавес заглянуть. Редкое по тем временам счастье было доступно лишь избранным. Среди так называемых «выездных» оказались и мы, группа кинематографистов, направлявшихся во Францию, на знаменитый Каннский кинофестиваль.

Дорога на Лазурный Берег лежала через Париж. То есть как раз через тот самый ресторан на верхотуре Эйфелевой башни, куда нас привели полюбоваться видами прекрасного города, а заодно и пообедать. До сих пор не могу понять, как при всей своей законопослушности рискнул я нарушить предписания и установки, полученные перед отъездом в высоких кабинетах.

«Ищите женщину», — мудро советуют легкомысленные французы, когда речь заходит о какой-нибудь пикантной ситуации. В моем случае и искать никого не надо. Женщина была рядом. В том же ресторане. За тем же столом. Прелестная молодая особа (из преуспевающих киноактрис), знающая себе цену и — что более важно — умеющая этой ценой выгодно распорядиться. Наши мужчины наперебой оказывали ей всяческие знаки внимания. Особа принимала их без рисовки. Вообще, вела себя

с подкупающей непосредственностью. Заметив на столе белую керамическую пепельницу с цветной монограммой по бортику, она воскликнула:

– Ой, какая прелесть! Хочу такую...

Наверное, слабый пол существует еще и для того, чтобы каждый мужчина, даже самый робкий, мог иногда почувствовать в своем сердце готовность к подвигу. То есть наплевать на свои комплексы и стать рыцарем.

Секунда – и пепельница в моих руках превращается в рыцарское подношение Прекрасной Даме.

– Это вам!

– Ой... – меня одаривают оборочительной улыбкой. Но тут же ее и отбирают, переадресовывая другому. – Мой муж будет счастлив... Он коллекционирует пепельницы.

Прекрасная Дама уже предвкушает грядущую встречу с любимым мужем. И мой романтический порыв сдувается, как воздушный шарик. Дальше – больше. Пепельницу мне возвращают.

– Не могли бы вы пока положить эту штуковину себе в карман? У меня в сумочке мало места...

Что следует за преступлением? Как правило, за ним следует наказание. Его неотвратимость не столько в грядущем возмездии, сколько в его ожидании, в гнетущем чувстве вины.

Утром следующего дня, уже в каннском отеле «Оранж», меня будит пугающий шум за окном. Со сна мерещится, что ко мне лезут воры.. Окна задернуты шторами. Понять, что происходит на самом деле, просто невозможно. Страшная догадка пронзает мое воображение. За мной пришли... Я на крючке... Все из-за этой поганой пепельницы. Сейчас меня начнут шантажировать, запугивать, склонять к сотрудничеству... Предупреждали ведь, будьте осторожны, вражеские спецслужбы не дремлют. Вспомнилась известная установка: лучшая оборона – это наступление... Я рывком отдергиваю штору и...

За окном тучная, нахохлившаяся ворона с остервенением потрошит пакет с колбасой и сыром, который на всякий случай сунула мне в дорогу жена. За неимением в номере холодильника я с вечера выставил пакет за окно. Теперь от него остались одни лохмотья. Мое появление ничуть не пугает нахальную птицу. Она чувствует себя хозяйкой. Шумно хлопая крыльями по подо-

коннику, нагло демонстрирует, кто есть кто. Невольно возникает литературная ассоциация. Ворона... Лисица... Сыр... В моем варианте лисица отсутствует. Зато присутствую я, персонаж, на котором ворона сполна может отыграться за прошлую неудачу с лисицей. Обремененный чувством вины, я покорно несу наказание то ли за Лафонтена, то ли за дедушку Крылова, слямзившего у Лафонтена сюжет своей басни...

Вечером, после просмотра, мы ужинали в ресторане отеля «Оранж». И тут, как назло, я снова оказался в обществе все той же прелестной молодой особы. И с тем же соблазном — на столе стояла нетронутая пепельница. С монограммой отеля. Моя соседка уставилась на нее взглядом, и этим взглядом сказано было все. Ну уж нет, сказал я себе, вспоминая уже испытанные переживания. Впрочем, никто от меня ничего и не требовал. Рыцари нашлись тут же. Два молодых кинооператора из Армении бесстрашно завладели пепельницей и преподнесли ее Прекрасной Даме. В тот же момент к нашему столу приблизился официант. Понять, что происходит, не составляло труда. Девушка как раз пыталась запихнуть пепельницу в свою сумочку. Мне показалось, что официант шокирован происходящим. Ну вот, теперь и начнется главное, подумал я, глядя на официанта, рядом с которым уже стоял хозяин отеля. В моем воображении мелькнули броские названия газетных статей: «Русские клептоманы»... Или еще круче — «Воришки из Совдепии»... Словом, картина рисовалась позорная... Но то, что произошло дальше, сразило меня под корень.

Расточая обворожительную улыбку, хозяин отеля взял со стола белую полотняную салфетку с той же монограммой, завернул в нее пепельницу и преподнес нашей даме. Тут же появился наш гид. Он переводил слова, которые с чувством произносил француз.

— Господин Леруа рад, что русским гостям понравился его ресторан. Видимо, они хотели бы иметь сувенир на память о пребывании в Каннах...

Моя соседка была совершенно счастлива. Операторы-армяне чувствовали себя героями. А меня тяготило чувство собственной неполноценности... Зато, думал я в свое оправдание, люди моей породы способны задумываться над тайнами бытия. Например, осознавать, что страх и подвиг — две вещи вполне совместные...

* * *

В связи со знаменитым Каннским кинофестивалем мне вспоминается одно впечатление, которое, впрочем, к торжественным мероприятиям не имеет никакого отношения. Тем не менее оно запомнилось не меньше, чем просмотры во Дворце фестивалей на набережной Круазетт.

Это было в первый день нашего пребывания в кинематографическом раю. По дороге из отеля «Оранж» до набережной Круазетт мы прошли через городской рынок. Интересно же все-таки, чем торгуют в самом фешенебельном центре Европы!

Видим те же ряды, что и у нас. Овощи, зелень, рыба, всевозможные фрукты... Показываю идущему рядом артисту Мягкову на пучок длинных зеленых стрелок:

– Лук это или чеснок?

– Та лук же, лук! – отзывается вдруг на мой вопрос пожилая торговка.

Оказалось – хохлушка. Из перемещенных лиц, которым после войны дорога домой была заказана. Почти полвека живет в Каннах. Свой домик, небольшой огород, с которого она кормится.

На обратном пути захотелось снова повидать старую соотечественницу, расспросить о ее судьбе... Не получилось. На месте рынка теперь раскинулась огромная парковка. Сотни чистеньких, сияющих свежестью автомашин и – никакого намека на прилавки недавних торговков с их зеленым товаром... Вот пример рационального использования небольшого жизненного пространства. Утром – рынок. После обеда – автостоянка. И доход круглые сутки.

Как же все просто! Да вот только не для русского человека. При наших-то просторах, какой уж тут доход! Так, ерунда, мелочь... Мы если на что и замахиваемся, то на крупное, масштабное. На мировую революцию, например...

* * *

Отправляя нас, группу кинематографистов, на Каннский кинофестиваль, чиновники разных уровней строго всех проинструктировали. Как себя вести за рубежом. С кем встречаться

нельзя. А с кем — можно. Обо всех контактах с иностранцами докладывать руководителю группы... Сейчас это кажется диким, а тогда, в самом начале 1980-х, было вполне нормальным. Кругом же одни враги... Так вот, снабдив нас всяческими инструкциями, одно сказать забыли — то, что на фестивальных просмотрах мужчины должны быть при галстуках-бабочках. Такова традиция. И никто не смеет ее нарушать.

Мужская половина нашей киногруппы впала в уныние. Ни у артиста Мягкова, ни у режиссера Чулюкина, ни у писателя Рекемчука, ни у сценариста Гребнева, словом, ни у кого из нас «бабочки» не оказалось.

Пришлось бегать по магазинам.

Выяснилось, что с этим аксессуаром у французов все в порядке. Предложения на любой вкус. Да вот только не по нашим деньгам. Перед поездкой каждому из нас обменяли на франки по 30 рублей. Самая захудалая «бабочка» тянула на столько же. Потратиться на нее — значит, остаться без копейки, а главное — не привезти домой никаких сувениров.

Что делать?

Вот тут-то и пришла на помощь природная русская смекалка. Звездная актерская пара Андрей Мягков и Анастасия Вознесенская попробовали соорудить «бабочку» из хвоста обычного галстука. Технология оказалась очень простой. Сложенный бабочкой конец галстука скреплялся нитками. Готовое изделие прикладывалось к воротнику рубашки, а весь длинный остаток прятался под рубашкой и уходил в брюки.

В нужное время мы все как один были при полном параде.

Лия Элиава, народная артистка Грузии, оценивая наш вид, восхищенно заметила:

— Ах, какие вы все элегантные...

Довольные собой, мы отправились на первый просмотр... Одна дорога чего стоит!.. Знаменитая набережная Круазетт... Не менее знаменитая лестница Дворца фестивалей... Сопровождаемые завистливыми взглядами сотен фанатов, мы всходим по ее ступеням, попадаем в просторное фойе, дефилируем бок о бок с мировыми знаменитостями... И тут вдруг выясняется, что наши доморощенные галстуки-бабочки имеют свойство заваливаться то на одну, то на другую сторону, а то и вовсе свешиваться на грудь. Изнутри-то они не были никак закреплены.

Способ водворять их на место оказался один — расстегнуть ширинку и потянуть галстук, чтобы провисшая «бабочка» плотнее примкнула к воротнику рубашки. Но для этого необходимо было найти укромное местечко... Лично мне пришлось трижды заворачивать в туалет и проделывать нужный маневр. Потом это повторялось на каждом просмотре. Никто из нас, однако, не жаловался. Напротив, все были очень довольны. Еще бы! Ведь наши бесценные франки остались при нас...

* * *

Мы с киевским писателем Лотовским прилетели в Германию. Получать литературную премию от «Немецкой волны».

Первую ночь в боннском отеле Лотовский не спал — смотрел по телевизору фривольные фильмы.

Утром выяснилось, что за удовольствие нужно платить. Лотовскому выписали счет на 50 марок. Лотовский очень сокрушался. Но куда денешься? Пришлось раскошелиться.

Как же он страдал и ругал себя, когда пару дней спустя, в Аахене, ему показали целую улицу «для мужчин». Сплошные витрины, в которых полуобнаженные барышни открыто демонстрируют свои щедрые прелести. На любой вкус. И что самое обидное — услуги любой из этих красоток стоят те же 50 марок.

— Какой же я дурак, — хватался за голову Лотовский. — Потратил на телевизор, а ведь можно было заполучить живую немочку! Нет, без жены нельзя ездить в Европу. Без жены всегда тратишь не по делу.

Надо отдать должное Лотовскому. Упрек в свой адрес он учел. Следующий раз он отправился за рубеж вместе с женой. И причем навсегда.

Унесла его-таки на другой берег «Немецкая волна»!

* * *

Когда мы с женой были в Кёльне, нам довелось познакомиться со знаменитым писателем, правозащитником, одним из главных прототипов солженицынского романа «В круге первом» Львом Копелевым. Были у него в гостях. За чаем раз-

говаривали об искусстве... Кто-то из присутствовавших сказал, что в молодежном театре как раз премьера — живопись Кандинского демонстрируется под музыку «Картинок с выставки» Мусоргского.

Моя любознательная жена тут же загорелась пойти.

Копелев живо откликнулся. В свои восемьдесят три года он оказался весьма легким на подъем.

Всей компанией мы отправились в театр. Здесь нас ждало разочарование. Билетов в кассе не оказалось. Видя, как мы загрузили, Копелев отправился к администратору. Вскоре он появился в сопровождении почтительно улыбающегося молодого человека.

Нас провели в зал. Усадили в центре партера. Как оказалось, это были резервные места для почетных гостей.

Моя жена была в восторге.

— Ну, Лев Зиновьевич, вы просто маг и волшебник!

Копелев благодушно улыбался.

— Немцы меня знают, — скромно сказал он, оглаживая свою роскошную бороду патриарха. — Даже таксист, когда я с ним расплачивался на днях, радостно сообщил: «А я вас узнал. Вы — Лев Толстой!»

* * *

Русский мальчик Никита живет с родителями в Германии. На день рождения они подарили ему великолепный подростковый велосипед. Радость мальчика была безгранична. Он давно мечтал о таком подарке. Испытать велосипед Никита решил вместе с друзьями. Прокатился с одним приятелем, с другим... К третьему после катания зашел домой. У того была новая компьютерная игра... Когда Никита спустился на улицу, своего велосипеда там не обнаружил. Увы, его украли.

Папа Никиты немедленно обратился в полицию. Дежурный офицер дотошно интересовался маркой пропавшего велосипеда, цветом рамы, системой тормозов. По этим данным полицейский составил протокол и объявил, что «дело» о похищении велосипеда открыто.

Родители Никиты не сомневались, что немецкая полиция окажется на высоте.

— Это не Россия, — с оптимизмом думали они, — это Германия. А для немцев порядок — святое дело. Российская безнаказанность здесь не пройдет...

Неделю спустя — звонок из полиции.

— Вы нашли велосипед? — спрашивает тот же офицер.

Папа Никиты обескуражен.

— Этот же вопрос я хотел задать вам...

— Значит, не нашли, — констатирует полицейский. — В таком случае «дело» закрывается.

— Но...

— У вас есть еще вопросы?

— Что вы нам посоветуете?

Ответ стража порядка был лаконичен и прост:

— Купите новый велосипед.

В конце концов пришлось последовать здравому совету. Для Никиты приобрели новый велосипед. Замечательный немецкий порядок был, таким образом, восстановлен.

* * *

В одной из кельнских пивных все выпитое считают не на литры, а на метры. Ставят пустые кружки друг на друга и определяют, сколько метров осилил клиент.

Расплачиваясь, получаешь, к примеру, такой вот счет:

«Пиво — 135 сантиметров. Стоимость — 9 евро»...

Чего не придумаешь, чтобы добыть клиента. Или — добыть конкурента!

* * *

В Абу-Даби нас поселили в арабскую часть отеля. Все европейские номера оказались заняты. Признаюсь, меня это сильно смутило. Даже напугало. Причина — многочисленные арабские дети, которые носились по отелю и громко кричали. Никто из взрослых даже не пытался их утихомирить. Долгожданный отдых оказался в опасности.

У нас с женой разное восприятие жизни. Она находит в жизни всевозможные поводы для радости. А мне в глаза прежде всего бросаются угрозы. Так и здесь. Арабчата ей очень понравились.

Курчавые мальчишки и девчонки с черными маслиновыми глазами и огромными, как опахала, ресницами шныряли вокруг нас и весело здоровались:

– Салям... Салям... Салям...

– Ты посмотри, какие они красивые! – восторгалась жена и призывала меня разделить ее радость.

– Нет, ты посмотри, какие они шумные, – возражал я. – Орут и топают, как ослы!..

Моих опасений жена не разделяла. Напротив – она решила с ними познакомиться. Достала из сумки коробку московских конфет и стала всех подряд угощать. Арабчата слетелись на сладкое, как воробьи на пшено.

– Халява! Халява! – заверещали они.

Столь неожиданная реакция детей нас и рассмешила, и задела. Вот оно, русское влияние! Даже сюда проникло...

Каково же было наше удивление, когда выяснилось, что это не русское влияние, а совсем наоборот... Ведь с арабского языка сладкое слово «халява» переводится очень просто – ХАЛВА!

* * *

Это произошло по дороге из Барселоны в испанскую столицу. Наш туристический автобус следовал по живописной Каталонии. Кто-то слушал Андреаса, гида: он рассказывал о достопримечательностях, мимо которых мы проезжали. Кто-то дремал... Время от времени жизнерадостный водитель Хуан ублажал наш слух записями популярных испанских мелодий. Все было, как говорится, о'кей... И вдруг... Следовавший слева от нас на большой скорости «фольксваген» не вписывается в поворот и, завалившись набок, юзом выносится за обочину. Дважды перевернувшись, с помятыми боками и разинутым багажником, он застывает колесами вверх и угрожающе покачивается.

Хуан реагирует молниеносно. Визг тормозов сливается с истошным воплем наших женщин. Потрясенные случившимся, мы инстинктивно вжимаемся в кресла. Проходит несколько мгновений, и вот мы уже выскакиваем из автобуса и бежим к перевернутому «фольксвагену». Всех волнует судьба молодого человека, зажатого в салоне машины.

Жив ли он?

Оценив ситуацию, самые решительные из нас во главе с Хуаном пытаются открыть заклинившую дверь. К счастью, это удается. Из салона выбирается окровавленный парень. Он в шоке. Бормочет что-то нечленораздельное. Порывается куда-то бежать... Его успокаивают. Бережно укладывают на зеленый газон обочины...

Дальнейшее происходит без нашего участия. Появляются полиция, «скорая помощь». Начинается обычная в таких случаях процедура.

Не скрою, меня так и подмывало достать фотоаппарат, запечатлеть происходящее на пленку. Но делать это в столь драматической ситуации я не решился. Вспомнилась принцесса Диана... Бессердечные папарацци...

На другое утро — сенсация! Во всех газетах фотографии нашего «крестника», того самого парня из перевернутого «фольксвагена». Им оказался знаменитый футболист, игрок «Барселоны» и сборной Испании Хорди Лардин. Среди фотографий, опубликованных в газетах, не было ни одной с места происшествия.

Водитель Хуан сокрушался:

— Ну где вы были? Почему никто не сфотографировал, как русские вызволяют нашего Лардина? Какой снимок мог получиться!

Я объяснил Хуану свою позицию.

— Боялся прослыть папарацци? — усмехнулся Хуан. — Ну и зря. Мог бы продать фотографию, получить деньги... Или просто оставить себе на память. Чем плохо?

Потом я частенько задавал себе тот же вопрос. Что лучше — бесцеремонность журналистов или общественное неведение, информационный вакуум, который все равно будет чем-то заполнен? Как правило, недостоверными слухами. А папарацци делают свою работу — документально фиксируют нашу историю. В чем их вина? Ну не виноваты же они в том, что история эта перенасыщена драматизмом...

* * *

В Севилье нас повели на фламенко — народный танец, популярный у испанцев не меньше, чем коррида.

Зал, где выступали танцоры, был переполнен. Мы с трудом протиснулись на свои места. В проходе между рядами хорошенькая испанка принимала заказы — в стоимость билета входили и напитки.

— Коньяк? Джин? Водка?

Записывая заказ, девушка задорно встряхивала черными кудряшками.

— Плиз, гив ми хот уота, — попросил я горячую воду.

Я не шутил. У меня действительно начинался кашель, болело горло. Жестами я попытался все это объяснить.

Испанка понятливо кивнула.

— О, хот уота? О'кей! — она еще раз поправила челку и кокетливо улыбнулась.

Почему-то подумалось, что зовут хорошенькую испанку Кармен...

Она вернулась, когда на сцене уже бушевало фламенко. С подносом, полным стаканов, Кармен грациозно лавировала среди тесных рядов. Зрители разбирали напитки, не отвлекаясь от зрелища.

Принимая свой стакан, я благодарно кивнул. Кармен ответила озорной улыбкой. Отпив глоток, я поперхнулся. От неожиданности не сразу понял, что она мне подсунула.

— Ит ис хот уота! — смеясь, воскликнула девушка и подняла пальчик. Лукавый взгляд как бы предупреждал: знаю вас, русских!

— Хот уота! — весело повторила она. — Водка! Рашен водка!

Что и говорить, моя Кармен оказалась слишком искушенной в российской ментальности... Будь что будет, решил я и с горя проглотил всю жидкость, которая была в стакане. Не сомневался — утром разболеюсь, совсем не смогу разговаривать... Ничего подобного! На следующий день я был здоров, как огурчик. То ли водка помогла, то ли чары испанской колдуньи оказались столь чудодейственными...

* * *

... 1987 год. Редкая по тем временам удача — возможность турпоездки в одну из капстран. На дворе как-никак время холодной войны и железного занавеса... По нашу сторону — застой, дефицит, бесконечные очереди к полупустым прилавкам...

Партия и правительство продолжают сулить народу светлое будущее. Внушают — до коммунизма рукой подать!

А каково же там, на чужой стороне? Действительно ли торжество бездуховности и деградации (по официальной версии)? Или (по слухам) колдовство Зазеркалья — полное благоденствие и процветание?

Из предложенных Союзом кинематографистов туров выбираю Англию. Самую совершенную, на мой взгляд, модель западной цивилизации. Полагаю, именно там можно по-настоящему оценить, на чьей же стороне успех противостояния...

Дальнейшее больше похоже на сон, нежели на реальность.

Несколько часов полета — и наша тургруппа высаживается на землю Великобритании. После унылой советской столицы водоворот английской повседневности представляется нам сплошным праздником. Впечатление грандиозной выставки, где царят изобилие и красота. Поражают витрины. Вернее, парад витрин, заполненных всевозможным товаром... Другой парад — утопающие в цветах окна домов. Каждое из них — произведение садово-декоративного искусства. Стимул для такого рода занятий — ежегодный конкурс на лучшее окно английской столицы. Приз — миллион фунтов! Целое состояние...

Мои попутчики — писатель Максуд Ибрагимбеков, его жена и режиссер Алексей Габрилович. Оторвавшись от группы, бродим по улицам и закоулкам, глазеем по сторонам... Внимание Максуда привлекает лавка мясника. Новый парад планет! Я и не подозревал, что мясо может быть столь красивым и разнообразным. Мясо кенгуру, например. Или страуса...

Ибрагимбеков рассказывает, как перед отъездом, в родном Баку, добывал мясо для своего семейства. Даже в спецраспределителе, к которому он прикреплен как депутат Верховного Совета, в наличии ничего не оказалось. Ждали завоза. Впрочем, каждый божий день там ждали завоза. Делать нечего — пришлось сесть за руль и отправиться в горы. На поклон к знакомым пастухам... Зато домой Максуд вернулся с целой тушей барана. Первым умопомрачительный запах свежатины учуял изголодавшийся кот Ибрагимбековых. Полноправный член семьи, он сразу направился к багажнику. Увидев разрубленную тушу, кот в порыве чувств встал на задние лапы. Далее, в том же положении двуногого «прямостоящего», он неотступно сопровождал хозяина,

пока тот переносил куски баранины на кухню. Но и дома этот представитель семейства кошачьих, демонстрируя чудеса эволюции, продолжал передвигаться только на задних лапах. Пока не получил долгожданного угощения. Расправившись со своей порцией мяса, кот не успокоился. Смекнув, какую пользу можно извлечь из прямохождения, он снова встал на задние лапы. И это уже была смекалка самого Гомо сапиенса...

— Так вот, здесь, в Англии, я ощущаю себя этим котом, — заключил Ибрагимбеков.

— А нам — самое время встать на четвереньки, — заметила жена писателя.

* * *

Перед поездкой группы российских кинематографистов в Лондон каждого из нас строго-настрого предупредили: будьте начеку. Возможны провокации. Было это в те времена, когда противостояние двух систем определяло и политику, и экономику, и даже наличие в стране секса. На собеседовании в райкоме партии прямо сказали:

— К вам, деятелям советской культуры, будет повышенное внимание. Любой неверный шаг — и вы на крючке у спецслужб.

На прощание дали еще один совет, дружеский: ни при каких условиях не посещать Сохо. Тот самый лондонский район, где расположены всякие сомнительные заведения — секс-клубы, секс-шопы. Короче, их западные страсти-мордасти. Там, мол, секс только по форме. На самом же деле это искусная приманка для простаков. Завлекают, а потом, когда уже не отвертишься, выют из человека веревки.

В целях безопасности селили нас в Лондоне попарно. Мне достался пожилой режиссер из Грузии — Вахтанг Бакрадзе. Милый, симпатичный старик, который, как только мы оказались в номере на шестом этаже лондонского отеля «Президент», устало расположился в кресле и некоторое время отрешенно молчал. Я принялся быстро размещать свои вещи. Хотелось поскорее выйти на улицу.

— И зачем я сюда приехал? — вдруг произнес Бакрадзе с такой тоской, будто вместо Лондона его завезли в Туруханск.

— Мне семьдесят лет... Кто в таком возрасте путешествует, э?

— Вы просто устали, — попробовал я успокоить старика. — Отдохнете, и все будет хорошо.

— Чего хорошего! — закричал мой напарник, указывая на окна. — Шестой этаж, э! А вдруг в лифте застрянем?

Я уважаю старость. Готов мириться с ее причудами. Но только не в Лондоне, где у меня всего-то три дня. Групповых мероприятий в тот вечер у нас не намечалось. И я решил оставить Бакрадзе наедине со своими проблемами. Пусть решает без моего участия. Сам же, в чем был, отправился гулять. Не стал даже менять домашние туфли на «Саламандру», приобретенную в Москве перед самым отъездом...

Сориентировавшись по карте, я вдруг обнаружил, что пресловутое Сохо совсем недалеко от гостиницы. Стоит ли говорить, сколь велико было искушение увидеть своими глазами, что же это такое. Признаюсь, короткая схватка между долгом и соблазном, к позору моему, закончилась в пользу последнего. Дорога пешком заняла минут тридцать. Как и предупреждали в райкоме, это был настоящий шабаш низменных чувств и страстей. Безудержно неистовствовала реклама всевозможных секс-развлечений. Сияющие разноцветные витрины с голыми задницами заманивали простаков. А прилипчивые девицы на улице подмигивали и открыто предлагали свои услуги. В темном переулке я буквально подвергся нападению. Высокая длинноволосая красotka бесцеремонно схватила меня за руку и потянула в подворотню. Я сразу показал ей мою «состоятельность» — протянул пару юбилейных рублей с профилем Владимира Ильича. Вглядевшись в монеты, красotka отпрянула. Я злорадно расхохотался. Мол, знай наших!

Повеселившись в Сохо, я вернулся в отель. Поднялся на шестой этаж. Осторожно, чтобы не потревожить Бакрадзе, открыл дверь номера (ключ я предусмотрительно взял с собой)... Сказать, что я остолбенел от увиденного... потерял дар речи... Вряд ли я смогу выразить то смятение, которое тогда испытал... На моей кровати, под моим одеялом, лежала длинноволосая девица. Мне почудилось — та самая красotka из Сохо, которую я только что осмелял... «Ну вот, допрыгался... Тебя же предупреждали...» Сердце внезапно сжалось, а потом вдруг забарабанило с такой силой, что меня даже закачало... Но почему кровать Бакрадзе пуста? Куда девался мой напарник?.. Бессмысленно бормоча «пардон, мадам... пардон, мадам...», я попятился к двери. Девица

стремительно выскользнула из-под одеяла и юркнула в ванную комнату. Высунувшись из-за двери (она была в ночной рубашке), яростно лопотала по-английски. Я понял одно — меня прогоняют. Значит, не провокация... Просто не хотят меня видеть... Сразу отлегло от сердца...

— Ит ис май рум, — робко пролепетал я, пытаюсь понять, что же все-таки происходит. — Это моя комната!

— Нёу!.. Нёу!.. — по-кошачьи взвизгнула девица и, презрев мое присутствие, бросилась к телефону.

Пока она звонила, я пялился на ее ночную рубашку. По голубому батисту безмятежно плавали глазастые рыбки. Мне показалось — пираньи. С кем-то переговорив, девица потребовала, чтобы я спустился к портье.

Внизу без лишних вопросов мне выдали новый ключ. Оказывается, нас с Бакрадзе переселили на первый этаж.

Тот встретил меня боевым приветствием — вскинутым вверх кулаком.

— Я им тут устроил! — погрозил он в сторону двери. — Поговорил с администратором... Видишь, переселили! Как миленькие...

— А вещи? — перебил я моего воинственного напарника. — Где мои вещи?

— В шкафу, — ответил Бакрадзе. — Портье принес.

Разговаривая со мной, Бакрадзе не отрывался от телевизора. На экране чувственная мулатка, задирая ноги, отплясывала какой-то экзотический танец. Лицо моего напарника выражало полное блаженство.

Я заглянул в шкаф. Вещи были на месте. Все, кроме «Саламандры».

— А где туфли?

— Туфли? — не отрываясь от экрана, переспросил Бакрадзе. — Должны быть. Поищи.

Поиски, однако, ничего не дали. Моей «Саламандры» нигде не было. Пришлось, не теряя времени, снова подниматься наверх.

На мой стук из-за двери раздался голос новой хозяйки номера.

— Ай эм... ай эм... — я искал слова, чтобы объяснить.

В ответ она сама появилась на пороге.

— О, «пардон, мадам»? — игриво улыбалась моя новая знакомая.

Поверх ночной рубашки теперь на ней был атласный халат с драконами.

– Май шуз... – робко показал я на свои ступни. – Ноу!

– О ля-ля! – воскликнула девица и решительно бросилась на поиск. Мы вместе обшарили номер. «Саламандры» как не бывало. Договорились продолжить поиски утром. Когда появится тот самый портье...

Когда я спустился к себе, у Бакрадзе был гость – артист Гомиашвили, тоже из нашей группы. Когда-то он блестяще сыграл Остапа Бендера в фильме «Двенадцать стульев». Видимо, ему никак не хотелось выходить из этой замечательной роли – он и в Англии не расставался со знаменитым белым картузом Остапа.

– Разобрался с англичанами? – спросил Гомиашвили.

– Туфли пропали, – посетовал я. – «Саламандра».

– Дело большое – «Саламандра»! – презрительно сказал Гомиашвили-Бендер. – Хочешь, дам мои? Я в них снимался.

Подумать только! Туфли самого Остапа Бендера! Вот она, широкая грузинская натура... После всех переживаний захотелось расслабиться, пошутить.

– Если бы к этим туфлям да еще фуражку...

– Нет, фуражку не могу, – отрицательно покачал головой Гомиашвили. – Без фуражки меня не узнают...

Кто не узнает – он не уточнил. Видимо, англичанки, которые все поголовно влюблены в героя Ильфа и Петрова. Во всяком случае, по игривому настрою Гомиашвили было понятно – узнавать его в Англии было кому.

Когда мы с Бакрадзе наконец улеглись, и я погасил свет, в темноте прозвучал застенчивый вопрос:

– Слушай, ты можешь сделать для меня одно дело?... Я старик... Мне самому неудобно...

– О чем вы? – спросил я, теряясь в догадках.

– Внизу, в журнальном киоске... Купи мне один порножурнал... Я деньги дам...

«Какая же аура у этого Сохо! – подумалось мне тогда. – То ли Сохо в Лондоне... То ли весь Лондон – в Сохо... А может быть, это самое Сохо в каждом из нас?»

Партийная установка тех лет утверждала обратное: «Секса в Советском Союзе нет!» Не потому ли через какое-то время

и распалась великая держава? То есть просто-напросто стала размножаться делением?

А туфли, кстати, пропали с концами...

* * *

Один из моих друзей побывал в Дании. Там, среди прочих мудреных достижений цивилизации, ему показали ферму, где проблема энергоснабжения решается совершенно оригинальным способом. Электричество, например, умные датчане получают не только с помощью ветряков, которых там не сосчитать, но еще из... парного молока.

На ферме большое поголовье крупного рогатого скота. Соответственно, высоки и надои. Так вот, подданные датского королевства научились использовать теплоотдачу этих надоев в нужном для них направлении. Они не допускают того, чтобы парное молоко бесполезно остывало в емкостях для хранения. Молоко у них остывает с пользой для дела.

Каждый мало-мальски образованный человек знает о преобразовании тепловой энергии в электрическую. На этой основе работают все ТЭЦ. В качестве источников тепла на них используются традиционные энергоносители — уголь, нефть, газ. Но чтобы молоко...

Фантастика какая-то! Впрочем, это для нас — фантастика. Для них же просто будни прогресса.

* * *

Уехавшие на ПМЖ делятся впечатлениями от пребывания на исторической родине:

«Материально у нас тут все хорошо, а вот морально — денег не хватает».

* * *

Мать зовет дочь, оставшуюся в России:

— Дорогая моя доченька! Израиль — очень богатая страна. Чего тут только нет! Приезжай — ты найдешь здесь все, чего душа пожелает. Даже мать родную.

* * *

Ксения М., известный в художественных кругах Москвы искусствовед, вышла замуж за итальянца. Потомственный аристократ, граф, к тому же еще художник и поэт, муж Ксении, сеньор Миели, тоже был довольно заметной творческой личностью. Мы с женой радовались за Ксению, давнюю нашу приятельницу. С нетерпением ждали обещанного визита. Ксения знакомила мужа со своими друзьями. А мы имели честь быть в их числе.

Договариваясь о встрече, Ксения строго-настрого предупредила — никаких пышных приемов. Добрая душа, она прекрасно понимала, во что обходится широкое русское гостеприимство. Время было глухое. Начало 1970-х. Пора тотального дефицита и надвигающегося застоя. К визиту гостей, тем не менее, мы готовились основательно. Ударить лицом в грязь перед именитым иностранцем никак не хотелось.

С помощью соседки, большевички с дореволюционным партстажем, получили продуктовый заказ. На рынке, из-под полы, купили банку икры. Знакомый рыбак снабдил нас раками (чем не экзотика?). А моя жена Ирина, большая мастерица по части выпечки, наготовила пирогов...

С первых же минут знакомства итальянец расположил нас к себе. Никакого высокомерия. Подкупающая искренность и непосредственность. Обнимался и целовался он по-настоящему, по-русски. Не так, как это принято у иностранцев — коснулись друг друга щеками, чмокнули воздух и — баста! Знакомство состоялось...

В словарном запасе у сеньора Миели было всего три русских слова:

«Спасибо... Хорошо... Давай-давай...» Он их нам сразу продемонстрировал.

— А водка? — с легкой усмешкой напомнила Ксения.

— Си, грации! — живо откликнулся итальянец. — Водка...
Ля дольче вита!

— Мой муж хорошо усвоил: горькая водка — неременное условие сладкой жизни, — пояснила Ксения.

В хвастливом запале я объявил, что готов приветствовать гостей по-итальянски.

— Это замечательно... — Ксения великодушно кивнула.

— Ассасини! — воскликнул я, будучи уверен, что говорю приятное.

По тому, как вытянулись лица наших гостей, я понял, что сморозил глупость. Черт дернул употребить слово, значения которого я толком-то и не знал. Услышал я его на съемках итальянского фильма «Они шли на Восток» знаменитого режиссера, классика неореализма Джузеппе де Сантиса. Часть эпизодов он снимал в России. И пригласил группу студентов-вгиковцев принять участие в массовках. Мне досталась «роль» солдата, который встречает машину, идущую с передовой. Откинув борт, я вижу измученных, искалеченных людей. Помогаю им сойти на землю... Опираясь на мое плечо, один из них произносит это самое «ассасини»... В той ситуации я воспринял его как благодарность за поддержку...

Выслушав перевод, сеньор Миели с пониманием отнесся к моей оплошности. Кивнув, он произнес несколько фраз.

— Муж считает, что это интересный материал для психоаналитика, — перевела Ксения. — Почему именно это слово «застряло» в твоём подсознании... Почему вспомнилось именно сегодня... Наверное, оно было адресовано не тебе, а тем, кто послал этих парней на верную гибель. Слово это означает «убийцы».

Горькая усмешка скользнула по ее лицу.

Теперь уже я тупо уставился на своих гостей. Выручила жена. Она явно тяготилась затянувшимся разговором между прихожей и кухней. Позвала всех к столу... Не скрою, приятно было видеть, сколь сильное впечатление произвел он на молодоженов.

Окинув взглядом плоды наших кулинарных фантазий, итальянец молитвенно сложил руки и картинно закатил глаза.

— Мама миа! И это все мы должны осилить?

Ксения исправно доносила до нас смысл его восклицаний.

— Без этого вы от нас не уйдете, — предупредил я, наполняя рюмки «Столичной».

— Так! Не нужен никакой психоаналитик! — воскликнул синьор Миели. — Ксения, я все понял!.. Твои друзья решили нас уморить... Глядя на этот стол, трудно заподозрить, что это орудие убийства... На самом деле это так. Подсознание выдало твоих друзей. «Ассасини»... Вот для чего этот ужин... Хорошо,

что мы знакомы с психоанализом... Теперь понятно... Русский стол — это ловушка. Хуже, это эшафот для иностранца...

— Судя по твоему поведению в России, ты всегда готов на него взойти, — заметила Ксения.

— Не оставлять же все хозяевам! — темпераментно жестикулируя, возразил сеньор Миели. — Пусть разделят нашу печальную участь! — он поднял рюмку и, глядя на нас с Ириной, торжественно провозгласил:

— Виват, ассасини!

Все чокнулись.

— Боже мой... — едва слышно произнесла Ксения. — Тост за своих убийц... Наверное, он может созреть только за русским столом...

— Русская история в двух словах, — грустно заметил я.

* * *

Однажды мне здорово повезло. Фильм, снятый режиссером Б.Б. по моему сценарию, представили на международный кинофестиваль. Соответственно, меня и режиссера Б.Б. командировали туда в качестве участников.

До этого я только слышал о подобных мероприятиях. Слышал, какое это приятное времяпрепровождение. Две недели комфортного отдыха на полном обеспечении. Плюс развлечения: от любования прелестными кинодивами на экране до сердечных романов с ними же в натуре.

На сей раз организаторы превзошли все ожидания. Под мероприятие был зафрахтован огромный многопалубный теплоход, предназначенный для морских круизов. То есть программу фестиваля совместили с программой круиза. Работу — с отдыхом...

Каждому из участников предоставили каюту. Закрепили постоянное место за столиком в ресторане. Выдали кучу печатной информации. И процесс, как говорится, пошел.

Просмотровые залы... Бары и рестораны... Бассейн... Наконеч, открытая палуба, с которой можно любоваться днем — морскими пейзажами со скачущими по волнам дельфинами, ночью — южным небом, усеянным звездами...

Время от времени теплоход причаливал к берегу. Тогда фестивальное веселье выплескивалось на просторы приморских

курортов, растекалось по их многочисленным достопримечательностям.

Среди участников и гостей было много иностранцев. Всеобщим вниманием пользовалась рыжеволосая итальянка русского происхождения. Говорили, что она влиятельный и богатый продюсер.

Успех нашего фильма на фестивале в какой-то момент сделал нас с режиссером Б.Б. героями дня. Итальянка выразила желание познакомиться с нами. Она была в восторге от фильма, даже прослезилась. Ее занимала дальнейшая наша творческая судьба. Мне даже показалось, что она готова принять в ней участие. Думаю, что и режиссер Б.Б. вынашивал те же надежды.

Первый совместный вечер мы провели на палубе. Пили бургундское, коньяк, крепкий итальянский кофе «эспрессо». Обстановка была самая что ни на есть романтическая.

Звезды над головой. Плеск волн за бортом. Отзвуки неутраченного веселья, доносящиеся из чрева громадного корабля.

Режиссер Б.Б., обычно молчаливый и замкнутый, в тот вечер был необычайно красноречив. Большие изумрудные глаза итальянки сияли, соперничая с блеском звезд. Она рассказывала о своих друзьях — Феллини, Антониони, Бертолуччи... О запланированных совместных работах... Выяснилось, однако, что кино — не самое главное в ее насыщенной творческой жизни. Главное — это поэзия.

Итальянка прочла несколько стихотворений по-итальянски. Тут же, для нас, перевела на русский.

Стихи были модернистские, плохо воспринимались на слух. Но томление неудовлетворенной женской души сквозь кучерявистую форму явно проглядывало.

Режиссер Б.Б. ее произведения похвалил. Попросил почитать еще. Итальянку это воодушевило.

— Вам правда нравится? — возбужденно спросила она.

— Они так же необычны, как и вы сами, — с чувством признался режиссер Б.Б.

Я почувствовал себя третьим лишним. Сославшись на то, что нужно отнести посуду, удалился в бар. На палубу я уже не вернулся. Ни режиссер Б.Б., ни итальянка этого не заметили.

За годы совместной работы я хорошо усвоил манеру поведения режиссера Б.Б. Как любого интеллигента, его обуревают

комплексы. Незаменимое лекарство от недуга известно — водка. Несколько рюмок помогают оттеснить все комплексы на периферию. Тогда на авансцену выступает раскованность, даже бравада. На этой стадии режиссер Б.Б. очарователен. Он оживлен, остроумен, галантен. Но беда в том, что фазы опьянения следуют по нарастающей. С каждой выпитой рюмкой граница между комплексами и опекающим их сознанием неотвратимо стирается. Наконец, наступает кульминация — братание сознательного с бессознательным. Говоря высокопарно, апофеоз цельности. Он же, увы, и начало распада...

Ночью меня разбудил громкий стук в дверь. Грешным делом, я решил, что мы тонем. Выскочив из каюты, я столкнулся с... итальянкой. Всклобоченная, в халате, с расширенными от ужаса глазами, она схватила меня за руки.

— Умоляю, вы его друг... Помогите... — горячечно шептала она.

— Что случилось? — спросил я, отходя от первого испуга и проваливаясь в другой.

— Нужен врач! Срочно...

— Врач? — тупо повторил я. — Вам плохо?

— Я же говорю — ему!.. — из глаз итальянки катились слезы. — Ему плохо... Вы даже не представляете... Он... он выпил одеколон!.. Я не успела ничего понять... Думала, он его нюхает, а он... Боже мой! Он потерял сознание!.. Нужно спасти!.. На корабле должен быть врач...

Честно говоря, я опасался худшего. Глядя на страдающую женщину, можно было подумать, что случилось непоправимое. А тут... Ну, подумаешь, мужик спьяну тяпнул одеколону. Не объяснять же наивной итальянке про наши русские чудачества! Лучше уж пойти за врачом.

Кюта морского эскулапа оказалась на верхней палубе. Как я и думал, ночному вызову он нисколько не удивился. В ответ на мои извинения только рукой махнул:

— Да будет вам...

Глянув на спящего режиссера Б.Б., пощупав его пульс, врач спокойно констатировал:

— Отоспится.

— Вы думаете, это не опасно? — допытывалась итальянка. — Он не отравится?

— Что пил? — коротко спросил врач.

Итальянка показала флакон.

— Одеколон... Французский...

— Ах, французский? — врач покачал головой. — Русским точно бы не отравился. Будем надеяться, что французский не хуже.

В коридоре мы расстались. Врач пошел наверх, а я отправился в свою каюту. Итальянка осталась при режиссере Б.Б. в качестве добровольной сестры милосердия. Не успел я дойти до каюты, как услышал торопливые шаги за спиной.

Оглядываюсь.

Снова сполохи изумрудно-зеленого ужаса и тот же горячий шепот:

— Боже мой... Боже мой... Это ужас... Это кошмар!..

Итальянку трясло, будто в ознобе.

— Ну что еще?

— Пока мы разговаривали, он... съел пасту!

— Какую пасту?

— Зубную... Целый тюбик...

Я смотрел на нее с состраданием.

— За врачом не пойду, — сказал я довольно решительно.

Она опешила.

— Что же делать? — по-театральному ломая руки, взмолилась она.

— А ничего.

— Как?..

— Да вот так.

Мне надоела эта тягучая драма. Я решил прогнать эту сцену до ее кульминации.

— Хотелось узнать, что такое настоящий русский мужик? Считайте, вам повезло! Вы оказались в шкуре обыкновенной русской женщины.

— Неужели это так? — произнесла она с горечью и отчаянием. — Кто бы мог подумать... Так красиво ухаживать... очаровать... А потом — когда дама уже готова на все, пасть к ее ногам... Не пасть, а рухнуть... И не от любви. А оттого, что напился, нажрался, как у вас говорят...

Она всхлипывала и обреченно кивала головой. Будто прощалась.

— Наверное, такое может быть только в России...

Успокаивать ее я не стал. Не было смысла...

Спустя полгода — неожиданная встреча в московском Доме литераторов. Итальянка выглядела великолепно. Она показала книгу своих стихов, изданную в Италии. Тексты были напечатаны параллельно — по-русски и по-итальянски. В Доме литераторов готовилась презентация. У книги было загадочное и жутковатое название: «Метастазы любви».

Самое поразительное — все стихи были посвящены режиссеру Б.Б. Рыцарю ее итальянского сердца.

Что добавить к этой истории? Разве что вспомнить другого поэта — Анну Андреевну Ахматову:

Когда б вы знали, из какого сора
Растут стихи, не ведая стыда...

Теперь мне доподлинно известно — они растут еще из одеколона и зубной пасты! Но расцветают всегда одним и тем же — любовью.

Детский лепет:
КИРИЛЛ

То была эпоха патефонов, проигрывателей, радиол и, конечно же, пластинок, которые на этой аппаратуре проигрывались. В каждом доме имелась коллекция грамзаписей: от детских сказок до шедевров музыкальной классики. Старые пластинки — на 78 оборотов в минуту — вращались быстро. Новые, долгоиграющие, — на 33 оборота — в два с половиной раза медленнее.

Трехлетний Кирилл мог слушать их часами. Но пластинки пластинками, а вот сказку на ночь они никак не заменяли.

Однажды, читая сыну «Сказку о царе Салтане», уставшая за день мама почувствовала, что ее одолевает сон. Стремясь поскорее закончить чтение, она перешла на ускоренный темп. И в тот же момент из детской кровати последовало грозное предупреждение:

— Не надо на семьдесят восемь... Читай на тридцать три!

Года в четыре Кирилл начал допекать родителей одним и тем же вопросом:

— За сколько меня купили?

— Не помню... Забыл... — пытался уйти я от ответа.

Но Кирилл был настойчив.

— Все-таки за сколько? — повторял он.

— За три тысячи, — однажды ответила мама, надеясь, что сын, наконец, отстанет.

— Зря, — сказал Кирилл. — Купили бы сначала «Запорожец», а потом меня...

Через некоторое время тот же вопрос:

— Скажите честно, сколько вы за меня заплатили?

— Много... очень много... — ответила мама.

— Несколько тысяч?

— Миллионов!

— Ну да, — недоверчиво говорит Кирилл. — Столько даже Брежнев не стоит!

Кирилл — человек вдумчивый. И вопросы он задает непростые. Например, в четыре года спрашивает у меня:

— Кто больше знает, мужчина или женщина?

— Кто лучше учится, тот больше и знает, — дипломатично отвечаю.

— Нет, — настаивает сын. — Почему мужчины знают больше, чем женщины?

— С чего ты взял, что мужчины знают больше?

— Ну ты же знаешь больше, чем мама!

— Не понимаю, почему ты так решил.

— Потому что ты всегда говоришь «да», а мама — «наверное»...

Внешность членов нашей семьи Кирилл оценил так: на первом месте — он. На втором — папа. На третьем — мама. А старший брат — на четвертом, последнем.

— Значит, ты себе очень нравишься? — спрашиваю я.

— Да, — отвечает Кирилл.

— И нос, и глаза, и волосы — все у тебя самое красивое, да?

— Нет, — говорит Кирилл, — не все. Одежда иногда некрасивая...

Действительно, бедному Кириллу приходится всегда доншивать одежду брата.

В детской конноспортивной школе праздник. Юные наездники демонстрируют свое мастерство. Среди участников двенадцатилетний Гриша. А среди зрителей — четырехлетний Кирилл, которого забрали из садика, чтобы посмотреть соревнования. Он азартно болеет за брата. Кульминация праздника — игра в стойло. По знаку судьи двенадцать наездников срываются с места и несутся галопом, чтобы занять пустующие стойла. Их на одно меньше, чем наездников. Кто не успел — выбывает. И так в каждом заезде. До финала доходят только двое. Среди них и Гриша.

— Ура! — ликует Кирилл. — Гриша в финале!

Последняя отмашка судьи. Финалисты прищипривают лошадей. Ловко управляя конем, Гриша отгесняет соперника. В следующий момент он уже в стойле!

— Ура! Победа! — торжествует Кирилл. — Мы первые!

— А ты-то причем? — иронизирую я.

— Гриша — всадник, — ничуть не смутившись, заявляет Кирилл. — А я — садник...

В чувстве слова ему не откажешь.

На днях к нам заглянула Наташа, милая девушка, дочь наших друзей. Поначалу Кирилл проявил к ней некоторый интерес. Пытался подшучивать... Смеясь, Наташа рассказала, как блуждала в поисках нашего дома и увидела во дворе мотоцикл, на котором расположились две кошки.

— В шлемах? — бесстрастно спросил Кирилл.

— Нет, не в шлемах, — серьезно ответила девушка. — Просто так сидели...

— Ждали мышку, — проговорил Кирилл и вскоре удалился в свою комнату.

В детском спортивном лагере аврал. Заканчивается подготовка к спуску на воду парусного шлюпа, который представлял собой наследие бывшего здесь когда-то яхт-клуба. Шлюп требовал ремонта. Дешевле было его просто списать. Однако команда старшеклассников во главе с учителем физкультуры решила суденышко восстановить. Помогал старшим ребятам и Кирилл. Наконец настал день испытаний. Кириллу очень хотелось принять в них участие. Но начальник лагеря не разрешил. Мало ли что может случиться на воде, тем более что управлять парусом по-настоящему никто не умел. К всеобщему восторгу, испытания прошли успешно. Побороздив воды водохранилища, шлюп благополучно причалил к берегу. Все были счастливы. И только один Кирилл угрюмо заметил:

— Ну вот. И сами не утонули, и меня не взяли.

СТРАНА ДОЛГОЖИТЕЛЕЙ

Махачкалинский автобус. Сколько пассажиров, столько же народностей. В Дагестане их больше тридцати. Настоящий интернационал. Забавное совпадение — остановка автобуса так и называется: «Фабрика Третьего Интернационала». В переднюю дверь поднимается женщина с ребенком на руках. Ей уступают место. Ребенок с головой закутан в белую простыню. Видны только ноги в стоптанных башмаках.

— Ему не жарко? — участливо спрашивает соседка. — Вы бы хоть лицо открыли.

— А оно не открывается, — жалуется мать и откидывает простыню.

Пассажиры в шоке. Вместо головы у ребенка голубой эмалированный горшок. Он надвинут по самые уши.

— Вот, в пожарника играл, — поясняет мать. — Доигрался... Теперь не снимается. В больницу везу...

Весь автобус с любопытством смотрит на «пожарника». А тот, проявляя завидное спокойствие, продолжает беспечно болтать ногами.

* * *

Приезжаю как-то в свою родную Махачкалу. А там проводятся учения по гражданской обороне. Не успеваю и глазом моргнуть, как прямо на улице попадаю в руки двух девушек-санитарок.

— Вы раненый, — объявляют они и укладывают меня на носилки.

— Раненые уже есть! — кричит, пробегая мимо, ошалевший от неразберихи санинструктор. — Нужен припадочный!

Девушки-санитарки теряются.

— Вы слышали? — говорю я, соскакивая с носилок. — Ищите скорее припадочного!

И, пользуясь замешательством наивных «санитарок», благополучно смываюсь...

* * *

Дагестан, где я имел честь родиться, всегда считался страной долгожителей. С детства я усвоил: мы, дагестанцы, первые по числу столетних аксакалов на каждую тысячу населения. Потом узнал — то же самое говорят о себе абхазцы. Теперь с теми же амбициями выступают японцы... Кто бы что ни говорил, очевидно одно — близость к природе, щедрость ее даров, завидная экология — все это действительно способствует здоровому образу жизни и, соответственно, долголетию.

Но есть еще одно немаловажное качество, необходимое человеку для долголетия. Это качество — чувство юмора. Щедрая на дары природа постоянно испытывает людей на прочность. А социальные потрясения, которыми полна история горцев, вырабатывают особую сопротивляемость. Чувство юмора — это своеобразное искусство самозащиты народа от разного рода напастей. Атмосфера юмора окружает дагестанца от рождения и до смерти.

Листаю свои путевые блокноты. На глаза попадается выдержка из меню, предложенного в чайхане горного аула:

«Чай с ложечкой — 10 коп.

Чай без ложечки — 3 коп.

Каша рысья — 1 руб.»

А вот объявление в «Дагестанской неделе»:

«К колхознику Аллахвердову приблудились три буйвола. Просим хозяина забрать скотину. В случае неявки буйволы будут сданы в колхоз».

Уж не те ли это три буйвола (три слона, три кита), на которых держится мир? И найдется ли, наконец, хозяин, который вернет ему утраченную устойчивость?

* * *

Всякий раз, приезжая в Махачкалу, я обязательно захожу проведать деда Махая и бабушку Сейли. И хотя обоим за девяносто, чувства юмора им не занимать.

– С приезделем, – ласково пожимая мою руку, говорит старик, подслеповато щуря глаза и вглядываясь в мое лицо.

Не успеваю ответить, как на открытой веранде появляется бабушка Сейли. В руках у нее деревянная миска с виноградом.

– Хош омори (С приездом), – говорит она, ставя виноград на стол. – Годой туре вегиром ме (Пусть все твои недуги перейдут на меня)... Ху, халаф ме... Е рач онгур исты (Ешь, дорогой... Очень вкусный виноград).

– С женой приехал или один? – спрашивает дед Махай.

– Один, – отвечаю я.

– Отпускает?

– А куда деваться? Детей одних не оставишь. А вот родителей повидать хоть раз в году надо.

– Молодец! – хвалит меня старик. – Напомни, сколько у тебя детей?

– Два сына. Одному четыре, другому двенадцать.

– Девочка нужен еще, – подает голос бабушка Сейли, накрывая на стол.

– Трудно в наше время растить детей, – объясняю я.

– Айчу? (Трудно?) – возражает бабушка Сейли. – Нам было трудно. Вам не трудно.

– На базар ходит? – спрашивает дед.

– Кто?

– Ну, жена твоя. На базар ходит?

– Конечно, – отвечаю я.

– Обед готовит?

Пользуясь случаем, я нахваливаю свою русскую жену.

– Она у меня даже дагестанские блюда умеет готовить. Хочешь курзе, хочешь тара.

– Ай, молодец! – радуется дед Махай. Потом продолжает допрос. – Работает?

Я киваю.

– А как же... В наше время все работают.

Дед Махай неодобрительно качает головой.

– Це-це-це... Детей рожает, на базар ходит, курзе готовит и еще работает...

– Что делать? – развожу я руками.

– Как что делать? – восклицает старик. – У твоего прадеда Кардаша было три жены... Так лучше.

— Кто же спорит, — соглашаюсь я. — Конечно, три жены на хозяйстве лучше, чем одна.

— Возьми вторую, — советует дед Махай.

— Взял бы, — с наигранным сожалением говорю я. — Только вот закон не позволяет. Запрещено. Посадить могут за двоеженство.

— Вах! — дед Махай жестом отвергает мои аргументы. — А я на что? Возьми на мое имя! Мы же с Сейли еще не расписаны...

Помню, как один из их внуков, Руслан, привел в дом казачку Любашу, будущую свою жену. Встретили они ее по-разному. Дед Махай очень обрадовался. Бабушка Сейли была настроена более критически. Ее внимание привлекли губы девушки. Крупные, будто вывернутые наружу, они были к тому же еще и ярко окрашены.

— Вы посмотрите на эти губы! — воскликнула старуха. — Клянусь, из таких губ может получиться целый таз холодца!

Конечно же сказано это было по-татски. Любаша не поняла, о чем речь. Руслан расхохотался и повторил сказанное по-русски. Другая на ее месте обиделась бы. Но у этой казачки, к счастью, оказалось хорошее чувство юмора. Теперь они смеялись все вместе.

Увидев во дворе горку опавших листьев, девушка вдруг на чистом татском языке спросила:

— Дж аруй туре аджи? (Где твой веник?)

Это была хитрая домашняя заготовка, сразу же покоровшая обоих стариков. Что и говорить, достойный внук вырос у деда Махая и бабушки Сейли...

На вопрос, как он объясняет свое столь долгое пребывание на земле, дед Махай лукаво ухмылялся.

— Я всегда был трусом, — сказал он однажды и, пожевав беззубым ртом, пояснил: — Трус умирает по сто раз на дню. Зато живет долго... А век героя короток, как кинжал. И умирает он только раз. Навечно...

Дед Махай любил предаваться воспоминаниям.

— Попробовал как-то и я стать героем...

Старик имел в виду сватовство к дочери моего прадеда Кардаша. Сейли было двенадцать лет, а самому Махаю — пятнадцать. Он опасался, что Кардаш не отдаст за него дочь. Поэтому, идя свататься, для храбрости прихватил пистолет.

— Не отдашь за меня Сейли — убью! — так и сказал я твоему прадеду. А он... Мудрый был человек... посмотрел на мои дрожащие руки, снял с пояса кинжал и говорит: «Послушай, Махай... Я вижу — ты смелый парень. Настоящий орел... Возьми в придачу к моей дочери еще этот кинжал. Защищай ее так же смело, как сватаешь...» А у меня, должен тебе признаться, не только руки-ноги дрожали, но и все слова в горле застряли. Стоял, как дурак, с кинжалом и пистолетом в руках и молчал...

Перед смертью дед Махай говорил навещавшим его сорочичам:

— Скоро повеселитесь...

— О чем ты, дедушка Махай?

— О чем, о чем... О моих поминках!

Я был на этих поминках. Грустить не хотелось. Люди вспоминали проделки старого озорника. Много смеялись. Жаль, его самого там не было. Ему бы наверняка понравилось...

* * *

Не представляю городской пейзаж Махачкалы без серого ослика Яшки. Запряженный в большую бочку с керосином, он с утра пораньше вместе с хозяином-погонщиком обходил махачкалинские дворы. Собственно, во дворы заходил сам хозяин. А Яшка в это время покорно ждал за воротами. Оповестив жильцов громким пронзительным выкриком «Кррасин!.. Кррасин!..», погонщик приступал к обслуживанию клиентов.

Взаимопонимание у ослика Яшки со своим хозяином было отменным. Стоило, например, у какого-нибудь оставшегося позади двора появиться запоздалому покупателю, погонщик приказывал Яшке менять направление:

«Паверрни!.. Паверрни!..»

И ослик послушно разворачивал свою тележку с бочкой и топал назад.

Но однажды Яшка взбесился. Перевернул бочку, покусал хозяина... На следующий день от происшествия остались только воспоминания. Да еще повязка на голове у погонщика.

Ослик Яшка и его хозяин по-прежнему мирно шествовали по махачкалинским улицам. Обходили дворы. Обслуживали клиентов...

Я спросил погонщика, что случилось с его осликом накануне. Тот меланхолично объяснил:

— Ослику увидел... Разнервничался... С кем не бывает?

* * *

Когда нашему сыну Грише исполнилось два года, мы с женой решили свозить его на мою родину, в Дагестан. Навестить бабушку с дедушкой. Показать ему море и горы. Познакомить с дагестанской родней... Друзья и знакомые высказывали по этому поводу разные соображения. Кто-то считал поездку на юг вредной для ребенка. Кто-то, наоборот, приветствовал наше решение. В общем, мнения были противоречивые. Лучше всех выступила по этому поводу наша соседка тетя Маруся.

— Гришку решили с собой взять?.. И правильно... Всей семьей к бабушке с дедушкой... Радость-то какая для них!.. Только вот как Валентина Ивановна? Внука-то своего теща твоя не отпустит... Не-ет, внука она не отдаст... А то как бы хорошо... Всем вместе... А вы понастойчивей... Там ведь тоже бабушка с дедушкой... В Махачкале-то... Чего? Им тоже на внучонка поглядеть хочется... Имеют право! Так и скажите Валентине Ивановне... Ничего-ничего, скажите — и отвоюете... Гришку у Валентины Ивановны отвоюете и поедете... Да-а... И где же эта ваша Махачкала? Море-то там какое — Каспийское?.. Вода, поди, теплая. А солнце жаркое... Ясное дело — как когда... Ну, ничего. Ему уже можно... Гришке-то вашему... Если не так жарко, конечно... А то вдруг жарко, а?.. Сколь ехать-то?.. Двое суток на поезде?.. Двое суток! Да еще летом, в самое пекло... Ой, намучаетесь вы с ним в вагоне... Ночью спать не будете... Не-е, не даст он вам ночью поспать... И сами настрадаетесь, и ребенка замучаете... Куда ж, маленький такой... При бабушке, при Валентине Ивановне, Гришке-то вашему лучше всего!.. И чего ребенка в такую даль... Двое суток... Заболеет еще, не дай Бог.. Не-ет, Валентина Ивановна не согласится... Ясное дело, отвоюет она у вас внука... Имеет право!.. Растит-то вашего Гришку кто?.. Вот и пускай останется на даче, при бабушке... При Валентине Ивановне... Он при бабушке. Она при внуке. Обоим хорошо... А ты, Володя, сам к родителям своим и поезжай!..

* * *

Махачкала. Раннее утро. Уборщица шаркает веником, сметая мусор вокруг чайханы. Тихо бормочет, ругая посетителей, которые оставляют после себя столько грязи.

– Не чайхана, а бардакхана...

* * *

... 1943 год. Война. Моя мама с воспалением легких попала в больницу. Ее соседкой по палате оказалась женщина-фронтовичка. Рассказывала о жизни на передовой. В частности, об отношениях с немцами. Их боевые позиции от наших буквально в ста метрах. С утра идет перестрелка. Потом у немцев обед. Начинается он с переговоров по рупору.

– Эй, рус, давай музик! – просят немцы.

Наши выставляют на бруствер патефон и заводят «Катюшу»...

После концерта немцы кричат:

– Данке шён! (Спасибо большое).

И перестрелка продолжается.

* * *

Еще до того как стать сценаристом, мне довелось некоторое время поработать геологом — изучать угольные месторождения Дагестана. Летом, как правило, полевые работы в горах. Зимой — камеральная обработка собранного материала. То ли я оказался плохим геологом, то ли сама природа не посчитала уголь достойным включением в многоцветную палитру горных напластований, но выявить сколько-нибудь перспективные месторождения мне не удалось. Зато в полевых дневниках тех лет, кроме скурых сведений по геологии, сохранились записанные по свежим следам впечатления от величественных горных пейзажей. А также от встреч с местными жителями с их мудрой неторопливостью, теплотой и гостеприимством.

... Добраться до нужного объекта засветло нам не удалось. Месить же грязь на крутой горной дороге ночью было крайне опасно. Водитель газика Нариман прямо заявил, что рисковать нашими жизнями он не намерен. Встал вопрос о ночлеге.

– Тут близко аул, – предложил Нариман, – там у меня кунак живет. Хороший друг. У него переночуем.

Кроме Наримана и меня, в машине были еще двое сотрудников Института геологии. Свалиться таким коллективом на головы незнакомым людям?..

– Не, все нормально, – успокаивал нас Нариман. – Кунак будет рад.

И вот спустя десять минут мы уже стоим у забора, за которым просматривается темное каменное строение с плоской крышей и железной печной трубой. Нариман стучит в калитку.

– Гаджи, ва Гаджи!

В ответ молчание. Нариман повышает голос:

– Гаджи, ва Гаджи!

В темном доме зажигается свет. Затем в дверном проеме появляется лохматый полуодетый верзила с заспанным лицом и нетвердой походкой.

– Салам алейкум, Гаджи! – весело приветствует хозяина Нариман. – Что, не протрезвел еще?

– Алейкум салам, – басит в ответ Гаджи, достаточно четко контролируя свои действия.

Оба внимательно присматриваются друг к другу.

– Я – Нариман! – объясняет наш водитель.

– Наримана, что ли, не знаю? – задорно отвечает Гаджи и обнимает гостя.

Тиская друг друга в объятиях, оба посмеиваются. С каждым из нас Гаджи обменивается рукопожатием.

– Салам алейкум... Салам алейкум...

Рука его мягкая, приветливая.

– Пошли в дом, – приглашает Гаджи.

Испытывая некоторую неловкость, мы следуем за хозяином. Гаджи заглядывает во вторую, неосвещенную комнату.

– Эй, Рукият, сколько можно спать! – благодушно говорит он. – Вставай, гости приехали!

Мы, как можем, пытаемся остановить хозяйский порыв. Пробуем что-то объяснить... Бесполезно.

– Что я вам говорю! – с бравადой восклицает Нариман. – Кунак что надо!..

Дальше начинается безобразие. То есть застолье. С водкой. С тостами. С замечательным чуду – горской выпечкой наподобие чебуреков.

Приветливая, миловидная Рукият, видя, как быстро поглощаются ее запасы, берется стряпать новую порцию чуда. При этом никаких вопросов. Никакого неудовольствия...

Утром при прощании неожиданно возникает заминка.

– Ну, как мотоцикл? – спрашивает у хозяина Нариман.

– Мотоцикл? – тарашится Гаджи. – Какой мотоцикл?

– Ну, тот, который я тебе продал...

– Ты – мне? Мотоцикл?

– Ну да, на акушинском базаре! Забыл?

– Зачем забыл? – горячится Гаджи. – Не забыл. На акушинском базаре мотоцикл я не покупал.

– Как не покупал?

– Валла, не покупал!

– Но ты же – Гаджи?

– Гаджи.

– Значит, ты не тот Гаджи...

Не совру, если скажу: глядя на эту сцену, мы почувствовали себя полными идиотами. Хозяин дома разрешил ситуацию. Он хлопнул Наримана по плечу.

– Вах, зачем не тот? – неожиданно заявил он. – Вчера был не тот Гаджи. А сегодня – тот!

И оба снова обнялись, как при встрече, и захохотали...

Самое удивительное ожидало нас, когда мы ступили за порог, где с вечера оставалась наша обувь. Вот где было настоящее чудо! Сапоги очищены от грязи, помыты и даже смазаны бараньим жиром – для водостойкости.

Добрая Рукият успела сделать для нас и это.

* * *

С чувством юмора у красавицы Жгенти все было нормально. И с настроением тоже. Оно всегда было у нее лучезарное, праздничное. Счастливым дар – во всем находить повод для радости. Тамара Жгенти была аспиранткой Института геологии. Директор института Магатаев, он же научный руководитель Тамары, видел в ней надежного и верного помощника. Они изучали нефтеносные структуры Каспийского побережья. Нефть в Дагестане была открыта давно. Но к этому открытию руку приложили в основном москвичи. Магатаеву же хотелось

доказать, что и дагестанские нефтяники не лыком шиты, то есть способны на крупные открытия. Главные надежды возлагались на район Нефтекумск, где давно была выявлена нефтеносная структура и велись буровые работы. К сожалению, безрезультатные...

Неизвестно, какая муха укусила Тамару, когда она в день дурака, 1 апреля, сообщила шефу, что в Нефтекумске забил нефтяной фонтан. Не учла красавица Жгенти того, что к такой важной проблеме, можно сказать, делу всей своей жизни, старик Магатаев относится со всей серьезностью. О юморе там не могло быть и речи... Не проверив информацию, Магатаев уединился в своем кабинете и немедленно связался с обкомом партии. Оттуда радостную новость передали в Москву. И когда, отразившись от московских кабинетов, эта весть вернулась назад, в Дагестан, здесь ее встретили рыдающая Тамара и совершенно взбешенный директор Магатаев.

— С глаз моих долой! — заявил он плачущей аспирантке. — И чтоб ноги твоей здесь больше не было!

Красавица Жгенти обливалась слезами. Ведь до защиты диссертации, над которой она корпела целых три года, оставалось всего два месяца. Но... Хотите верьте, хотите нет, через день в Нефтекумске действительно пошла нефть.

— Что я говорила! — сияя от счастья, торжествующе восклицала Тамара.

Лучезарное, праздничное настроение восстановилось у нее мгновенно.

Спустя два месяца состоялась защита диссертации. А Магатаев был награжден орденом Ленина...

С той поры меня донимает один вопрос: настроение ли определяет успех человека? Или его успех создает настроение?

* * *

Сон бабушки Истырь. Дядя Яша, ее сын, получил новую квартиру и собирается переезжать. Бабушка отговаривает:

— Незачем уезжать из отчего дома, где ты родился.

А он стоит на своем — должен обязательно переехать... Вскоре дядя Яша умер. В пятьдесят два года. Хотя до этого никогда не болел.

* * *

Бабушку Истырь укусила собака. Вцепилась в пятку, когда старая женщина сослепу наступила собаке на хвост. Внучка Виолетта срочно отвезла бабушку к хирургу. Доктор осмотрел рану. Сестра сделала перевязку. Затем было назначено лечение – уколы от бешенства. Целых двадцать уколов! Да еще в живот.

– Клянусь папой, лучше умереть от бешенства, чем двадцать раз выставлять на- показ свой живот! – заявила острая на язык бабушка Истырь.

Все доводы близких о том, что необходимо лечение, были отвергнуты напрочь. Даже слезы любимой внучки не находили отклика в сердце строптивой старухи.

– Ради Бога, оставьте меня в покое! – твердила бабушка Истырь. – Чему быть, того не миновать...

Три последующих дня дальше своего двора бабушка не отлучалась. На четвертый, прихрамывая, отправилась на рынок. А вернувшись, прямо от калитки во всеуслышание объявила:

– Никакая она не бешеная!

– Ты об этой проклятой собаке? – сразу поняла, о чем речь, выбежавшая навстречу Виолетта. – Но тебе же объяснили – симптомы болезни распознаются не сразу.

Бабушка Истырь отмахнулась.

– Бешеная-бешеная, а четырех кутят родила! Клянусь папой, сама видела!

– Seriously? – с осторожным оптимизмом спросила внучка.

– Говорю же – сама видела! – задиристо повторила старуха. – И собаку видела... И кутят в коробке... Бешеная разве отелится бы?

– Бабуля, – уже не скрывая улыбки, обняла бабушку Виолетта, – отелиться может только корова.

– Ну, окотилась, – сердито согласилась старуха.

– Ты путаешь собаку с кошкой... Или овцой... – не удержалась от смеха девушка.

– А, черт вас разберет! – совсем осерчала бабушка Истырь. – Ну, не окотилась... Ну, оцетинилась... Клянусь папой, какая разница?!

* * *

Совершенно неправдоподобный случай произошел с моим махачкалинским приятелем Умаровым. Выйдя на пенсию, он решил побывать у брата в Москве. «Себя показать да на людей посмотреть», — говорил Умаров. Хотя «посмотреть-то» он и не мог. Смолоду ослеп. Причиной тому сход селевого потока в горах, где Умаров работал дорожным мастером. Тогда всем казалось, что выйти живым из такой передраги вряд ли возможно. Однако его природное жизнелюбие и героические старания жены Маргариты сотворили настоящее чудо. Потеряв зрение, Умаров все-таки выжил. Объясняя всем сочувствующим, что не глаза видят свет, а сердце.

В Москву Умаров отправился с Маргаритой. Там, в семье брата, она сразу же продемонстрировала свои замечательные кулинарные способности, готовя всевозможные национальные блюда — хинкал, чуду, курзе — то, что наряду с родным языком олицетворяет единение той или иной диаспоры.

Гидом Умарова в его прогулках по столице был племянник, студент. Он терпеливо рассказывал дядюшке о московских достопримечательностях. Прежде всего они побывали в Кремле, обошли всю Красную площадь. Сильное впечатление на Умарова произвела смена почетного караула у Мавзолея. То есть звуки, которые этот ритуал сопровождали: чеканный шаг кремлевских гвардейцев, перезвон курантов в плотной разногласице, которой была насыщена атмосфера столицы... Невольно напрашивалось сравнение с разногласицей махачкалинского базара.

Две недели в Москве пролетели как один миг. Не за горами был день расставания. В какой-то момент Умаров остался дома один. И тут он понял, что все предыдущие дни в его душе вынашивалось одно желание — пройтись по Москве самостоятельно. Проверить свои возможности, лишний раз самоутвердиться...

Постукивая алюминиевой палочкой по обочине тротуара, Умаров дошел до троллейбусной остановки. Этот путь был ему хорошо известен. Все прогулки по Москве начинались именно отсюда.

— Земляки, доберусь я до Красной площади?

Мягкий бархатный баритон, оказавшийся рядом, охотно объяснил:

– Троллейбус довезет вас до Манежа. Оттуда до Красной площади – рукой подать.

И вот, теперь постукивая палочкой по исторической брусчатке, Умаров обходит Красную площадь. Слушает переливчатый звон курантов. Чеканный шаг кремлевского караула. И душа его переполняется гордым сознанием своего всемогущества. Нет, не зря, не зря отважился он на такое путешествие...

Троллейбусную остановку в обратную сторону быстро найти не удалось. Пришлось справляться у прохожих. Следуя их указаниям, Умаров медленно, но верно приближался к намеченной цели. Вот, наконец, и остановка. Рядом прошелестел и остановился троллейбус. Протянув руку, Умаров коснулся идущего впереди человека.

– Земляк, а какой маршрут у этого... – договорить ему не удалось.

– Как, это опять вы?! – слышится уже знакомый бархатный баритон. – Вот уж нарочно не придумаешь!

– Вах! – восклицает Умаров. – И вы тоже здесь? Ты посмотри... Значит, и в Москве такое бывает?

– В жизни всё бывает, – помогая Умарову подняться в троллейбус, говорит новый знакомый. – Полагаю, мы с вами соседи. На одной остановке садимся, на одной выходим.

– А меня пугали – Москва большая, потеряешься – не найдут, – весело говорит Умаров.

– А, по-вашему, маленькая? – усаживаясь рядом, смеется сосед.

– Зачем маленькая? – хохочет и Умаров. – Большая... Очень большая... Почти как большой аул.

В те времена такая фраза звучала еще безобидно...

* * *

Стихи дагестанского поэта Гаджи Залова печатались в основном на родном лезгинском языке. Русские переводы появлялись не так часто, как хотелось бы автору. И это служило поводом для его переживаний. Однажды, находясь в Москве, Гаджи Залов побывал в Музее искусств народов Востока. Сопровождал

его бывший односельчанин, давно обосновавшийся в столице. Музей Залову очень понравился. Особенно сильное впечатление на него произвела выставка старинного дагестанского оружия. Золотая вязь знаменитого кубачинского орнамента.

Друзья уже заканчивали осмотр, когда среди посетителей появилась большая группа молодежи во главе с энергичной дамой-экскурсоводом. Решительно указав в сторону Залова, она объявила:

— Последний из залов! Здесь заканчиваем осмотр.

— Вах! — отступая от витрины, произнес оторопевший поэт. — Откуда эта женщина знает мое имя и то, что я в роду последний?

— Ты же известный поэт, — подсказывает кунак.

— Надо же, — с гордостью восклицает Залов. — Значит, и в Москве уже узнают... Да, дагестанцы везде преуспели. Что в ювелирном деле, что в поэзии.

* * *

В горах был обычай. Немоощных стариков укладывали в плетеные из прутьев корзины, а затем сбрасывали с обрыва. Один из стариков, глядя, как сын мастерит для него такую корзину, дает совет:

— Делай покрепче, сынок — чтобы твои дети могли положить в нее тебя, когда ты будешь таким старым, как я.

* * *

В Союзе писателей Дагестана на стене большой портрет Сулеймана Стальского.

— Кто этот чабан? — спрашивает старого Абуталиба Гафурова кто-то из молодых.

— Это тот самый чабан, у которого были тысячи таких баранов, как ты, — отвечает старик.

* * *

Трубача военного оркестра отличал профессиональный взгляд на окружающих.

— Кадыра знаешь? Ну, часовщик. Любые часы починит. Палатка у него на рынке. Мать свою хоронил. Хорошие похороны устроил. Я на поминках целую бутылку «Столичной» уговорил... А вот профессора Доброхотова провожали, жена его на Пасху тоже померла. Жмоты. Что он, что она. Два сапога пара. По червонцу на рыло выдали. Один раз пообедать. Понятное дело, дети. Да кто их, таких, воспитал?.. А вот Алхазова Рафаила помнишь? Дом у него собственный на Пушкинской. Хороший человек был. Уважали его. Тоже удались похороны. Ну, там мы от души играли. Хороший человек, чего? Для такого не жалко. И никто не фальшивил, чисто играли...

* * *

Аллах наказывает дурака, исполняя его желания.

* * *

Закончив Московский университет, получаю диплом геолога. И первые шаги на этом поприще делаю в махачкалинском Институте геологии. Зимой — скучная пора камеральных работ. Зато летом — экспедиции по всему Дагестану. У каждого своя тема, свое направление. Помню, как на выезде из города наш «рафик» останавливает симпатичная девушка в брюках, клетчатой ковбойке навывпуск и с увесистой дорожной сумкой. Оказалось, студентка местного политеха. Закончив учебный год, возвращается в родной аул. Наши маршруты совпадают. Место в машине есть... Дальше едем вместе. Девушка как девушка. Слушает анекдоты. Звонко смеется. Что-то рассказывает сама. Не доезжая до своего аула, просит остановиться. Выходит... Мы ждем... А через пару минут перед нами совсем другая картина. Скромная горянка в длинном платье, шароварчиках и пестром платке на голове.

Поразительное превращение! Не проходит и часа — новая остановка. На этот раз прощальная.

— Дальше я сама! — девушка машет нам рукой и показывает на узенькую тропинку, уходящую вверх по крутому склону.

Шофер Пантелеич скептически ухмыляется:

— У них с этим строго. Узнают — замуж не возьмут.

Маленький факт из прошлого. Не проглядывает ли за ним драматизм нынешнего дня?

* * *

Начало 1950-х. Махачкалинский двор. Дом на восемь семей. Среди жильцов молодой парень-таксист. Его сосед — старый дед, который ни разу в жизни не ездил в машине. Когда оба оказывались во дворе, между ними возникал примерно такой диалог:

- Садись, дед, подвезу!
- Не хочу. Никогда в жизни не ездил и сейчас не поеду.
- Почему?
- Я жить хочу.
- Бесплатно подвезу!
- Не хочу.
- Три рубля дам, садись!
- Три рубля?.. Нет, я жить хочу...

Если сумма иногда и менялась, то в сторону увеличения. Но дед был неприступен, как крепость Нарын-Кала.

* * *

Избербаш — город дагестанских нефтяников. На подъезде к городу — большая гора, точь-в-точь повторяющая профиль Пушкина. Кто автор? Видимо, сама природа.

* * *

Переполненный автобус Махачкала—Избербаш. Первая остановка — Каспийск. Ожидающих — одна женщина. Но никто не выходит. Горянка просит водителя впустить ее. Водитель отмахивается:

- Некуда, некуда.
- Автобус трогается.
- Подожди, я сойду, — вдруг поднимается с места пожилой горец.

Водитель удивленно смотрит на него: он знает, что пассажир брал билет до Избербаша. Мужчина настаивает и, когда дверь открывается, спускается.

– Заходите, – приглашает он женщину.

– А вы? – недоумевают водитель.

– Подожду другой автобус.

– Другой – только через час, – говорит водитель и хмурится.

Потом вдруг поворачивается к парню, чемодан которого мешает одной из женщин.

– У тебя глаза есть или нет?! Не видишь, человеку неудобно сидеть?

Потом оценивающе смотрит на тех, кто пристроился на заднем сиденье.

– Ну, вы! Потеснитесь там. Не будем же оставлять на улице одного человека!

* * *

Самое начало войны. Папа приносит хлебные карточки. Кладет на стол перед мамой. На немой вопрос с легкой усмешкой напевает:

Ермошкина мать
собиралась умирать.
А теперь, чтоб умереть,
надо карточку иметь!

* * *

Сторож Института геологии Ефим:

– Всякое дело должно быть удостоено правильности.

Его жена Клавдия, услышав по радио народную песню, помирает от счастья:

– Ах, душа в пятках млеет.

* * *

Не успел водитель закрыть дверь троллейбуса, как раздался испуганный женский крик:

– Подождите, ребенок остался!

Дверь открывается. «Ребенок» – высокий парень в форме лейтенанта – заскакивает в салон. Весь троллейбус хохочет.

* * *

Махачкала. Знакомый дед водит меня по своему саду. Рассказывает:

— Абрикос... Как доверчивая женщина. Чуть солнышко пригрело — деревце уже и раскрылось... Немного надо ему ласки... А вот яблонька — та хитрая... Строгая... Сколь тепла потребуется, пока допустит.

* * *

Махачкалинский магазин «Природа». Здесь продаются чучела птиц, зверей, а также всякая живность: хомячки, морские свинки, рыбки. Крупный мужчина с красным, обгоревшим на солнце лицом, склонился над аквариумом. Он уже купил несколько рыбок, и они плавают в литровой банке, которая стоит тут же, на прилавке.

Докупает еще одну. Продавщица дает ему сачок, и мужчина вылавливает покупку из аквариума сам. Но, когда переносит в банку, рыбка выскользывает и плюхается на пол. Бьется, подпрыгивает... Мужчина падает на колени, наклоняется и втягивает рыбку в рот. Затем, быстро поднявшись, пускает ее в свою банку. Весело смотрит на окружающих.

— Руками нельзя, — объясняет он. — Рыбка махонькая, нежная. Нельзя руками.

* * *

Как истинный горец, дядюшка Ибрагим был немногословен. Веревка хороша длинная, а речь короткая. Так говорил когда-то его отец. Так, по словам отца, говорил дед. Ну а дед — от кого мог он услышать такое? Тоже от своего отца, то есть от прадеда, дядюшки Ибрагима. Верный заветам предков, дядюшка Ибрагим надеялся передать их дальше — детям, внукам, а если на то будет воля Аллаха, то и правнукам. Сделать это, по правде говоря, было не так-то просто. Старший сын дядюшки Ибрагима Гасан работал в Морфлоте, плавал в каких-то дальних морях. Так что слово отца могло дойти до него только через спутник связи, если бы таковым можно было воспользоваться. Втайне дядюшка

Ибрагим надеялся, что роль спутника связи выполняет Аллах, к которому он ежедневно обращал молитву. Но принимает ли отцовские сигналы в своих дальних морях его старший сын, в этом почему-то твердой уверенности не было. Не было уверенности, что слово его доходит и до слуха среднего сына Шамхала, городского кооператора, наскоками появляющегося в родных краях, чтобы скупить у горцев бараньи шкуры и вновь исчезнуть — на месяцы, а то и на целый год. Лишь младший сын дядюшки Ибрагима Гаджи находился в пределах досягаемости — жил с семьей в соседнем ауле. И хотя дорога в тот аул тоже была неблизкой, дядюшка Ибрагим считал своим отцовским долгом время от времени навещать сына, особенно после рождения внука Ахмедика.

Как раз сегодня дядюшка Ибрагим объявил жене, что соскучился по внуку. Тетушка Патимат не заставила себя ждать. Мигом был собран хурджин с гостинцами, на ноги натянута джурабы с остроносими кавказскими калошами, голова повязана большим пестрым платком.

Дядюшка Ибрагим вывел из загона осла, кряхтя взобрался на покатую спину и, скосив по-орлиному глаз, следил, как жена навешивает на дверь сакли амбарный замок, а потом прячет ключ в складках просторного платья.

Наконец, с подобающим их возрасту достоинством, они тронулись в путь: дядюшка Ибрагим на осле, тетюшка Патимат следом за ним, пешком.

Кривые улочки селения вывели их на причудливо петляющую среди гор дорогу. С одной стороны вздымались поросшие колочками скалы, с другой — в глубоком ущелье шумела река.

Дядюшка Ибрагим раскурил длинную трубку — чубук. К тетюшке Патимат потянулся сизый табачный дым. Она, морщась, отмахивалась и ворчала:

— Опять этот старик взялся за свою дудку...

Вскоре их нагнал односельчанин Раджаб на мотоцикле. В больших очках и круглом шлеме он был похож на инопланетянина.

— Салам алейкум, соседи! — сбавив скорость, воскликнул Раджаб. — Что, в гости к сыну собрались?

— Угадал, Раджаб, — ответила тетюшка Патимат. — По внуку соскучились... Слава Аллаху, есть по кому сучать на старости лет.

— Вот, решил свозить жену... — пояснил дядюшка Ибрагим, пришпоривая осла, чтобы не отставать от мотоцикла.

— Пора и тебе, дядюшка Ибрагим, пересечь с осла на мотор! — весело крикнул Раджаб. — Не надоело каждый раз так плестись?

И он умчался вперед, подняв за собой хвост пыли.

— Аллах не спешит, а нам куда торопиться?.. — произнес дядюшка Ибрагим и снова запыхтел своим чубуком.

— Видно, опять к агрономше поехал, — осуждающе заметила тетушка Патимат. — Эх, непутевый парень этот Раджаб. Ни жены, ни детей...

Спустя некоторое время дядюшка Ибрагим задумчиво произнес:

— Чем чужой мотоцикл, свой осел все-таки лучше.

— Вай? — удивилась тетушка Патимат. — Зачем говоришь неправду? Вспомни, Ибрагим-джан, чужие жены тебе всегда казались девушками.

— Вах! Нашла, о чем говорить... Когда это было...

— Ты же молчишь, Ибрагим-джан, вот я и говорю всякую чепуху. Что на язык попадет.

— Запомни, Патимат, — строго оказал дядюшка Ибрагим, — то, что срывается с языка, бьет по голове...

Понуру шагавший до сего времени осел вытянул шею, открыл пасть и огласил окрестности могучим утробным ревом. Дядюшка Ибрагим тотчас же отреагировал на сигнал. Остановил осла, слез на землю, достал из притороченного к седлу хурджина бутылку с водой. Возле обочины он разулся и, поливая из бутылки, совершил омовение — ополоснул ноги, руки, лицо. Потом, определив по компасу местоположение святого Востока, обратился к нему лицом и встал на колени. Но только дядюшка Ибрагим воздел руки, желая поговорить с Аллахом, как на дороге появилось стадо овец. Топот и бляение неразумных животных заглушали молитву, и было непонятно, доходит ли она до Аллаха. Что поде-лаешь? Доброго разговора со Всевышним так и не получилось.

Слава тому же Аллаху, всему на свете бывает конец. И путешествие дядюшки Ибрагима с тетушкой Патимат благополучно закончилось. Они добрались до селения, где жил их сын Гаджи, в тихий послеобеденный час. На открытой веранде чайханы несколько мужчин пили чай. Был среди них и Раджаб, уже без

очков и шлема. Неподалеку стоял покрытый дорожной пылью мотоцикл.

Мужчины почтительно здоровались с прибывшими:

– Салам алейкум, дядюшка Ибрагим!

– Салам алейкум, тетушка Патимат!

– Гаджи и Динара давно вас ждут, – сообщил Раджаб. –

Я уже их обрадовал,

И вдруг кто-то воскликнул:

– Вах, смотрите, мужчина с кувшином!

И все на веранде словно онемели.

По тропинке, спускающейся к роднику, вереницей шли женщины с кувшинами, но среди них показался и мужчина. Ему, смеясь, уступали дорогу, подшучивали, а он только улыбался – растерянно и печально. Да и что он мог им ответить, этот «мужчина», взявший в руки кувшин.

– Вах! – снова донеслось с веранды, и мужчин словно провало.

– Э, Саид,ними папаху, покажи платок, которым повязана твоя голова! – кричал один.

– На нем платок его тещи!

– Вай, Аллах! – воздел руки к небу дядюшка Ибрагим. – Хорошо, что старый Гамзат не видит позора своего сына...

Мужчины на веранде улюлюкали и смеялись.

Саид тем временем набрал воды в кувшин и, не отвечая на насмешки, опустив голову, быстро поднимался наверх, к своей сакле.

– Вот и женись после этого на образованной, – с сарказмом заметил сидящий рядом с Раджабом флегматичный мужчина с большим животом. – У такой жены и халва перцем покажется.

– Правду говорят, – вздохнул дядюшка Ибрагим, – характер мужа жена крадет...

Дома Гаджи не выпускал из рук сына, а тот, радостно пуская пузыри, тянулся то к бабке, то к деду.

– Ахмедик, поцелуй дедушку, – просил Гаджи. – А теперь поцелуй бабушку... Ай, молодец, Ахмедик. Мужчина! Джигит!

Ибрагим и Патимат млели от счастья и наперебой совали внуку гостинцы.

Динара, невестка, накрывала на стол. Над большой миской с хинкалом поднимался ароматный пар.

— Я должна быстро покормить Ахмедика и бежать на ферму, — сказала Динара.

Ибрагим поднял брови.

— На ферму? В такой час?

— Корова отелиться должна, — объяснил Гаджи.

— Пусть телится в рабочее время, вах! — пошутил Ибрагим.

— Я то же самое ей говорю, — засмеялся Гаджи.

— Гаджи, — тихо позвала она мужа, — там, в чайнике, мало воды, ты бы принес...

Ибрагим чуть не поперхнулся хинкалом.

Патимат метнула в сторону невестки уничтожающий взгляд.

Гаджи насупился и опустил голову.

До ухода невестки Патимат еще сдерживалась. Но, после того как Динара ушла, возмущение ее выплеснулось на сына.

— Почему ты ей ничего не ответил? — негодовала она. — У тебя что, язык отсох? Или, может быть, ты возьмешь кувшин и побежишь за водой, как эта тряпка — Саид? Да если бы я только посмела сказать такое твоему отцу!

— Ладно, — Ибрагим жестом остановил жену. — Веревка хороша длинная, а речь короткая. Незачем тебе, сынок, делать женское дело и позорить себя и нас.

— Слышал? — подхватила Патимат и, гордясь мужем, изрекла: — Лев, и одряхлев, не станет зайцем.

Ибрагим неодобрительно покосился на жену, сказал вполголоса:

— Как говорится, дай жене волю — сам попадешь в неволю...

Среди ночи Патимат проснулась и тревожно вслушалась в тишину.

— Ва, Ибрагим, — тихо позвала она, тронув спящего мужа.

— Чего тебе? — тот недовольно открыл глаза.

— Темно на улице, — прошептала Патимат.

— Ночь, потому и темно, — ответил муж.

— Все спят.

— И правильно делают. А ты почему не спишь?

— Вот что я подумала, Ибрагим...

— Что ты подумала, Патимат?

— В конце концов ее тоже можно понять... Муж, ребенок, работа... А воды в доме нет.

— Да, — согласился Ибрагим, — плохо, когда нет воды. А к чему ты клонишь? — заподозрил он неладное. — Говори прямо.

— Я бы сама пошла, Ибрагим-джан... пошла бы, да ноги стерла в дороге, болят... Я подумала, если тебе дорог сын...

— Ты хочешь, чтобы я пошел за водой, Патимат? — в гневе подскочил Ибрагим. — Хочешь опозорить своего мужа?!

— Тсс... детей разбудишь... — осадила его жена и уже другим, ласковым голосом, добавила: — Сейчас темно, Ибрагим... Кто увидит?

Ибрагим лежал и сосредоточенно сопел, переживая услышанное.

— Если ты дорожишь честью нашего рода... — торжественно, как заклятье, произнесла Патимат.

— Ладно, — перебил Ибрагим и, вставая с кровати, с горечью заключил: — Не остановил за рог — за хвост не поймаешь. Я сделаю, как ты хочешь...

С большим кувшином он вышел из сакли. Как назло, на небе появилась луна, осветила горы и селение. Воровато оглядываясь, Ибрагим быстро шел по тропинке, которая спускалась вниз, к роднику. Вдруг он услышал какой-то хруст и испуганно остановился. Приглядевшись, увидел собаку, которая грызла кость.

— Къш, шайтан! — в сердцах выругался Ибрагим, и собака тотчас же ощерилась и зарычала.

Ибрагим испугался, что пес залает и разбудит других собак.

— Не сердись, Бобик-джан... — не спуская глаз с животного и крадучись его обходя, шептал Ибрагим. — Я иду своей дорогой, а ты грызи свою кость... Чтоб тебя волки съели, Бобик-джан... Чтоб тебя беркут задрал...

В ответ, будто поняв смысл пожеланий, собака залаяла. Тотчас же отозвались десятки других собак. Гонимый этим лаем, Ибрагим вместе с кувшином в один миг скатился под гору, и здесь, у самого родника, он нос к носу столкнулся с собственным сыном.

Потеряв дар речи, Гаджи смотрел на отца. В руке он держал полный кувшин.

— Вах... — едва слышно вымолвил Ибрагим.

— Вах... — испуганно отозвался Гаджи.

— Неужели это ты, Гаджи? Ты почему не спишь?

— Жажда замучила... — Гаджи неуклюже прижимал к себе кувшин. — Холодной воды захотелось...

Он стал пить прямо из кувшина. Вода заливала лицо, стекала на грудь, а Гаджи все пил и пил, косясь на отца.

— Хватит, ты же не верблюду, — остановил его наконец Ибрагим. — Мне вот тоже пить захотелось... — Он подставил свой кувшин под струю родниковой воды и горестно покачал головой: — Дожили... Делаем женскую работу и сами себе боимся признаться...

— Ах, отец, — возразил Гаджи, — кто знает, какая работа мужская, какая женская? Сейчас все перепуталось.

— Все перепуталось... — сердито повторил Ибрагим. — Ничего не перепуталось. Просто у кривой палки — и тень кривая. Пошли. — И он поднял тяжелый кувшин.

Едва они отошли от родника, сверху навстречу им посыпались мелкие камни и донеслись торопливые шаги.

Отец и сын, не сговариваясь, метнулись к деревьям возле чайханы.

По тропинке спускалась женщина. Длинная накидка покрывала ее с головы до ног. В каждой руке она несла по большому кувшину. Странное впечатление производила ее походка.

Шарх-шурх... Шарх-шурх... Это скрипели сапоги, и женщина, сама пугаясь их скрипа, встревоженно останавливалась и оглядывалась.

Умолкнувшая было собака снова зарычала. Женщина остановилась, и пес успокоился. Но стоило сапогам заскрипеть, как собака вновь подала голос. И тогда женщина, поставив кувшины, нагнулась и принялась стягивать сапоги. При этом накидка с головы спустилась ей на плечи, и... вместо женщины появился Раджаб. Собственной персоной! Озабоченный и злой, он подхватил кувшины, сапоги, накидку и тенью проскользнул мимо веранды.

— Вах... — тихо произнес пораженный видением Ибрагим.

— Вах... — прошептал, усмехнувшись, Гаджи...

В гостях хорошо, а дома, как говорится, лучше.

На другой день дядюшка Ибрагим и тетушка Патимат покидали селение: он, как и подобает мужчине, восседал на осле, она — следом за ним, пешком.

По тропинке, которая вела к роднику, вереницей шли женщины с кувшинами, и не было среди них ни одного мужчины. Зато на веранде чайханы сидели только мужчины. И среди них Раджаб. Хромовые сапоги его сияли, как самовар чайханщика.

— Что, уже отравились? — увидев неторопливо шествующих стариков, спросил один из мужчин. — Погостили бы еще.

— Пора, — отвечал дядюшка Ибрагим.

— Доброго пути.

Одна из женщин с кувшином тоже приблизилась к чайхане.

— Алибек, ва Алибек! — позвала она.

— Что тебе? — недовольно отозвался флегматичный мужчина с большим животом.

— Чего расселся? Или дел никаких нету?

— Ладно, ладно, — сказал Алибек, — не видишь, чай допиваю? Сейчас приду... Никакой жизни от них! — высказался он в сердцах, когда женщина отошла. — Правильно делаешь, Раджаб, что не женишься.

— Распустили жен, вот и садятся вам на шею, — высокомерно бросил тот.

Дядюшка Ибрагим остановил осла и, не глядя на Раджаба, как бы между прочим заметил:

— У верблюда спросили: почему у тебя шея кривая? Он ответил: а что у меня ровное?

— Это ты к чему, дядюшка Ибрагим? — спросил Раджаб, почувствовав, что камешек в его огород.

— К слову, Раджаб, к слову. Про шею, слышу, заговорили...

Раджаб ухмыльнулся и пожал плечами:

— Заговаривается, что ли, старик?

И тогда дядюшка Ибрагим вдруг соскочил с осла.

— Садись-ка, Патимат, на мое место!

— Вай! — опешила тетушка Патимат, не веря, что это всерьез.

— Садись, говорю! — голос мужа был тверд.

Мужчины пораженно смотрели, как женщина уселась на осла, а муж пошел следом за ней, пешком. Забыв про чай, они провожали их взглядами, пока те не скрылись за извилиной горной дороги.

Верхом на осле тетушка Патимат явно чувствовала себя не в своей тарелке. За поворотом она оглянулась.

— Ты еще не устал, Ибрагим-джан?

— Сиди-сиди! — прикрикнул старик, придерживаясь за хурджин резво шагавшего осла.

— Правильно сделал, что утер нос этим болтунам, — снова оглянувшись тетушка Патимат.

Некоторое время она терпела. Наконец не выдержала, взмолилась:

— Ибрагим-джан, как только ты едешь на этом осле? Поясницу ломит, ноги болят...

С трудом поспевая за ослом, дядюшка Ибрагим не стал тратить силы на ответ. И тогда тетушка Патимат взяла инициативу в свои руки.

— Послушай, Ибрагим, — вкрадчиво сказала она, — кто нас теперь видит? Посмотри вокруг. Тут только мы с тобой и этот осел. Кому теперь показывать свой характер?

— При чем тут характер? — слабо возразил дядюшка Ибрагим.

— Не сердись, Ибрагим-джан, но так будет лучше. Клянусь Аллахом, и тебе, и мне, и ослу...

— Ладно, — махнул рукой дядюшка Ибрагим. — Разве женщину переспоришь?

И тетушка Патимат поспешно слезла с осла, уступив мужу его привычное место.

— Аллах не спешит, — сказала она, — но нам с тобой все-таки нужно поторопиться.

— Что ж, если тебе так удобней... — проворчал довольный дядюшка Ибрагим.

— И ослу привычней, когда в седле хозяин, — подхватила тетушка Патимат.

Дядюшка Ибрагим не стал возражать и, погоняя осла, тихонько заметил:

— А ведь неплохо сказано: Аллах не спешит, но нам надо поторопиться...

Детский лепет:
ГРИША

Грише полтора года. Главная его проблема – сон. Трудности засыпания делают жизнь совершенно несносной. Гриша требует постоянного присутствия родителей. Вот мы с женой и проводим все вечера возле кровати сына. По очереди что-то рассказываем. А он требует еще и еще... Мы злимся. Кричим на ребенка. Ведем себя безобразно. Иногда призываем на помощь соседку. Пожилая женщина за небольшую плату соглашается посидеть с Гришей. Эффект потрясающий! То, что не удастся родителям, без особых проблем получается у чужого человека. Такое впечатление, будто у него на нас аллергия. Тогда как к постороннему никаких претензий. Достаточно десяти-пятнадцати минут, чтобы ребенок уснул. При этом не требуется ни выключать телевизор, ни прятать телефон под подушку.

Вечер. Мне позволено посмотреть футбольный матч чемпионата мира. Играют фавориты – Англия и Португалия. В той же комнате тетя Маруся укачивает Гришу. Поглядывая на экран, она замечает:

– Во бегают... Во бегают... Небось, после этого и выпьют еще...

– Нет, – возражаю я. – Они не пьют. Им нельзя.

– Ну, значит, просто так заснут, – убежденно говорит тетя Маруся. – Еще как заснут... Набегаются – и укачивать не надо...

Целую неделю стоит теплая весенняя погода. Воскресные дни семья проводит на даче. Здесь у каждого свое дело. Папа колет дрова. И бабушка, показывая на него, объясняет внуку:

– Папа большой... сильный... мужчина!

Потом дядя Юра сажает Гришу на шею и гуляет с ним по участку. Гриша счастлив. А бабушка, показывая теперь на дядю Юру, повторяет:

– Дядя Юра большой... сильный... мужчина.

На следующий день – гроза. Настоящий весенний ливень. Бабушка огорчена:

- Ах, какой сильный дождь...
- Мужчина! – радостно говорит внук.

С самого рождения мама ласково называет Гришу «чижи-ком». А ее киевская сестра своего сына зовёт «зябликом». Это выясняется, когда киевляне приезжают в Москву отметить день рождения Гриши. Ему исполняется два года. А Саше уже пять.

День рождения отмечают на даче. По общему мнению, праздник удался на славу. Уж бабушки постарались показать свое кулинарное мастерство... В общем, все остались довольны. Все, кроме Гриши. Он явно был чем-то расстроен. Мама тихонько его спросила: «В чем дело?» В ответ Гриша так же тихонько, с обидой в голосе сказал:

- А правда «зяблик» лучше, чем «чижик»?
- Успокойся, – ответила мама. – Оба хорошо чирикают!

Грише два с половиной года, а он уже бабушкин помощник на даче. Протягивает ладошку, на которой шевелится мокрый противный слизняк. Бабушка брезгливо морщится.

- Вред нашёл, – с гордостью сообщает Гриша.

Из его же выражений:

- Дождик шел-шел и упал.
- Днем наша земля летит-летит, а вечером приземляется.
- А почему нельзя есть самоварку в чае?
- Папа, разговаривай со мной по-большому!
- Я видел на небе такое большое, круглое – лун называется.

Гриша листает бабушкин журнал. Каждая страница сопровождается комментарием.

- Нез-зя трогать спички – сгорим...
- Нез-зя брать иголку – уколёт...
- Нез-зя включать телевизор – папа отшлепает...

Смотришь на ребенка и диву даешься – какой частокोल запретов окружает маленького человечка с момента его рождения! А ведь те же запреты его и защищают. Наверное, с этого

и начинается искусство компромисса, то есть приспособленчества. По-простому – умения жить!

Гриша взрослеет. Ему уже три с половиной года. Возраст, когда ребенок активно утверждает свою самостоятельность. Жизненное кредо – «Я сам!» – всегда наготове. Вот он старательно вырезает картинку из журнала. Ножницы такие непослушные-непослушные, а пальчики у Гриши такие маленькие-маленькие... Все равно: «Я сам!» А вот, перепачканный пластилином, он катает ладошкой разноцветные шарики – бусы для мамы. Но как их нанизать на нитку? Опять же – «Я сам!» Башню построил из кубиков, а она взяла и развалилась. Может быть, помочь? Нет, «Я сам...»

– Интересно получается, – говорит как-то мама, укладывая вечером сына в кроватку, – Гришенька у нас совсем большой мальчик... Все умеет. Даже шнуры завязывать. А вот как вечером спать ложиться, так: «Мама, посиди!»

Гриша тогда придумал такую игру. «Отпустил» нас в другую комнату, но завел с нами разговор. Главное для него – ощущать рядом наше присутствие.

– Папа, скажи: закрой, Гришенька, глазки и спи! – просит он из своей комнаты.

Я послушно повторяю:

– Закрой, Гришенька, глазки и спи!

– Я сплю! – отвечает он и тут же требует: – Скажи: молодец!

– Молодец!

– Скажи: спокойной ночи!

– Спокойной ночи...

– Вы с мамой тоже будете спать?.. Скажи: а как же!

– А как же... – эхом возвращается к нему мой ответ.

– Сегодня меня не кормили. Сегодня я сам все ел!.. Скажи: не может быть!

– Не может быть...

– Правда, правда... – голос ребенка заметно сник. Чувствуется, что он уже подустал.

Дальнейший диалог идет на пониженных тонах. Еще десять минут, и сын совсем затих. Через минуту Гриша спит...

Вот я и думаю: может, это инстинкт самосохранения сам «подсказал» ребенку такую форму защиты от изматывающего недуга?

Как-то вечером мы с Гришей остались дома одни. У мамы на работе было собрание, и она задерживалась.

— Ты сейчас будешь работать? — видя, что я сажусь за печатную машинку, спрашивает сын.

— Да. Постарайся, пожалуйста, мне не мешать. Возьми книжки, игрушки. Поиграй... В общем, тоже «поработай»... Я буду трудиться за большим столом. Ты — за маленьким.

— Нет, — Гриша отрицательно качает головой, — мне еще не купили работу. Тебе и маме купили. А мне — нет...

Гриша строит домик из кубиков и что-то шепчет. Оказывается, рифмует слова. Затем объясняет сам себе:

— Это Маяковский писал... Мы с ним писали... Я ему помогал...

— А кто такой Маяковский? — интересуется бабушка.

— Ну, Маяковский! Который стихи пишет.

— А ты не знаешь, как называется человек, который пишет стихи?

— Как, как... Маршак!

Игра в «понарошку».

Гриша складывает ладошки и склоняется над ними.

— Я пью водичку... Ой, нет водички... Я все выпил!

Потом берет пояс маминого халата. Повязывает вокруг шеи:

— Мама, смотри, какой у меня галстук!

Наматывает на руку:

— Варезка...

Протягивает за спиной:

— Поезд...

Гриша наказан. Что-то они не поделили с бабушкой.

— Если бы я знал, что ты будешь такая злая, — говорит он, — я бы тогда вообще на свет не родился. Лежал бы в больнице маленький...

А когда соседи предложили ему переселиться к ним, он это предложение отверг:

— Сами себе сродите...

Гриша положил на тахту почти все свои игрушки. Тут и тигренок, и собака-мопс, и мишка косолапый, и обезьяна... Положил и забыл про них. А когда я прилег отдохнуть на ту же тахту, он прытко на меня забрался. Но не удержался, скатился на игрушки.

– Ой, сколько здесь народу!

Грише четыре года. После летнего перерыва, собираясь в детский сад, он рассказывает:

– Пойду в детский сад. Потом в школу. Потом в институт. Буду настоящим рабочим. Целый день буду печатать.

– Где? – интересуется бабушка.

– На телевидении.

Гриша с бабушкой возвращаются из магазина. Гриша несет пакетик с хлебом. Навстречу соседка по даче.

– Ах, какой умница, какой помощник у бабушки растет!

Гриша вздыхает и, явно копируя бабушку, предостерегает:

– Еще неизвестно, что из меня вырастет.

Та же соседка, встретив Гришу в другой раз, спрашивает:

– Что же ты, Гришенька, не зайдешь ко мне, не проведаешь?

– Я же не врач, – отвечает Гриша.

По дороге в детский сад Гриша рассказывает маме:

– Приснилось мне – бежит волк. А на нем девочка. Сначала волк бежал мимо, а потом завернул – и ко мне. Страшный такой... Зубы скалит... Я подумал – сейчас он меня съест! Волк перескочил на бабушкину кровать, а она как испугается:

– Кто это?!

– Волк, – говорю. – Не бойся. Он с девочкой мимо пробежал...

Через минуту вопрос:

– А когда просыпаешься, сон куда прячется?

С четырех лет Гриша постоянно ищет повод посоревноваться со мной. На даче, например, мы соревнуемся в прыжках без разбега. Грише никак не удается выиграть. Каждый раз я прыгаю дальше. Проиграв в очередной раз, Гриша говорит:

— Ну да, вы прыжки в институте проходили. А мы, в детском саду, только бег.

Гриша лепит из пластилина лошадь. Руки, одежда — все заляпано. Даже на стене пластилиновые комочки.

— А это что? — спрашиваю сына, показывая на стену.

Вопрос, похоже, ставит Гришу в тупик. Но его находчивости можно позавидовать.

— Это — навоз, — объясняет он. — Где лошадь, там и навоз!

Мама надевает на Гришу красные колготки. Он тут же ложится на ковер и задирает ноги:

— Ура! Я — флаг!

Гриша сильно простужен. Сидит в кровати и размышляет, чего бы ему хотелось. Ну вот, например:

— Взять топор. Разбить дверь. Выйти одному, раздетому, на улицу. И валяться в грязи, как поросенок...

Бабушка в ужасе:

— И это — внук профессора... сын сценариста...

Бабушка повела внуков, Гришу и Андрюшу, на новогоднее представление в театр. Дети с увлечением смотрели сказку про то, как хитрая лисичка переделалась в Снегурочку, а Дед Мороз этого не заметил. И даже попросил посторожить мешок с подарками. А хитрой лисичке только того и надо. Но заглянуть в мешок и выбрать себе самый лучший подарок она не успела. Случилась беда — у лисички отвалился хвост. Трехлетний Андрюша очень напугался. Жалея лисичку, даже пустил слезу. Бабушка шепотом успокаивала внука:

— Не плачь... С лисичкой ничего не случится... Это же артистка... И хвост у нее ненастоящий...

Услышав такое объяснение, пятилетний Гриша задумался. Подумав, сделал свой вывод:

— Если эта лиса настоящая, то ей больно. А если артистка, то ей попадет.

— От кого? — снова пугается Андрей.

— От Деда Мороза! От кого ж еще? — уверенно говорит Гриша.

Грише наскучило ходить в детский сад. Рано вставать. Днем, подчиняясь распорядку, укладываться в кровать...

– Вот возьму и уйду в разные страны, – говорит он по дороге из детского сада домой.

– Сначала на Урал. Чапаева из реки вынимать. Мы с Мишкой давно договорились... А потом в северные страны. С Дедом Морозом знакомиться.

– Тоже с Мишкой?

– Нет, с Иркой. Она на Снегурочку хочет учиться.

Пролежав две недели в больнице, Гриша вернулся домой, как говорится, не с пустыми руками. Прежде всего, обогатился его словарный запас. В нем появились новые понятия: анализ, капельница, палата, клизма, процедура... Особенно пригодились последние – им можно было называть всех девочек. Самая бойкая из них, Люська, в ответ обозвала Гришу «неполноценным». Трижды повторив это слово, она услышала насмешливое:

– Заткнись, инфекция!

Гриша ни разу не был в соборе Василия Блаженного. Мама считала это большим пробелом в образовании. Конечно, попытки посетить храм делались неоднократно. Но всякий раз безуспешно. То реставрация куполов, то неудобное расписание экскурсий. А то вдруг приехали, а Красная площадь вообще закрыта. Узнали от милиционера – хоронят Ворошилова. Грише это имя ни о чем не говорило. Мама тоже смогла по этому поводу вспомнить немного.

Куда интересней оказался ее рассказ о великих мастерах, построивших собор Василия Блаженного. О том, как злой и жестокий царь Иван Грозный вместо того, чтобы их наградить, велел выколоть им глаза. Чтобы они не смогли воплотить подобную красоту для кого-нибудь другого...

Гриша был потрясен, долго оставался задумчивым. Уже дома, на вопрос бабушки, кого же все-таки хоронили на Красной площади, внук удрученно сказал:

– Как кого? Василия Блаженного... Только вначале царь Иван Грозный выколол ему глаза...

Гришина мама — картограф. Он привык, что в квартире много географических карт, атласов. Некоторые из них Гриша досконально изучил. Например, атлас по зоогеографии... При очередной встрече с внуком дагестанская бабушка назвала его «котиком». Гриша рассердился.

— Котики — это млекопитающие, которые живут на Командорских островах. У них очень дорогой мех! Где ты видишь у меня мех?

...1970 год. Страна готовится к столетию вождя мирового пролетариата Владимира Ильича Ленина. Гриша, прошедший полный курс детсадовского воспитания, требует, чтобы его сводили в Мавзолей. Пришлось мне, скрепя сердце, идти на Красную площадь, становиться в длинную очередь... Наконец мы в усыпальнице вождя. Кукольный покойник под музейным стеклом особого впечатления на мальчика не произвел. Зато могилы революционеров у Кремлевской стены вызвали большой интерес. Гриша только-только научился читать. Он усердно пытался разобрать надгробные надписи. Очередь любопытствующих двигалась, однако, быстрее, чем это у него получалось. На памятнике Воровскому, например, он успел прочитать только два слога: «Во-ров...»

Когда мы вернулись домой, мама поинтересовалась, что сыну больше всего запомнилось. Гриша подумал-подумал и брякнул:

— Могила каких-то воров...

Всей семьей гуляем в лесу. Гриша, жена и я. Широкая лиственничная аллея — остаток былой роскоши помещика Лианозова. Рядом, у дороги, другой след — прошедшей войны. Заросший пруд.

— Здесь упала фугасная бомба, — рассказывает жена. — Потом воронка превратилась в пруд...

— Почему — фугасная? — интересуется Гриша.

— Потому что эта бомба так называется.

— А я знаю, почему она так называется! — объявляет Гриша. — Когда эта бомба падает, все кричат: «Фу, гаси! Фу, гаси!»

У Гриши день рождения. Ему исполнилось шесть. В связи с этим на даче настоящий бедлам. Дети со всего поселка прихо-

дят с подарками и поздравлениями. Мы с бабушкой устраиваем торжественный чай. Бабушка испекла пироги. Я накупил минералки, соков, конфет... Все счастливы. Да вот только у Гриши есть одна печаль: мама в командировке. В разгар праздника появляется почтальон с телеграммой.

– Это от мамы! – кричит Гриша, прижимая к себе телеграмму.

Требуется, чтобы никто ее не читал. Он сам прочтет. Заглянув в текст, радостно восклицает:

– Смотрите, мама специально печатными буквами написала, чтобы я мог прочесть!

Дотошная соседка выясняет у Гришиной бабушки, какая же у ее внука национальность. По маме он русский. А вот по папе – дагестанец. Кем его запишут в паспорте?

– Вот подрастет и решит, – отвечает бабушка. – Кем захочет, тем и запишут. Захочет – дагестанцем. Захочет – русским. Какая разница?

Ответ соседку не устраивает.

С тем же вопросом она пристаёт и к ребёнку.

– Кем же ты будешь, Гришенька, когда вырастешь? Дагестанцем, пойдёшь?

Гришин ответ точен и краток:

– Когда вырасту, я буду дагестанцем, таксистом и летчиком.

Грише было восемь лет, когда у нас появился второй сын – Кирилл. Надо сказать, что имя ему мы с женой нашли не сразу. Долго думали, искали в словарях... Видя наши трудности, Гриша предложил:

– Назовите Томиком.

– Почему Томиком?

Выбор сына показался нам неожиданным. Гриша снисходительно усмехнулся:

– Том Сойер... Томас Манн...

В одном варианте он ловко объединил и свои, и наши пристрастия.

Гриша корпит над математикой. Звонит бабушка. Сообщает, что заболела и не может прийти посидеть с внуками (мама и папа уходят в театр). Вместо нее придет мамина сестра.

— Ничего страшного, — утешает бабушку Гриша. — От перемены мест слагаемых сумма не меняется.

Мама десятилетнего Гриши в отчаянии. Жалуется учительнице на сына. Вымыть руки после улицы не заставишь. Топать в грязных ботинках по дому не отучишь. В конце концов, так и заразу какую-нибудь недолго подцепить. Старенькая учительница внимательно слушает. Затем с улыбкой повторяет:

— Значит, руки не моет, ботинки не чистит... Вот когда лет в пятнадцать он начнет и руки мыть по несколько раз на день, и за ботинками следить, тогда-то и придется вам поволноваться.

«МАЙСКАЯ ПЕСНЯ»

Вкус войны

Оглядываясь назад, в свое далекое довоенное детство, я вижу себя избалованным пятилетним упрямым, главное удовольствие которого — издеваться над собственной бабушкой. Бедная старушка терпеливо сносила все мои проказы. Помню, как я убрал стул, на который она уже садилась. Бабушка упала навзничь и вместо того, чтобы дать мне хорошую затрещину, смеялась вместе со мной. Родители мои, люди совсем еще молодые, были постоянно заняты. Мама училась в пединституте, а отец, инженер-строитель, постоянно пропадал на своих бесчисленных объектах — наш город Махачкала, вытянувшийся между грядой Кавказских гор и Каспийским морем, в те годы активно застраивался. Так что с утра и до вечера я был на попечении бабушки. День начинался с того, что она пыталась впихнуть в меня завтрак. Обычно это была овсяная каша. Я, естественно, отказывался. Помню, как однажды бабушка ходила за мной с тарелкой, умоляя съесть хоть ложечку. А я ускользал от нее и занудно твердил: «Невку-у-сно... невку-у-сно...» И тогда бабушка впервые не выдержала. Она устало присела на краешек стула и с тоской сказала:

— Вот начнется война — все тогда будет вкусно...

Увы, бабушка Оля оказалась провидицей. Не прошло и месяца, как наступил роковой день 22 июня 1941 года... Помню застывших у репродуктора родителей. Они слушают выступление Молотова. И когда до меня наконец доходит суть происходящего, я как оголтелый, начинаю носиться по квартире и орать во все горло:

— Ура! Война! Теперь все будет вкусно!

Бедные родители были в шоке...

А потом потянулись бесконечные унылые дни, когда я начал постигать истинный «вкус войны»...

Вот когда вспоминались и даже снились мне пирожки с маком или курагой, которые пеклись до войны в нашем доме и от которых я по дурусти тоже частенько отказывался. Так в детском сознании выстраивалось понимание того, что теперь все будет по-другому. Помню нашего почтальона, улыбочивую жизнерадостную тетю Катю. Она ведь лишь разносила «почту» — газеты, журналы, письма, то есть поддерживала радость человеческого общения. Но с началом войны роль ее круто переменялась. Появление тети Кати там, где она бывала желанным гостем, теперь пугало людей, вызывало панический страх. Все знали: в ее большой кожаной сумке могло оказаться самое страшное для того, кто ждет весточки с фронта, — похоронка. Скорбная весть о гибели дорогого человека... Сколько раз дома, куда заходила тетя Катя, буквально взрывались душераздирающими женскими криками, от которых внутри все леденело и хотелось куда-нибудь поскорее убежать. Я спасался от этих криков на берегу моря. Там, в шуме прибоя, можно было спрятаться, затеряться, забыться... Но от судьбы далеко не убежишь. Беда пришла и в дом моего деда Вениамина, у которого я в те годы жил. Он был старшим из пяти братьев Мусахановых и единственным из тех, кто оставался на своей родине, в Дагестане. Жизнь разбросала их по всей стране, они редко виделись. Все ждали демобилизации младшего брата — Ильи. Любимец всей семьи, чемпион Черноморского флота по вольной борьбе, Илья надеялся летом 1941-го уже быть дома, а осенью сыграть свадьбу. Родня готовилась к этому долгожданному событию. Начавшаяся война спутала все планы. Вместо Махачкалы Илья оказался в Керчи. И уже оттуда пришло известие о его безвременной гибели... Та же тетя Катя принесла похоронку. Помню, как дед дрожащими руками распечатывал конверт, а я очень надеялся, что в нем окажется другая фамилия... Бывают же ошибки... Нет, в этом извещении ошибки не было. Признаюсь, меня потряс не столько текст похоронки, сколько реальность брызнувших из глаз деда слез. Дед Вениамин плакал навзрыд, как ребенок. Но даже громкие причитания бабушки Сарфит не убеждали меня в том, что Илья Мусаханова, кумира моего детства, больше не существует... С этого дня в двух наших домах — у деда на Дахадаева и в родительской квартире на Буйнакского — воцарилась атмосфера глубокого траура...

Решение отправить меня к деду вызвано было тем, что моих родителей мобилизовали на строительство оборонных сооружений. Папу назначили командиром стройбата. Мама же, как и все студентки, рыла окопы и постигала профессию медсестры. Квартиру на Буйнакского сторожила бабушка Оля, мать моего отца, достаточно подвижная для своих семидесяти пяти лет старушка. Это она была постоянным объектом моих проказ — я убирал стул, когда она на него садилась, я заправлял водой ее керосиновую лампу... Моя жизнь на Дахадаева, несмотря на военное время, была вполне сносной, можно сказать, беззаботной. Там, где родителям грезилась сплошные угрозы моему существованию (загородные рыбалки, вылазки в горы за кизилом), ничего экстраординарного старики не усматривали. Мне было позволено все. Мудрый человек, мой дед, прекрасно понимал: придет время и жизнь сполна выдаст припасенные для меня запреты и ограничения.

Вспоминаю роскошный дедушкин сад... Сколько душевных и физических сил вложено было в его создание! Об этом всегда говорили взрослые. Мог ли я понять и оценить деликатность деда, молча сносившего откровенное мое хулиганство, когда я расстреливал из рогатки аккуратные деревянные бирочки, любовно прикрепленные к каждому дереву, — некое подобие паспорта... Прошло немало времени, прежде чем я осознал: ради благополучия близких дед готов на любую жертву.

Исход

По возрасту — пятьдесят пять лет — на войну деда не взяли. Он работал директором тарной базы на южной окраине Махачкалы в районе бондарного завода. Иногда бабушка просила меня отнести ему обед. Я с удовольствием выполнял ее просьбу. С интересом наблюдал, как рабочие выскабливают из бочек оставшуюся на стенках патоку. Собрав стакан, иногда даже два, они садились чаевничать. Приглашали к столу и меня. Патока напоминала мед, и поначалу очень мне нравилась. Однако ее приторно сладкий привкус донимал и преследовал меня целый день... У деда на базе было спокойно и тихо. Но что творилось в городе!.. Его целиком оккупировали беженцы. Они прибывали в город

непрерывным потоком. Спешили уйти от наступающих немцев. Таборы, в основном состоявшие из стариков, женщин и детей, заполняли все городские скверы, парки, бульвары. Переночевав и немного отдохнув, люди взваливали на себя убогий свой скарб и, снявшись с места, шли дальше на юг. Все стремились в Баку. Говорили, что оттуда можно переправиться через Каспий в Среднюю Азию. Чаще всего в качестве земли обетованной я слышал название незнакомого города — Алма-Ата... Однажды к нам в поисках ночлега заглянула незнакомая женщина. Она рассказала, как ей удалось избежать расстрела. Жила она под Моздоком и до прихода немцев не успела уйти из города. Ей, еврейке, грозила смерть. Она уже стояла у края рва, куда согнали толпу обреченных. Глаза в глаза видела своего палача — молодого немца за пулеметом, который стрелял по толпе длинными очередями.

— Вы представляете, — возбужденно говорила она, — ясные голубые глаза... И улыбка... Не убийцы, который получает удовольствие, отправляя нас на тот свет. А человека, который делает вам одолжение. Убивая, желает счастливого пути... Муж успел столкнуть меня в ров до того, как пулеметная очередь скосила нашу толпу...

Застывшим голосом женщина добавила:

— Вот так. Меня спас, а сам погиб...

Дед на неделю поселил ее у себя. Он был удивительно отзывчив на человеческое горе.

С появлением беженцев облик нашего города резко изменился. Тихая одноэтажная Махачкала с чистенькими выбеленными домами и ухоженными садами превращалась в помойку. Сточные канавы, прорытые вдоль центральных улиц и по окраинам города, не были рассчитаны на то обилие грязи, которое оставляли после себя беженцы. Поначалу махачкалинские дворники пытались с этой грязью бороться, но вскоре поняли — дело безнадежное. Ибо вместо одного табора, двинувшегося на юг, с севера прибывали три новых... Сейчас, с высоты прожитых лет, я вижу картину перемещения сотен тысяч изгнанников совсем в ином свете. Не так, как воспринимал ее тогда шестилетний ребенок, — реальностью, в которой нужно жить. Та ситуация представляется мне теперь аналогией ИСХОДА в его библейском смысле и вселенском размахе. Тем, что столько раз происходило в истории. И тем, что, не дай Бог, может повториться...

«Вот ерунда получилась»

По рангу деду полагался личный транспорт. Это был экипаж старых времен — двухместная линейка с облучком. Да восседавший на нем кучер Аким. Да запряженный в линейку угрюмый мерин Воронок. Да мой дед Вениамин в белом парусиновом костюме и фуражке того же пошива... Выглядело это внушительно. Я часто увязывался за дедом, чтобы прокатиться в его экипаже. А уж когда Аким давал мне вожжи, я чувствовал себя на седьмом небе. С Акимом мы быстро сдружились. И с 1943 по 1947 год, пока дед работал на тарной базе, оставались закадычными друзьями. Меня привлекала в Акиме та же свобода, что и в героях любимых книг, которые читали мне когда-то родители, а уж потом запоем проглатывал я сам. Помню, как я рассказал ему только что прочитанную историю про Маугли: мальчишку, воспитанного в волчьей стае. Аким был в полном восторге и свои чувства выразил, как умел — забористым матом. Так же витиевато выражал он и негативные эмоции, когда, например, отгонял слепней от Воронка... Аким был человеком упрямым, но не лишенным самоиронии, а иногда и самобичевания. Однажды, когда он явился на работу в подпитии, дед сделал ему замечание. На что тот отреагировал так:

— Вот ты, Наумыч, терпишь мою непутевую голову только один год, а ты подумай, каково мне таскать ее на плечах целых сорок пять лет!

Но самый запоминающийся перл Аким выдал в ночь с 8 на 9 мая 1945 года, когда в четыре утра ввалился в дом деда и, учинив форменный переполох, виновато выпалил:

— Вот ерунда получилась — война кончилась...

С той поры эта фраза стала в нашем доме крылатой. Рассказы Акима о войне во многом сформировали тот «вкус войны», который живет во мне уже шесть с половиной десятилетий. За годы нашей дружбы я слышал их не один раз и запомнил буквально слово в слово. Из разных эпизодов сложилась целая Одиссея простого русского солдата, который, как мог, приближал нашу победу...

Расстрелять или наградить?

... Войну я начал в Махачкале. Тыловой крысой, можно сказать. Часть нашу готовили к переброске в Иран. Много эшелонов туда уже отправили. Немцы сами имели виды на Персию. Только мы их опередили. Успели закрыть это направление раньше... Житуха в Махачкале фартовая. Солнце, фрукты, море Каспийское рядом. В увольнении целый день на пляже загорали. Веришь, черные, как черти, ходили. Так до зимы и прокуролесили. А зимой приказ — грузиться... Только отправили нас вовсе не в Иран, а в Саратов. Ребята в дороге такой цирк придумали. На каждой станции двое наших шли на перрон к торговцам. Много их там бывало... Картошечка горячая... Рыбка жареная... Огурчики соленые... Так те двое высматривали кого побогаче и предлагали вместо денег кинжал. Красивый такой... Ножны в золотом орнаменте... Кто-то обязательно клевал на крючок, отдавал за кинжал жратву. И тут к нему подходили трое других. Тоже из наших. Вроде как патруль.

— Оружие есть?

Люди пугались. Сразу отдавали кинжал. На следующей станции — тот же номер... Нехорошо, конечно, людей дурить. Так ведь не на свадьбу, на фронт ехали. На смерть, можно сказать... Три месяца в Саратове готовились. Помощником командира пулеметного взвода назначили и послали под Орджоникидзе. Немец там уже был. Горючее у него кончилось. Танки, машины — все стояло. Поэтому он рвался к нефти... Окопались мы на одной стороне Терека. Немец — на другой... Веришь, восемь раз туда-сюда бегали. То в атаку, перейдем Терек, займем рубеж, а он соберет силы и скинет нас назад. То в атаку, то назад. Из тысячи человек в нашей части осталось сто тридцать. Многих положило. Тех ребят с кинжалом тоже. В первой же атаке погибли. Ну, меня тоже осколком в шею... Попал в госпиталь. Полежал немного... Приходит комиссар. Трудно на передовой, говорит, людей мало. Кто пойдет?

Все лежат, раненые ведь, свежие... А, думаю, где наша не попадала!

— Я пойду!

Встал с кровати, приблизился к нему. Врач меня осмотрел. Дней десять, говорит, надо бы подождать... Да чего уж ждать.

Пойду... Ну ладно. Перевязали меня как следует. Тут и другие повыходили. Направили в часть. В новую. Нашей-то не осталось.

– Ты кто? – спрашивают.

– Автоматчик, – говорю.

Надоело пулемет таскать, тяжелый. Все время на горбу же...

Повесили мне на пузо автомат. Дали шесть рожков с патронами – и на передовую. Командиром взвода. Готовиться к обороне приказали. Атака будет... Окопались мы. Воды нет... Хотел послать солдата за водой. Да, думаю, ладно, сам схожу. Спустился к Тереку. Смотрю, в кустах три станковых пулемета стоят новенькие и ленты к ним. Я назад. Давай, говорю, ребята, за мной. Приволокли эти пулеметы. Выкопали ячейку. Установили.

– А кто стрелять будет? – спрашивают.

– Да я и буду...

Ждем... Под утро – артподготовка. Ладно, кончилась. Смотрю – идут. Под музыку. Оркестр-то сзади играет. А они вышагивают. Во весь рост. Рукава закатаны. Штаны до колен. Прут прямо на нас. Штыки блестят... Подпустил метров на семьдесят. И давай... Из одного ствола... Из другого... Из третьего... Ну, веришь, как снопы валятся. Шеренга за шеренгой. Всех положили... Так шесть атак отбили... Прибегает комроты. Обнимает, целует. К ордену Красного Знамени, говорит, представляю... А через час вызывают к комбату. Захожу. Он – за пистолет.

– Расстреляю! – кричит. – Почему скрыл, что пулеметчик?

– Вы поосторожнее, – говорю, – а то у меня тоже есть чем стрелять.

Покричали друг на друга. В конце концов поставил он меня командиром пулеметной роты. Раз двадцать в рукопашную ходили... Однажды с немцем столкнулся. Лицом к лицу. Растерялись оба. У меня наган, у него автомат. Наставили друг на друга – кто первый выстрелит. Глаза у него круглые, как бараньи яйца. Вылупил... У меня тоже не хуже... И тут его мой старшина сбоку из автомата прошил.

После этого я не терялся. Бегу, стреляю в одного, а другого уже краем глаза вижу, кто в меня целится... И того с ходу тоже, в упор...

Мечь

А в 1943-м меня опять ранило... Отступали немцы. На бронетранспортерах. Мы — за ними. А они поливают огнем, никак не догонишь. Приказываю пулеметному расчету подойти ближе и бронебойными поджечь эти машины. Три их было перед нами. Ну, расчет только пополз, первый номер — наповал. Тогда я сам пошел. Прицелился, дал короткую очередь. Есть! Загорелся один. Второго тоже ребята подожгли. А третий — удирать... И в этот момент меня по ноге как будто ударило. Упал. Смотрю на ногу и не чувствую ничего.

— Ранен ты, чего смотришь, — говорит мой второй номер.

Разрезал он мне сапог, нога болтается туда-сюда. Разрывной пулей кость перебило. Перевязали кое-как.

— Ну, ты иди, — говорю ему, — догоняй наших. А я здесь подожду санитаров.

А сам думаю: нет, должен я за свою ногу отомстить. Видел, откуда стреляли. От транспортера горящего...

Пополз туда. Смотрю, немец лежит, тоже раненный. Он-то, сука, как раз и стрелял... Ну ладно, думаю, сейчас я с тобой рассчитаюсь... Сел рядом с ним, достал наган. Патроны еще оставались. Прицелился — и в ногу ему — раз!.. В руку — два!.. Он орет благим матом. Последним прицелился и прямо в лоб закатал... Рассчитался. Теперь, думаю, можно и своих поискать. Пополз. Нашел воронку, а она уже полна нашими ранеными... Лежим. Ждем... Тут наши танки пошли, чуть не передавили. А потом санитары появились...

Вот и весь подвиг

В одном бою снова танком чуть не раздавили... Двинулись наши в атаку. Немец со своих позиций открыл шквальный огонь. Пришлось залечь прямо в степи... Приказ по цепи — окопаться. Ковырнул я лопаткой землю, а она твердая, как камень. Не поддается. Выкопал сантиметров на тридцать. Сижу. Жду. Все равно, думаю, сейчас дальше пойдем... Вдруг смотрю — прямо передо мной девять танков. Слева — тоже девять. И справа — девять. Ползут на нас. Ну, думаю, делов не будет. Нужно копать. Веришь,

вмиг окопался. За пять минут такой окоп вырыл... А он, гад, уже подползает. И прямо на меня. Гусеницами встал на окопе, смраду напустил да еще и развернулся. Проутюжить хотел. Да не вышло. Сбросил я землю, отряхнулся, высунул голову, а он уже далеко по другим окопам ползет. И всех утюжит. Злой я стал. Ах ты, сволочь, раздавить меня хотел! Были у меня три бутылки-зажигалки. Две треснули, растекаются. Одна осталась. Схватил я бутылку и за ним. Догнал... Загорелся сразу. Хорошо горит... Немец из люка руками вверх вылезает. Сдается сразу. А на кой хрен он мне нужен? Я его из автомата... Остальных тоже уложил...

... Вышли к Днепру. Командир части построил нас и говорит:

– Ну, хлопцы, надо форсировать Днепр. Позиции у немцев, сами знаете... На ту сторону трудно пробраться. Кому это удастся, получит Героя.

Пошли. Ночью. Кто на чем. На плотках, на катерах, на понтонах... Вокруг все кипит от разрывов. Ракеты – светло, как днем. Наш катер у самого берега снарядом задело. Он и расколосся, сразу на дно пошел. Все потонули, а я ничего, выплыл... Ну, после этого, когда закрепились, подходит ко мне комиссар. Так и так, ерунда, говорит, получается, герой, а беспартийный... Ну, написал я заявление... Только повоевать больше не довелось. Рана на ноге открылась. Меня и комиссовали.

– Так ты что, Герой Советского Союза? – с недоверием спросил я у Акима.

– Ну! – односложно подтвердил он.

– И Звезда Героя у тебя есть?

– Имеется...

– Так почему не носишь?

– Перед ребятами, которые полегли, совестно. Я телом амбразуры не закрывал, «мессеры» в небе не сбивал... Просто выжил... Вот и весь подвиг. За что Героя?

«Гитлер капут!»

Лето 1946-го. Слух о том, что в пригороде Махачкалы, у подножия горы Тарки-Тау разбит лагерь для немецких военнопленных, взбудоражил весь город. Первыми на разведку отправились

конечно же мы, мальчишки. Разновозрастную компанию раздирали не только любопытство, но и соперничество — кому повезет раньше всех увидеть живого фрица. До сих пор мы знали их только по сюжетам кинохроники или по газетным карикатурам. Отношение к немцам было у всех однозначное: фашисты, враги, убийцы. И представлялись они нам чем-то вроде хищников, место которым в клетках зоопарка. Но когда мы добрались до лагеря, никаких клеток там не оказалось. На пологом склоне горы стояли палатки, и большая группа мужчин в изрядно потрепанных, мышиного цвета мундирах приводила в порядок прилегающую территорию. Лагерь охраняли молодые красноармейцы с короткими карабинами. Кто-то из нас, видимо, самый бойкий, прокричал с издевкой:

— Немец-перец-колбаса!

Остальные подхватили, тоже стали кричать, улюлюкать, кто во что горазд. Долговязый немец, сгребавший мусор, глянул в нашу сторону и дружелюбно поднял руку:

— Гитлер капут!

Двое других, копавших канаву, тоже помахали руками:

— Гитлер капут... Гитлер капут...

Почему-то это нас рассмешило. Но строгие охранники потребовали, чтобы мы покинули запретную зону. Делать нечего — пришлось подчиниться... На обратном пути, едва отойдя от лагеря, мы обнаружили заросли ежевики. Ягоды было так много, что каждый смог облюбовать себе участок. Для этого пришлось рассредоточиться по ложине. Увлечшись сбором, я не сразу заметил, что по другую сторону от меня кто-то обирает этот же куст. Я уже хотел громко заявить о своих правах, но слова застряли на языке: сквозь переплетение колючих веток я вдруг разглядел серую мышиную форму, рыжую бородку и затравленный взгляд. Пленный, — а сразу стало ясно, что это один из обитателей лагеря, — тоже меня заметил. И какое-то время мы пялились друг на друга — глаза в глаза, не испытывая ничего, кроме любопытства.

— Ягода... — старательно произнес немец, — вкусно.

Я не успел ответить. Яростный мат донесся до моего слуха. По сыпучему склону в ложину скатился красноармеец. На ходу щелкнув затвором, он подскочил к рыжебородому и с остервенением ударил его карабином в живот. Немец согнулся пополам.

– Сбежать, падла, задумал!

Сквозь кусты ежевики я видел искаженное от ненависти лицо красноармейца и мелькавший приклад карабина. Тупые удары сопровождались прерывистыми выкриками.

– За побег... Твою мать... Как собаку... На месте...

Немец не оправдывался, не сопротивлялся. После каждого удара он пытался выпрямиться, вытянуться по стойке «смирно». Будто для того, чтобы разъяренному красноармейцу сподручнее было его избивать. В какой-то момент мне показалось, что удары обрушиваются не на немца, а на меня. Помню, как все мое нутро содрогалось и корчило от этого ужаса. Мне хотелось крикнуть, объяснить, что немец не убегал, что он просто собирал ягоды. Собственно, охранник и сам это видел. Не мог же он в самом деле считать рыжебородого беглецом! Куда тут убежишь, да еще в такой форме...

Ну, чего я переживаю за этого рыжебородого, ругал я себя по дороге домой. Он вторгся на мою землю, чтобы уничтожить мой дом, убить меня, моих родителей, бабушку с дедушкой... Может быть, это он убил моего дорогого Илью?! Мысль о нем моментально отозвалась в душе жгучей ненавистью, желанием мстить. Вместе с тем я чувствовал всю абстрактность своего желания, никакой связи конкретно с этим немцем не имеющего. Более того, покорность рыжебородого, его беззащитность, страшная картина избиения, помимо моей воли, вызывала в душе чувство, близкое к состраданию, которое казалось в то же время и неуместным... Возможно, именно тогда я впервые почувствовал, что окружающий мир не так прост. До этого все было ясно и понятно: в мире есть свои и чужие, есть хорошие и плохие. Свои – хорошие. Чужие – плохие... Но так, чтобы плохие вызывали сочувствие, а хорошие – наводили ужас и страх... Наверное, это было первое мое предощущение неоднозначности понятий добра и зла.

Обмен

Каждое утро, в сопровождении охраны, пленных приводили в город на строительные работы. Мостить дороги, рыть котлованы под фундаменты новых домов, перестраивать старый стадион. В тех самых скверах и парках, где когда-то стояли таборы

беженцев, они перекапывали землю, убирали мусор, сажали деревья. Со временем пленные начали активно общаться с горожанами. Особенно с нами, мальчишками. У нас быстро налажился взаимовыгодный обмен. За кусок хлеба можно было выменять открытку с изображением незнакомого немецкого города и готической надписью. Кусочек сахара оценивался фотографией бравого офицера со свастикой на рукаве. У всех у нас были уже и рейхсмарки, и металлические пфенниги, и латунные пуговицы от мундиров, а кое у кого даже солдатские Железные кресты. Все эти «трофеи» демонстрировались друзьям и являлись предметом особой гордости. Возможно, в этом было что-то от гордости победителей. Добытая у бывших врагов, вся эта фашистская символика — кресты, орлы, свастика — воспринималась теперь не как угроза, а как символ поверженности...

Однажды к нам во двор (я снова жил с родителями на Буйнакского) привели группу пленных, человек восемь. Они приступили к восстановлению старой пристройки, примыкавшей к сараям: там предполагалось разместить книжный склад. Общаться с пленными никто не запрещал, что позволило одному из них сразу же наладить деловой контакт с моей бабушкой. Сколько себя помню, бабушка Оля вела домашнее хозяйство, и все ее старания сводились к тому, чтобы вовремя нас всех накормить. Папа уже вернулся к мирному строительству, в частности закладывал здание будущего Дагестанского университета. А мама, закончив учебу, вела подвижническую работу в школе-интернате. Я учился в третьем классе. Переговоры бабушки с немцем завершились тем, что впервые в жизни она нарушила свою же установку — оставила нас без хлеба. За дневную норму, которую мы получали по карточкам, бабушка выменяла золотое колечко. Мне запомнились ее глаза, обычно тусклые, печальные, а в тот день просветленные, лучистые, когда она, сидя за старым кухонным столом, покорно выслушивала мамин выговор. Натруженная рука бабушки с колечком на пальце покоилась на столе. Маминому негодованию не было предела.

— Это такое же золото, как я — Венера Милосская! — заявила мама.

Папа, будучи человеком не столь категоричным, тем не менее поддержал маму.

— Самоварное золото, — мягко сказал он.

Мне показалось, что бабушка их не слышит. Что отрешенный взгляд ее устремлен куда-то вглубь себя. Мне даже почудилась за этим взглядом какая-то тайна. Спустя годы, разглядывая старые бабушкины фотографии, которые никогда никому не показывались, я ее понял. Когда-то она была женой богатого человека — купца первой гильдии, расстрелянного чекистами. И вот, всматриваясь в молодое бабушкино лицо, в роскошное парчовое платье, в бриллианты на шее, на пальцах и в ушах, я вспомнил тот ее взгляд и подумал: потеряв все, превратившись из видной женщины в прачку, она никогда уже не имела ни нарядов, ни бриллиантов, ни домов, ни магазинов. А как хотелось, наверное, вернуться в прошлое или хотя бы с помощью этого колечка обмануть себя иллюзией такого возврата...

Однажды я подошел к группе пленных, рывших возле траншеи — она траншею. У меня был припасен кусочек сахара, и я поинтересовался, что могу за него получить. Кто-то из пленных показал пару почтовых марок — на одной был изображен танк, на второй — самолет. Другой пленный предложил открытку с видом Берлина. Меня такой обмен не устраивал. Фотографий и открыток у меня было достаточно. Я уже хотел отойти от траншеи. Но тут возник третий немец, не принимавший участия в торге. Он отложил лопату и показал бляху от солдатского ремня. На ней было выбито «Gott mit uns» — «С нами Бог». Увидев, как я загорелся, хозяин бляхи запросил целых пять кусков сахара. У меня имелся только один. На всякий случай я поинтересовался, не согласится ли он на три. Немец отрицательно помотал головой.

Я разглядывал бляху, как бы подсчитывая свои возможности. И вдруг — до сих пор не понимаю, как смог решиться на такое, — сорвался с места и бросился бежать.

— Так не можно!.. Так не можно!.. — неслось мне вдогонку.

Но я уже метнулся в один переулочек, потом в другой... Зажав в кулаке бляху, проходными дворами выскочил на набережную и тут, смешавшись с толпой гуляющих, наконец перевел дух. Отрезая путь сомнениям, я сразу решил — это моя месть за бабушкин обмен. Правда, пострадал совсем другой немец, но что с того! Как говорит мой папа, все они одним миром мазаны. Вместе с тем я понимал, что вовсе не месть за бабушку, а желание обладать бляхой толкнуло меня на столь неожиданный для меня самого поступок...

Чувство, похожее на раскаяние, я снова испытал, когда пожилой немец из тех, что работали у нас во дворе, предложил мне за кусок макухи (отжима из семечек) две фотографии. На одной было запечатлено его семейство — трое детей и белокурая женщина, задорно улыбающаяся прямо в объектив. На второй — похороны ребенка.

— Майне фрау... Майне киндер... — лаская фотографии, прежде чем с ними расстаться, говорил немец.

До той поры мне и в голову не приходило, что у наших врагов могут быть матери, жены, дети, что они переживают за своих близких, радуются вместе с ними, скорбят... Мир человеческих эмоций, по моему ощущению, их не касался. Ведь для нас это были нелюди... Вторая фотография источала пронзительное горе, что опять-таки не вязалось с моим представлением о злодеях...

Дом дедушки Вениамина

Надо сказать, что тема фашистских преступлений еще не раз появлялась на авансцене моих переживаний. Однако личного моего опыта явно не хватало, чтобы оценить их как великую народную драму. Хотя пример тому был налицо. Лето 1947 года ознаменовалось радостным событием — приездом в Дагестан наших дорогих ленинградцев. Семья тети Евы, старшей сестры моей мамы, пережив весь кошмар 900-дневной ленинградской блокады, добралась до Махачкалы. Поначалу встреча планировалась на более ранний срок, но демобилизация дяди Яши задерживалась. А затем в их дом, избежавший потерь в блокаду, все же пришло горе — умер Гарик, двухлетний малыш, которого дядя Яша называл «дитя Победы». Оказалось, правильнее было говорить о нем, как о последней жертве войны... Можно себе представить, сколько слез от пережитого пролито было за большим, накрытым во дворе у деда столом. И сколько тостов во здравие поднято за всех выстрадавших свое право на эту счастливую, долгожданную встречу... Наконец-то я познакомился со своими двоюродными братьями и сестрой. Пятнадцатилетний Лерик, будущий известный ленинградский писатель Валерий Мусаханов... Десятилетняя Рита, ставшая впоследствии педагогом...

И Славик, четырех лет, он же Вячеслав Осипов, музыкант, профессор двух консерваторий — в Риме и в Барселоне...

Помню, какое изобилие царило на нашем столе. Блюда, приготовленные бабушкой Сарфит и моей мамой. Всевозможные горячие и холодные закуски. Зелень, соленья, овощи. А между ними, ожидая своей очереди, стояли деревянные подносы с фруктами и виноградом, выращенными дедом... Он зорко следил, чтобы атмосфера праздника не тускнела. За два дня, по нашим с Лериком подсчетам, у нас перебивало более двух сотен гостей. Всем хотелось воочию увидеть людей, прошедших через круги ленинградского ада... И это продолжалось все лето. Обеспечивал подобные застолья сам дед. Аким отвозил его на рынок за продуктами, откуда они возвращались с горой всякой всячины, которую можно найти на южном базаре. Пару раз дед посылал меня с Акимом на рыбные промыслы, откуда мы привозили только что выловленных осетров и бидоны черной икры. А сколько кур окончили жизнь в бабушкином сарае!

После такого лета трудно было представить, что праздники могут закончиться, уступить место будням. Не успели оглянуться, как пришел сентябрь. Детям пора было в школу. Две недели неспешных сборов, и в середине месяца ленинградцы уехали. А еще через пару недель к нам на Буйнакского пришла озабоченная, подавленная горем бабушка Сарфит. Они с мамой о чем-то переговорили на кухне. Их тихий разговор внезапно сорвался на крик. Кричала и плакала мама. У меня зашло сердце — опять какая-нибудь беда?! Так и оказалось. За долги дом деда вместе с роскошным садом пришлось продать. Вот такой отголосок праздника и летнего безмятежного счастья.

«Страдивари» из Дрездена

Во многом мое отношение к немцам определялось под влиянием Акима. Из его рассказов получалось, что те — наши заклятые враги навеки. Тут-то как раз и произошло событие, в котором Аким раскрылся совсем с другой стороны.

Однажды на тарную базу привели группу немцев, человек десять. Они должны были расширить помещение старой конторы. Пленные сразу же приступили к работе. Начали рыть тран-

шеи под фундамент. В это же время Аким неподалеку запрягал своего Воронка. В сторону немцев он демонстративно не смотрел, всем своим видом показывая, что они его совершенно не интересуют. Мол, достаточно повидал во время войны... Тут я заметил, как один из пленных пристально приглядывается к Акиму. Он смотрел на нашего кучера, как замороженный. А потом вдруг бросился к нему и схватил за руку.

— О, майн готт! — вскричал немец.

Аким же, ничего не понимая, довольно грубо отстранился от него. А пленный, заикаясь от счастья, восторженно воскликнул:

— Немца в плен брал?

— Ну... — неопределенно ответил Аким, тоже присматриваясь к пленному. — Тебя, что ли?

— Меня! Меня! — ликовал немец, стуча кулаком в свою грудь. — Ты меня брал плен. Потому я живой!.. Как это по-русски... Ангель-хранитель. Ты есть мой ангель-хранитель...

— Ишь ты, мать твою... — усмехнулся Аким, и это означало, что его тоже наконец проняло...

В память о встрече, вернее о двух встречах, немец преподнес Акиму собственноручно изготовленную скрипку. По мирной профессии он оказался скрипичным мастером из города Дрездена. И даже в плену ухитрялся заниматься любимым делом.

Поначалу Аким пробовал использовать скрипку как балалайку. А когда не получилось, отдал ее мне. Наша соседка по дому старушка Нисневич до войны работала в оркестре городского драмтеатра. Она взялась давать мне уроки игры на скрипке. Вскоре я, кроме упражнений, уже наигрывал кое-какие мелодии.

«Приди, весна...»

Как-то по дороге домой я встретил у книжного магазина известного в городе старика-букиниста. Он был из тех беженцев, которые, видимо, навсегда осели в Махачкале. Обитал он в одном из теплых подвалов, служивших еще недавно бомбоубежищем. Многие горожане считали старика ненормальным. Его внешний вид — вечно всклокоченная борода, воспаленные глаза, а главное, отсутствие обуви в любое время года — соответство-

вал этому представлению. Босой, с тяжелым мешком за спиной, он каким-то особым чутьем находил старые библиотеки с завалами давно списанных книг, уносил все это добро в свой подвал и там колдовал над ними. Говорили, что в Минском гетто была расстреляна вся его семья, а в пожаре после первой бомбежки сгорела огромная библиотека. У меня со стариком сложились хорошие отношения. С его помощью я приобрел редких по тем временам Майна Рида, Фенимора Купера, Марка Твена. Затаив дыхание, я слушал рассказ о том, как в молодые годы он служил на ялтинской почте и носил корреспонденцию Чехову, Горькому и самому Льву Николаевичу Толстому.

— Когда я приносил почту Толстому, — вспоминал старик, — он обязательно спрашивал, не могу ли я задержаться у него и поговорить с ним на иврите. Как раз в это время Толстой изучал древнееврейский и нуждался в разговорной практике... Ну, конечно, я задерживался. Еще бы! Такая честь...

Тогда же при нем я поздоровался с немцами, которые шли на работу.

— Приятели? — вскинув бороду, с сарказмом спросил старик.

— Да работают на тарной базе, — объяснил я и внезапно, в порыве солидарности с его горемычной жизнью, выпалил: — Все они фашисты!

Старик вдруг сник, махнул рукой и тусклым голосом произнес:

— Что вы знаете, молодой человек... Что вы можете знать?.. Вы даже пока не понимаете, что категоричность — признак невежества. Вам ни о чем не говорят имена Гёте, Шиллера, Бетховена, Баха?..

Старик бормотал куда-то в пространство, мимо меня. Было впечатление, что он разговаривает сам с собой.

— Впрочем, все они давно мертвы... — тем же тусклым голосом проговорил он. — Все хорошие немцы поумирали. Одни — сами. Других — уничтожили. Осталась только шваль. Такое время. Золото в земле. Дерьмо на поверхности. Да-да, такое время...

Внезапно он посмотрел на меня. Взгляд его был цепкий, колючий. Он как бы оценивал мои возможности. Затем, приблизив свою всклокоченную бороду к моей щеке, прошептал прямо в ухо:

— Вы думаете, у нас в России иначе? Как бы не так. Настоящих русских тоже давно не осталось. Мне еще повезло — я знал их лично. И Льва Толстого. И Чехова. И Станиславского... Где оно, это русское золото? В земле. А кто не умер своей смертью, тех истребили.

Я всем нутром почувствовал опасность в его словах. Нечто такое, о чем не следует говорить. Видно, на моем лице обозначилось такое смятение, что старик моментально осекся. Он отстранился от меня и каким-то склочным, скрипучим голосом воскликнул:

— Ай, не морочьте мне голову! Идите своей дорогой, молодой человек. Нету у меня тех книг, которых вы ищите...

Встречаясь с пленными, я вглядывался в их лица, пытаюсь определить, есть ли на ком из них печать убийцы и душегуба. Как назло, все они были расположены ко мне и по-дружески приветливы.

Однажды я решился подойти со скрипкой к стройплощадке. Поначалу пленные не обратили внимания на мое появление. Они ко мне привыкли. Но, когда я заиграл «Сурка» Бетховена, оживились, стали переглядываться, а кто-то даже спустился с лестницы, чтобы получше слышать. После Бетховена я сыграл «Колыбельную» Моцарта. Поощрительные реплики со всех сторон и благодарные аплодисменты вселяли уверенность. На подъеме я исполнил «Майскую песню»...

Кто-то крикнул «браво» и попросил повторить. Его поддержали другие. Я заново исполнил весь репертуар. Потом мне пришлось сделать это еще дважды...

В это время в конторке деда находились посетители, постоянные заказчики с консервного завода. Среди них была задиристая бабенка — тетя Клава, которую я недолюбливал. Когда-то она сделала деду выговор за то, что я вожу дружбу с Акимом.

— Подумайте, какое влияние на ребенка может оказать этот матерщинник и пьяница! — негодовала она.

Дед, не любивший вступать в бессмысленные споры, отделался философским замечанием:

— Если у человека нет ни одной низкой черты, ему никогда не стать великим...

Увидев мое выступление перед пленными немцами, тетя Клава пришла в негодование.

– Ты посмотри, Наумыч, – воскликнула она, указывая в сторону склада, – внук-то твой концерты фрицам устраивает! Они наших людей в печах жгли, насильничали, а он им на скрипочке...

Один из немцев, стоявший возле конторки, оправдываясь, сказал:

– Вир зинд кайне фашистен... «Рот Фронт»!

– Знаем мы вас, – метнула в его сторону лютый взгляд тетя Клава. – Это сейчас вы все – «Рот Фронт», а как на войне, так «Хайль Гитлер!»

– Гитлер капут! – с воодушевлением воскликнул немец.

Скандал с Клавдией поверг меня в уныние. Придя в тот день домой, я положил скрипку в чехол, который сшила бабушка, и дал себе слово никогда больше к ней не прикасаться.

Несколько дней я не появлялся у деда на базе. Аким даже поинтересовался, куда это я пропал. Дед сослался на мою занятость в школе. Но на другой день бабушка попросила отнести деду обед...

Когда я подходил к базе, то первыми, кого встретил, были Аким и скрипичный мастер из Дрездена. Они спокойно стояли рядом и курили. А со стороны склада до меня донеслись звуки губной гармошки. Я прислушался. Да ведь это «Майская песня» Моцарта, которую я играл пленным на скрипке!

Теперь кто-то из них повторял ее. Несколько мужских голосов тихо подпевали по-немецки:

Приди, весна, и снова
Пусть рощи расцветут...

Детский лепет: ИРИША

Оттремела Великая Отечественная война. Люди проявляли героизм не только на полях сражений, но и в глубоком тылу. Однажды шестилетняя Ириша, дочь крупного ученого-сахарника, случайно услышала по радио указ о награждении орденами и медалями тружеников тыла. Среди перечисленных прозвучала и фамилия ее отца. Он был награжден орденом Трудового Красного Знамени. Мама в этот момент развешивала во дворе постиранное белье. Не раздумывая, Ириша схватила репродуктор — круглую черную тарелку, висящую на стене, — и выбежала с ней во двор. Хотелось скорее донести радостную весть до мамы.

— Ирочка, в чем дело? — увидев дочь с репродуктором в руках, удивленно спросила мама.

— Вот... сказали, что папу наградили орденом!

В качестве подтверждения дочь протянула маме репродуктор. Но черная тарелка почему-то молчала...

Ириша трех с половиной лет терпеть не могла манную кашу. И никакие уговоры не имели успеха. Однажды во время прогулки девочка увидела киоск, где продавалось мороженое. Пломбир в стаканчиках. Такого она никогда не пробовала. У Ириши часто болело горло, и родители старались лишний раз не рисковать.

— По-моему, в этих стаканчиках что-то вкусное, — предположила Ириша, глядя на детей, которые с удовольствием их облизывали. — Хочу попробовать.

— Да это же манная каша, — ухмыльнулся папа. — Ты ее не любишь!

— Все равно хочу попробовать!

Папа все же решил побаловать дочь мороженым и купил стаканчик пломбира. Ириша попробовала и замерла от удовольствия.

— Вкусно? — спросил папа и засмеялся.

От счастья девочка не смогла даже ответить. Только моргнула утвердительно. А вернувшись домой, сразу же объявила:

— Бабушка, ты неправильно делаешь манную кашу! Ее надо делать в стаканчиках!

– Ириша, за тобой пришли, – сообщает няня в детском саду, заглядывая в группу.

– Кто пришел? – уточняет Ириша.

– Дядя Боря...

– Нет у меня никакого дяди Бори, – заявляет девочка.

– А я кто? – улыбается из-за спины няни гость.

– Ты – просто Боря. Зять моей бабушки.

Москва, конец 1940-х годов. Трудное, голодное время послевоенного возрождения. Семья москвичей – папа, мама и две сестрички, одиннадцати и шести лет, живут по строго заведенному распорядку. Кому-то с утра на работу. Кому-то в школу. А самой младшей в семье – Ирише – приходится оставаться дома на попечении старенькой няни или соседки-лифтерши. Случались, однако, экстраординарные ситуации, когда Иришу оставить было не с кем. Так и на этот раз. Пришлось старшей сестре, Лене, вести Иришу с собой в школу. Учительница согласилась «приютить» девочку... Урок начался с вопроса:

– Кто может рассказать стихотворение Пушкина «Песнь о вещем Олеге»?

Многие подняли руки. Глядя на них, протянула руку и сидящая на последней парте Ириша.

– Ты тоже? – удивилась учительница.

– Тоже! – бойко ответила Ириша.

– И можешь выйти к доске, рассказать?

– Могу...

Бедная Лена сторала со стыда. Ничего, кроме конфуза, она не ждала. Но младшая сестра уже у доски. В классе раздается ее звонкий, уверенный голос:

– Как ныне собирается вещей Олег... – и далее строфа за строфой так же звонко и без единой запинки.

– Молодчина! – воскликнула учительница. – За это тебе полагается награда.

Она протянула девочке бублик и две конфеты-подушечки. По тем временам царский подарок! Приняв его, Ириша воскликнула:

– А я могу еще много стихотворений рассказать!

Бабушка взяла Иришу в роддом встречать двоюродную сестричку. Девочка Ирише так понравилась, что она стала уговаривать бабушку взять ее к себе. Тетя Таня, мать девочки, шутя почти согласилась. Но бабушка стала серьезно объяснять Ирише, что ребеночку нельзя без мамы. Ему нужно грудное молочко, ничего другого он не ест...

— Не понимаю, бабушка! — возразила Ириша. — Почему это мы не можем прокормить девочку без тети Тани? Грудь у тебя есть. А молочко купим!

Иришу медом не корми, а дай покрасоваться у зеркала.

Особенно любит она прихорашиваться с помощью маминой косметики. Мама сердится:

— Ирка, я не разрешаю тебе трогать мою косметику! И вообще, сколько можно вертеться у зеркала?!

Дочь обиженно дуется:

— Хорошо тебе, мамочка, ты уже замужем.

Антон и Ириша — соседи по дому. Ему семь лет. Ей — шесть. Их совместные игры часто заканчиваются ссорой.

Вот очередная ссора. Ириша приходит домой в слезах.

— Что, опять Антоха? — сердится мама.

— Да... — всхлипывает дочь. — Обидел...

— Так не играй с ним! — требует мама. — Сколько раз говорила: ваши игры добром не кончаются.

— А почему... — плачет Ириша.

— Уж это, милая, тебе виднее... Ладно, хватит! — судя по тону, мама настроена решительно. — Давай договоримся — ты с Антоном больше не играешь. Я запрещаю тебе с ним играть!

— Ну, мамочка... — Иришин рев усиливается. — Пожалуйста... разреши мне с ним видаться...

Мама в недоумении:

— Почему? Сама же жалуешься, что тебя обижают.

— Потому что... — всхлипывая, говорит Ириша. — Потому что... Мне кажется, мамочка, что детская ссора — это... первая любовь...

ЛЮБОВЬ И ПОЭЗИЯ

«Одноколыбельники»

Тридцать первого августа 1941 года в Елабуге покончила с собой Марина Цветаева. За одиннадцать лет до этой трагедии ушел из жизни, тоже добровольно, ее собрат по перу Владимир Маяковский. Тогда, под впечатлением случившегося, Цветаева записала: «Двенадцать лет подряд человек Маяковский убивал в себе Маяковского-поэта, на тринадцатый поэт встал и человека убил». Бытовая подоплека поступка, на которую ссылался сам Маяковский, Цветаеву не устроила. Маяковский, считала она, принес свой дар в жертву режиму.

Кто лучше самой Цветаевой мог бы объяснить причину ее собственного ухода? Увы, в роковой день 31 августа 1941 года в заштатной Елабуге, куда забросила поэтессу горькая судьба беженки, у нее не хватило на это ни сил, ни времени. Нужно было успеть до возвращения сына с воскресника пожарить рыбу — отдать последнюю дань быту, с которым Цветаева сражалась всю жизнь, отвоевывая себе пространство для Бытия. В тот день ей предстояло отвоевывать себе пространство для Небытия.

«Я не хочу умереть, я хочу не быть».

В предсмертной записке сыну всего несколько строк: «Мурлыга! Прости меня, но дальше было бы хуже. Я тяжело больна, это уже не я. Люблю тебя безумно. Пойми, что я больше не могла жить. Передай папе и Але — если увидишь, — что любила их до последней минуты, и объясни, что попала в тупик».

Многие исследователи жизни и творчества Цветаевой так и считают: она попала в жернова быта. Трудности эмиграции, а затем необходимость вернуться на Родину усугубили ее зависимость от тягот реальности, практически отрешили от письменного стола, то есть от Поэзии, главного, а, может быть, единственного смысла ее пребывания на земле. Вместо этого — непрерывная череда кошмаров. Арест дочери и мужа, победоносное

приближение гитлеровских орд к Москве, эвакуация, наконец, беспросветная жуть нищенского существования в Елабуге... От рокового шага удерживала одна мысль — она нужна сыну, он без нее пропадет...

Теряясь в трагических предчувствиях, Цветаева опекает каждый его шаг. До поры до времени Мур терпит. Но, взрослея, все активнее пытается вырваться из-под материнской опеки. Начавшаяся война обостряет отношения. Муру уже шестнадцать. Как всякому юноше, ему хочется проявить себя. Вместе с друзьями он дежурит во время авианалетов, гасит зажигательные бомбы. Цветаева в ужасе. «Если бы я узнала, что он убит, — я бы, ни минуты не медля, бросилась бы из окна», — делится она своими переживаниями с тетрадью.

Решение об эвакуации из Москвы Цветаева принимает против воли Мура. Отрывает его от друзей. От появившейся недавно подруги...

Отношения Марины Ивановны с сыном дали повод Анастасии Ивановне, сестре поэтессы, предположить впоследствии, что в гибели Марины виноват Мур. Их ссоры Анастасия Ивановна считает «последней каплей», за которой последовала трагедия.

Много сторонников у версии о пагубной роли НКВД в организации того самого тупика, из которого Цветаева не смогла выбраться. Есть свидетели того, что ее запугивали, предлагали сотрудничать. За два дня до самоубийства Марины Ивановны Мур записал в дневнике, что матери предложили место переводчицы в НКВД. Совершенно очевидно — просто так подобные предложения не делались. Не исключено, что Цветаеву вовлекли в круговую поруку зла, опутавшую страну. Тогда-то перед ней и возникла дилемма — продать душу дьяволу или...

Она предпочла небытие.

Несмотря на правдоподобность последней версии, не будем спешить с выводами. Удивительно, что ни в одной попытке раскрыть причины самоубийства поэта не фигурирует муж Цветаевой, Сергей Яковлевич Эфрон. Между тем связь их судеб носит характер фатальной предопределенности. Эта мистика счастливых и трагических совпадений то озаряла, то обжигала их «совместность» (они появились на свет в один день, 26 сентября) до почти одновременной гибели в 1941 году.

Тайну такого единства до конца разгадать невозможно. Тем не менее попытаемся что-то в ней понять. Поддержав себя убеждением: чтобы познать тайну смерти поэта, надо познать тайну его любви.

Начало было в Крыму.

Пятого мая 1911 года на пустынном коктебельском пляже восемнадцатилетняя Марина увидела красивого юношу, перебиравшего гальку, которой был усеян берег. Ее поразили глаза молодого человека — огромные, серо-голубые, печальные. Она вдруг почувствовала, что погружается в голубизну этих глаз, как в омут. И тут же загадала: если он отыщет и подарит ей сердолик — любимый ее камень, она станет его женой. Из груди камней юноша извлек один-единственный — это был сердолик — и протянул Марине.

Вся предыдущая жизнь врозь вдруг оказалась лишь подготовкой к их «вместе». Незадолго до коктебельской встречи Марина пережила тяжелую драму — совершила попытку самоубийства. Необдуманный романтический порыв закончился, к счастью, благополучно. Револьвер дал осечку. Сергей в момент их знакомства переживал свою трагедию: совсем незадолго до этого в Париже повесился его четырнадцатилетний брат и следом за ним, на том же гвозде, не выдержавшая горя мать.

Объединенные смертью, Марина и Сергей бросились друг другу в объятия. Чтобы выжить. Витавшая вокруг смерть вдруг обернулась любовью...

На вопрос, кто же его невеста, Сергей с гордостью сообщал: «Это самая великая поэтесса в мире, зовут Ее Марина Цветаева». — «А на что же вы будете жить?» — допытывалась сестра. — «Не беспокойся, Марина богатая, первое время проживем “так”, а потом будем зарабатывать». — «Чем?» — «Марина — стихами, я — прозой».

Безмятежное счастье молодых омрачало одно обстоятельство: болезнь Сергея. Туберкулез — родовое проклятие семьи Эфронов — не обошел стороной и этого хрупкого юношу. Марина с жаром взялась за его лечение. Повезла на кумыс в уфимские степи. Горячо поддержала идею провести зиму в Крыму, на чем настаивали врачи. Марина с детства отличалась особым чувством «чужой беды», умением понять слабого, обездоленного, страдающего — всякого, кому нужны помощь и человеческое участие.

Теперь, когда речь шла о муже, самом дорогом человеке на свете, это ее качество проявилось с особой силой. В ее женской любви к Сергею несомненно присутствовало и материнское начало...

Понять и принять чужую боль способен лишь человек, сам испытывавший нечто подобное. Но где и когда в сказочно счастливым (если судить по стихам) детстве Марины Цветаевой появляется трещина, впуславшая в ее мир демонов отверженности, тоски, одиночества? Очевидно, это произошло достаточно рано: ведь ее мать, Мария Александровна, никогда не скрывала, что рождение дочери было для нее большим разочарованием. Она мечтала о сыне. Тонкая, ранимая душа Марины с детства познала, что такое страдание. Тоска по ласке пройдет сквозь всю ее жизнь, даст толчок неумной фантазии, подвигнет на уход от действительности в вымышленный, волшебный мир грез. В нем нелюбимое дитя превратится в добрую, обожаемую всеми волшебницу, бескорыстно одаривающую всех страждущих теплом и участием. А мать, вопреки уже проявившемуся призванию дочери, заставляла ее по четыре часа в день просиживать за роялем. Мечтала сделать из нее пианистку...

Профессор Цветаев в воспитании детей не участвовал. Великий труженик, он, кроме руководства Румянцевской библиотекой и лекций в Московском университете, был погружен в создание главного детища своей жизни — Музея (ныне — всемирно известный Музей изобразительных искусств имени А.С. Пушкина). Сестры Цветаевы называли музей своим «старшим братом», в течение многих лет он был полноценным «членом семьи» и рос одновременно с детьми, пока, наконец, в 1912 году, в присутствии царской фамилии, не состоялось его торжественное открытие.

Мария Александровна до этого долгожданного дня не дожила. Она умерла от чахотки, когда Марине было четырнадцать, Анастасии — двенадцать.

Свой путь одиночества до встречи с Мариной прошел и юный Сергей Эфрон. Родился он шестым ребенком в семье, где было девять детей. Отец его, Яков Эфрон, и мать, Елизавета Дурново, стали известными революционерами, членами тайного общества «Земля и воля», выполнявшими самые опасные партийные поручения. После поражения революции 1905 года, спасаясь от неминуемой каторги, Яков Эфрон и Елизавета Дурново эмигрируют во Францию. Прожив там семь лет, Елизавета Петровна траги-

чески уйдет из жизни вслед за сыном, единственным из детей, разделившим ее изгнание.

Как и обещал Сергей своей старшей сестре, они с Мариной с головой ушли в творчество и уже спустя несколько месяцев после венчания издали две книги – стихи Цветаевой «Волшебный фонарь» и прозу Эфрона «Детство». Марина посвятила книгу Сергею, а он свою – ей.

Осенью того же, 1912 года, у молодой четы появляется еще один плод счастливой любви – дочь Аля. Сергей не мог не сознавать всю «неравность» своего брака с Мариной – разницу их одаренности. Возможно, это подтолкнуло его к мысли оставить литературу и попытаться счастья на ином поприще – театральном. Верные общим романтическим устремлениям, они с этого момента позволили себе в реальной жизни идти по разным дорогам.

Познав в полной мере счастье материнства, насладившись им сначала в отношениях с мужем, а затем и родив ребенка, Марина обнаружила в себе (а, возможно, никогда его и не теряла) неудовлетворенное чувство все того же сиротства. Как мать, она отдавала свое тепло и ласку другим. Как сирота, она по-прежнему была обездоленной. Муж, дитя, – этого ей было мало. Тем более, Сергей всегда оставался для нее большим ребенком...

К этому времени относится начало знакомства Цветаевой с поэтессой Софьей Парнок, «демонической женщиной», известной в литературных салонах Москвы не только своими стихами, но еще более скандальными связями с другими женщинами. Красивая, независимая, несомненно, талантливая, Парнок сразу распознала в Цветаевой то, чего не замечали другие, – потребность в материнском участии. Что-что, а уж это Софья Парнок со своим многолетним опытом однополой любви (она была на семь лет старше Цветаевой) дарить своим партнершам умела.

Новое, необычное чувство скоро переросло в бурный роман. Забыв о муже и ребенке, совершенно потеряв голову, Цветаева бросилась в омут вспыхнувшей страсти.

Я Вас люблю. – Как грозовая туча
Над Вами – грех –
За то, что Вы язвительны и жгучи
И лучше всех...

Как же отнестя к скандальному увлечению жены любимый ее Сережа? Говорят, он сам переживал в это время роман с другой женщиной. Или таким образом сам спасался от переживаний? Будучи творческим человеком, Сергей понимал: поэзия, тем более, поэзия его жены, требует редкого «жара души», особого ее состояния, которое могут дать только новые, неизведанные эмоции.

Душевное смятение Сергея, которое он до поры до времени таит, требует выхода. Неожиданное разрешение предлагает сама История. Начинается Первая мировая война, и он тут же решает идти добровольцем на фронт. Весть об этом застаёт Цветаеву в Белоруссии, где она вместе с Парнок проводит время на водах. И там на нее будто нисходит прозрение. В Москву, сестре Сергея, летит письмо, полное отчаяния и тревоги.

«...Я уже 8 дней не знаю, где Сережа, и пишу ему наугад то в Белосток, то в Москву, без надежды на скорый ответ. Сережу я люблю на всю жизнь, он мне родной, никогда и никуда от него не уйду».

В своем прозрении Цветаева вдруг обнаруживает, что Парнок — законченная эгоистка, деспот, к тому же безумно ревнива. Это вызывает раздражение, досаду, даже негодование.

Когда два десятилетия спустя, находясь в эмиграции, Цветаева узнала о смерти Парнок, она прореагировала на это известие спокойно. «Ну и что, что умерла? Ведь и я когда-нибудь умру... Ведь она умерла во мне, для меня — лет двадцать назад...»

Дар поэта помогал Цветаевой укрываться от тягот действительности в возведенной ею башне Высокой поэзии. Сергею Эфрону некуда было укрыться, подобное укрепление построить для себя ему не удалось, и он вынужден был в полной мере испытать все перипетии реальной российской истории.

Эфрон стал офицером Добровольческой армии и, сражаясь с большевиками сначала на Дону, а затем в Крыму, в конце концов разделил горькую долю тысяч и тысяч соратников по оружию, оказавшихся в эмиграции. Более четырех лет Марина ничего не знала о муже — жив ли, а если жив, то где?.. В полном неведении насчет его судьбы, в голодной и холодной послереволюционной Москве, она буквально борется за выживание — свое и детей (Ирина, вторая дочь Цветаевой и Эфрона, родилась перед самой революцией и, прожив всего три года, умерла в одном из подмосковных приютов).

Марину спасает поэзия. Несмотря ни на что, она продолжает писать. Стихи той поры адресованы мужу — «белому лебедю», чей героический образ воина, рыцаря, «вечного добровольца», ведущего битву со Злом, она считает своим долгом запечатлеть навечно.

Писала я на аспидной доске
И на листочках вееров поблеклых,
И на речном, и на морском песке,
Коньками по льду и кольцом на стеклах, —

И на стволах, которым сотни зим,
И, наконец — чтоб было всем известно! —
Что ты любим! любим! любим! — любим! —
Расписывалась — радугой небесной.

Поддерживая в себе веру, что ее Сережа жив, Цветаева пишет ему целую тетрадь писем.

«Я не знаю, как Вам писать. Когда я Вам пишу, Вы — есть...»

Ради любимого она готова на все:

«Если Бог сделает чудо — оставит Вас в живых, я буду ходить за Вами, как собака...»

Интуиция подсказывает ей, что чудо еще возможно. Цветаева не ошиблась и на этот раз. Четырнадцатого июля 1921 года Марина получает через Илью Эренбурга драгоценную весть: Сергей жив и находится в Константинополе.

«Мой милый друг — Мариночка, — читает она первую восточку от мужа, — сегодня получил письмо от Ильи Григорьевича, что Вы живы и здоровы. Прочитав письмо, я пробродил весь день по городу, обезумев от радости... Я живу верой в нашу встречу. Без Вас для меня не будет жизни, живите! Я ничего от Вас не буду требовать — мне ничего не нужно, кроме того, чтобы Вы были живы...»

Наша встреча с Вами была величайшим чудом, и еще большим чудом будет наша встреча грядущая...»

Ответ (через того же Эренбурга) летит незамедлительно.

«Мой Сереженька! Если от счастья не умирают, то — во всяком случае — каменеют. Только что получила Ваше письмо. Закаменела...»

Итак, связь налажена. Сомнений «ехать — не ехать» не существует. Оба знают, что они созданы друг для друга и должны быть вместе. Наступает 11 мая 1922 года — день отъезда Цветаевой и десятилетней Али в Берлин.

Сергей к тому времени уже в Праге — поступил в Карлов университет, стал студентом и с нетерпением ждет воссоединения с семьей. Когда-то он сказал сестре, что его будущая жена — великий поэт. Наверное, тогда это казалось преувеличением. Теперь, спустя десятилетие, Цветаева действительно пользовалась славой «главного русского поэта». Вопреки тяготам жизни она сумела взойти на вершину, которую наметила себе еще в юности. Сергей же, несмотря на свои двадцать девять лет, оставался все тем же мальчиком — большеглазым, худым, болезненным, сиротливо одиноким и нуждающимся в материнской опеке... Создавалось впечатление, будто жизнь, совершив большой круг, пошла на второй, повторяя уже прожитые и знакомые ситуации. Снова Цветаева не столько жена, сколько мать, со всем грузом все тех же проблем. Заработок. Жилье. Пропитание. Готовка...

Краткое пребывание в Германии сменилось затяжной борьбой с бытом в Чехии. С трудом удается Цветаевой отвоевывать себе место и время для творчества. Все считают ее сильной, выносливой, да и она сама называет себя семижильной. Но кто бы знал, как нелегко ей приходится, как хочется снова и снова почувствовать себя слабой, беззащитной — все тем же ребенком, мечтающим укрыться от бед и земных забот под материнским крылом... Иллюзию подобного счастья когда-то подарила Софья Парнок. Найдется ли теперь такой человек?

Друг Сергея Эфрона, тоже эмигрант и студент-правовед Карлова университета, Константин Родзевич слыл в своем кругу «маленьким Казановой». Все знали о его слабости по отношению к женскому полу. Родзевич поразил Цветаеву тем, что вообще не любил стихов. И не побоялся в этом признаться. Новые знакомые обычно спешили выразить ей свое восхищение. Родзевич же увидел в Цветаевой не поэта, а прежде всего женщину. И это не могло не найти в ее сердце горячего отклика.

Довольно долго их роман продолжался, не переходя рамок дозволенного. Платонические страсти, вообще, были в духе Марины. Она увлекалась многими мужчинами. Некоторым посвящала стихи. Достаточно было, чтобы человек потянулся к ней,

попросил поддержки — тут же включалось могучее цветаевское воображение, и заурядная личность перевоплощалась в героя, которого она дорисовывала соответственно своим романтическим представлениям об идеальном мужчине.

«Я в первый раз люблю счастливого, — признавалась она Родзевичу под впечатлением от очередного свидания, — и, может быть, в первый раз ищу счастья, а не потери, хочу взять, а не дать, быть, а не пропасть. Я в Вас чувствую силу, этого во мне никогда не было...»

Да, с Родзевичем Цветаева «в первый раз» по-настоящему изменила Сергею. И вскоре он об этом узнал. Потрясение оказалось для него ужасным. Деликатный, благородный Сергей, никогда не сковывавший свободы своей жены, на этот раз взбунтовался. Он предложил расстаться. Теперь Марина, в свою очередь, испытала шок. После нескольких бессонных ночей она наконец решила: Сергей — это навсегда, остальное — эпизоды, от которых хоть и трудно, но можно отказаться.

Выиграла, как всегда, Поэзия. Итогом последнего увлечения стали две поэмы: «Поэма Горы» и «Поэма Конца» — может быть, самое великое из того, что было создано ею за годы эмиграции.

Первого февраля 1925 года у Марины Цветаевой и Сергея Эфрона родился сын Георгий (домашнее имя — Мур). Спустя несколько месяцев, осенью того же года, семья переезжает в Париж. Признанный центр русской эмиграции встретил Марину Ивановну с восторгом. Почитатели устраивали литературные вечера, которые приносили Цветаевой не только успех, но и давали приличный заработок. Наконец-то она смогла позволить себе летний отдых с детьми у моря.

Жизнь Сергея складывалась не столь успешно. Снова рецидивы туберкулеза и необходимость по несколько месяцев проводить в санаториях... Полное равнодушие к полученной в Чехии профессии правоведа. Вдобавок ко всему — горькое разочарование в Белом движении: «Мы потерпели поражение в этой борьбе и стали духовными изгоями».

В Париже Эфрон становится одним из создателей «Общества возвращенцев» — желающих вернуться в Россию среди эмигрантов было достаточно. Одного не знал, да и не мог знать наивный, доверчивый Сергей Яковлевич: на него давно «положили глаз» профессиональные ловцы душ из НКВД.

О том, что ее муж стал тайным агентом НКВД, Марина, естественно, не подозревала.

Гром разразился в 1937 году, когда в Швейцарии был убит резидент советской разведки Игнатий Рейс. Незадолго до этого тот публично обвинил Сталина в терроре и объявил, что порывает с кровавым режимом. Возмездие последовало незамедлительно. Тело бывшего резидента было обнаружено в брошенной под Лозанной машине. Вскоре во всех швейцарских и французских газетах появилось сенсационное сообщение: водитель автомобиля арестован, а организатором убийства является русский эмигрант и тайный агент НКВД Сергей Эфрон. Ему пришлось бежать, благо помогли те же «компетентные лица»...

Трудно представить, в каком жутком состоянии находилась в те дни Цветаева. Отнюдь не вся русская эмиграция была настроена так же, как ее муж. Большая часть по-прежнему ненавидела большевиков. Положение жены агента НКВД было поистине невыносимым. Фактически Цветаевой объявили бойкот. Никакой возможности издаваться, то есть зарабатывать на жизнь, у нее теперь не было. Старшая дочь Ариадна, всецело разделявшая взгляды отца, тоже поспешила на родину. Рвался туда и Мур... Цветаева прекрасно понимала, что ничего хорошего их там не ждет. Дар провидицы ее никогда не обманывал. Выбора, однако, не было. Она должна находиться там, где Сергей.

Разбирая старые тетради, Цветаева находит неотправленное письмо мужу: «Если Бог сделает чудо — оставит Вас в живых, я буду ходить за Вами, как собака...» И теперь, двадцать лет спустя, допишет: «Вот и пойду — как собака...» Будто огласит себе приговор.

То, что произошло с семьей Марины Цветаевой в Советском Союзе, хорошо известно. В конце лета 1939 года, через два месяца после возвращения, была арестована дочь Аля, потом Сергей Эфрон... Почти два года Цветаева тщетно пытается отстоять дорогих ей людей, доказывая в письмах Сталину и Берии их невиновность. Война с Германией обостряет ситуацию. Цветаевой приходится эвакуироваться из Москвы. Волею судеб она с Муром оказывается в провинциальной Елабуге. Считается, что именно здесь сопротивляемость этой «семижилной» женщины была сломлена, повзрослевший к тому времени сын перестал ее понимать, и от постоянного напряжения она заболела душевной

болезнью. Ничего уже не писала и давно задумала добровольно уйти из жизни...

Если следовать реальному ходу событий, подобное объяснение тому, что произошло 31 августа 1941 года в Елабуге, наверное, можно считать исчерпывающим. Но вспомним поразительные пророчества Цветаевой.

В день рождения сына она вся в тревожных предчувствиях — мальчику же «на войну придется»... И ведь не ошиблась. Ровно через девятнадцать лет молодой боец Красной армии Георгий Эфрон отправится на войну и сложит голову в первой же атаке...

Предугадает она и тяжкую долю своей дочери Ариадны. Девочке едва исполнился год, а Цветаева останавливает за руку будущиx ее палачей:

Аля! — Маленькая тень
На огромном горизонте.
Тщетно говорю: не троньте...

В беспросветной жути голодного 1921-го, в тревоге за судьбу мужа и в постоянных мыслях о смерти Цветаева пишет пронзительные стихи, предвосхищая свой и его конец:

Пусть весь свет идет к концу —
Достою у всенощной!
Чем с другим каким к венцу —
Так с тобою к стеночке.
— Ну-кошь, до меня охоч!
Не зевай, брательники!
Так вдвоем и канем в ночь:
Одноколыбельники.

И за этим пророчеством — страшные факты последних дней и часов жизни Марины Цветаевой и Сергея Эфрона...

Перед нами протоколы допросов арестованного по обвинению в «измене Родине» бывшего белоэмигранта Сергея Эфрона. Первый датирован 10 октября 1939 года. И только восемь месяцев спустя, 9 июня следующего, 1940 года, он признает себя «французским шпионом», чего от него так долго добивались. Поду-

мать только! Восемь месяцев истязаний, прежде чем палачам удастся заполучить у доведенного почти до умопомешательства человека нужную подпись. Изломанную, неузнаваемо исковерканную, буквально забрызганную кровью... А тринадцать дней спустя Эфрон от своих показаний отказывается. Наотрез. И уже стоит на своем до конца...

Что произошло? Откуда у этого, казалось бы, совершенно уже раздавленного человека такое мужество?

Цветаева всегда романтизировала своих героев, одаривала их чертами, которыми реальные прототипы, как правило, не обладали. Единственный, кому она посвящала стихи всю жизнь, а значит, верила в него постоянно, был ее муж.

В его лице я рыцарству верна, —
 Всем вам, кто жил и умирал без страху!
 Такие — в роковые времена —
 Слагают стансы — и идут на плаху.

Написанные в счастливое коктебельское лето, эти стихи потрясают своей прозорливостью. Цветаева не ошиблась — «в роковые времена» Сергей сумел подняться на ту высоту, на какую вознесла его когда-то поэтическая фантазия.

Марина всю жизнь окликала Сергея, и оклик до него всегда доходил. Может быть, и в свой смертный час, в провалах угасающего сознания он услышал голос жены? А Марина жила и создавала стихи, пока чувствовала стук его сердца? Но ритм прервался, исчезли и стихи...

Утверждали, что Цветаева покончила с собой потому, что не разрешили переехать из Елабуги в Чистополь. Там находились семьи знакомых писателей, среди них было бы не так одиноко... Еще говорили, что ее толкнуло на это отчаяние: не получила даже места посудомойки в столовой Литфонда. Потом выяснилось, что и в Чистополь переехать разрешили. И место посудомойки обещали.

Бытовая подоплека в принципе не имеет значения. За ней просматривается нечто большее: легендарность судьбы. То ли жизнь, ставшая вымыслом. То ли вымысел, воплотившийся в жизнь... До конца этого не узнает никто. Это только их тайна, тайна двух влюбленных. Их общей трагедии. И общего счастья.

Марина Цветаева и Арсений Тарковский

Волшебница

Мужчины ее не любили. Однако количество «романов», которые довелось ей пережить, трудно подсчитать. Гениальный поэт-романтик, Марина Цветаева умела увлечь человека в созданный ее воображением мир, поднять его на такую высоту, где терялась какая бы то ни было ориентация, в том числе сексуальная. В Цветаевой было много мужского. Но хватало и женского. Она с одинаковой страстью любила женщин и отдавалась мужчинам (как правило, воображаемым). Фрейд давно разгадал тайну подобного феномена, дав ему научное определение — бисексуальность. Сожительство в одном индивидууме двух начал — мужского и женского. Их противостояние при выборе партнера... В случае с Мариной Цветаевой она своим поведением доказала, что женского в ней все-таки больше. Ее связи с мужчинами обычно бывали бурными, но короткими.

Встретила... Загорелась... Нафантазировала... Влюбилась... Переплавила очередной ураган чувств в чеканную формулу стиха и... будьте здоровы! Знать не знаю, ведать не ведаю, кто же их «лунный папа». То ли по близорукости, то ли по забывчивости, а скорее всего, по укоренившейся привычке вычеркивать бывшего возлюбленного из своей жизни. Доходило до курьезов. Например, во время новогоднего бала-маскарада перед нею внезапно возник недавний возлюбленный.

— Вы меня не узнаете?

— Нет.

— Неужели Вы меня и впрямь не узнаете?

— Нет-нет, я решительно вижу Вас впервые!

Смутилась слегка, когда он напомнил свое имя.

— Вы? Извините, ради Бога, но я так плохо вижу, и к тому же у Вас тогда были усы.

— У меня — усы? — человек был по-настоящему уязвлен. — Я в жизни не носил усы!..

Кто ж ее такую полюбит? Тем не менее отточенная годами модель соблазна срабатывала безукоризненно. Цветаева, несо-

мненно, обладала способностью привораживать, околдовывать людей. Особенно на первой стадии знакомства. На той стадии, когда могучее цветаевское воображение дорисовывало, достраивало объект своей страсти, и обыкновенный человек самых средних возможностей вдруг обретал героические черты рыцаря, в которого нельзя было не влюбиться. И она влюблялась. И поток стихов, спровоцированных новым чувством, казался неиссякаемым. Но вот поставлена последняя точка, когда и чувства, и стихи исчерпаны. Тут-то и приходит осознание, что любила вовсе не человека, а свою собственную Любовь. Очередная страничка «романа с собственной душой». Многих поклонников Цветаевой настораживал другой ее роман — «со Смертью», страницы которого (стихи, проза, дневниковые записи, письма) носили провидческий характер.

Незадолго до рокового шага в Елабуге Цветаева написала берущие за душу слова: «Никто не видит — не знает, — что я год уже ищу глазами крюк... Я год примеряю смерть...» Увы, примерка эта началась гораздо раньше и растянулась на целых три с половиной десятилетия: со дня похорон матери — в четырнадцать лет; первой попытки самоубийства — в семнадцать; в постоянных заклинаниях: «Зачем длить муку, если можно не мучиться» — в тридцать; и далее — до полученной будто свыше команды: «О, Смерть, скорее в путь!»

Трудно представить, какое впечатление в царящем повсюду мраке отчаяния и жути произвел на Цветаеву полученный подарок — книга переводов из восточной поэзии молодого поэта-переводчика Арсения Тарковского, отца будущего великого кинорежиссера Андрея Тарковского. Подарок вызывает у Цветаевой шквал эмоций. Значит, кто-то помнит о ней? Значит, кому-то она еще нужна? Когда-то она написала: «Моя нужда от человека — любовь. Моя любовь и, если уж будет такое чудо, его любовь...» К тому же Цветаева знала по себе, как важен для начинающего автора искренний, идущий от сердца отклик...

«Милый товарищ Тарковский, Ваш перевод — прелесть. Что Вы можете — сами? Потому что за другого Вы можете все. Найдите (полюбите) — слова у Вас будут. Скоро Вас позову в гости — вечером — послушать стихи (мои), из будущей книги. Поэтому — дайте мне Ваш адрес, чтобы приглашение не блуждало — или не лежало — как это письмо. Я бы очень просила Вас

этого моего письмеца никому не показывать, я — человек уединенный и я пишу — Вам — зачем Вам другие? (руки и глаза)...

Всякая рукопись — беззащитна. Я вся — рукопись».

Птица со сломанным крылом

Женщины его обожали. Высокий, статный красавец с удлинённым благородным лицом, блестяще образованный и безмерно талантливый, поэт Арсений Тарковский умел восхищаться гармонией и красотой мироздания. Чувствовать в природе не хаос, ставящий перед человеком вечные вопросы бытия, а стройную архитектуру небесного и земного в их величавом единстве. Именно такое видение составляло пафос его поэзии. Во многом оно шло от отца, известного народовольца-революционера Александра Карловича Тарковского, целью жизни которого было свержение самодержавия в России — уродства, дискредитирующего вселенский миропорядок. Оба они, и отец, и сын, остро ощущали радость жизни и ее драматизм. И оба — каждый в свое время — были обласканы судьбой и этой же судьбой недооценены. Александр Карлович, человек, владеющий семью европейскими и двумя древними языками, лучшую часть жизни провел в царских застенках. Арсений Тарковский всегда считался переводчиком чужой поэзии и книгу своих стихов увидел лишь в возрасте пятидесяти пяти лет. Парадокс его творческой судьбы состоял в том, что, еще не издав собственных творений, он был известен любителям поэзии как один из выдающихся поэтов современности. То, что Тарковский не просто литератор, а поэт Божьей милостью, Марина Цветаева поняла одна из первых...

Мое знакомство с Арсением Александровичем Тарковским состоялось во время работы над документальным фильмом «Гибель Марины Цветаевой», в 1987 году. Я был автором сценария и свою задачу сформулировал для себя как еще одну (на этот раз телевизионную) попытку докопаться до первопричины рокового шага, совершенного Цветаевой в Елабуге. В поисках разгадки мы с режиссером решили обратиться к живым свидетелям жизненной драмы поэта. В частности, к Тарковскому, чьи отношения с Цветаевой, оказавшейся уже на излете земного существования, принято считать ее последней романтической связью.

Стараниями Татьяны Алексеевны, жены Тарковского, съемки были организованы в Доме творчества «Перedelкино», где они тогда проживали. Так вышло, что съемочная группа была приглашена туда в канун сороковин умершего в Париже Андрея Тарковского — сына Арсения Александровича. По той заинтересованности, с какой Татьяна Алексеевна отнеслась к нашему появлению, можно было понять, что она рада любой возможности отвлечь мужа от тяжелых переживаний, вывести его из состояния глубокой депрессии... В свои восемьдесят лет Арсений Тарковский довольно легко передвигался на костылях. Во время войны он лишился ноги, что, по словам Татьяны Алексеевны, лично для нее имело судьбоносное значение. Предлагая ей руку и сердце, Арсений Александрович спросил, готова ли она стать его второй ногой. Она не возражала. Это был третий брак Тарковского, давший ему повод прийти к любопытному умозаключению: «Каждая следующая жена хуже предыдущей». Рассказывая об этом, Татьяна Алексеевна явно старалась разговорить мужа, увлечь предстоящей съемкой... Тарковский молча кивал, но его огромные, полные тоски и печали глаза казались при этом застывшими. На просьбу рассказать что-либо о Цветаевой он произнес лишь две фразы: «Она была страшно несчастная» и «Я любил ее, но с ней было тяжело». Сколько ни билась Татьяна Алексеевна, пытаясь нам помочь, ничего, кроме этих слов, мы не услышали. Съемку пришлось прекратить. Прощаясь с нами, Татьяна Алексеевна печально сказала:

— Когда я впервые увидела его на костылях, передо мной возник образ птицы со сломанным крылом. Сейчас к этому можно добавить и разбитое сердце...

После такого удара, как смерть сына, Арсению Александровичу восстановиться уже не удалось. При всей удачливости своей судьбы — в войну был тяжело ранен, но остался жив; признавался лучшим поэтом-переводчиком, а мог оказаться под катком сталинских репрессий; в конце концов, издал более десятка собственных книг, хотя долго это представлялось невозможным, — поэт Тарковский подспудно вынашивал в душе ощущение обреченности, которое неизбежно подтачивало радость земного существования.

... Судьба по следу шла за нами,
Как сумасшедший с бритвою в руке.

Встреча

Сначала завязался эпистолярный «роман». Это было в октябре 1940-го, примерно через год после возвращения Цветаевой из эмиграции. Привычная для нее завязка «сюжета». А вскоре в доме переводчицы Нины Яковлевой произошла личная встреча двух поэтов.

«Мне хорошо запомнился этот день, — вспоминала Яковлева. — Я зачем-то вышла из комнаты. Когда вернулась, они сидели рядом на диване. По их взволнованным лицам я поняла: так было у Дункан с Есениным. Встретились. Взметнулись. Метнулись. Поэт к поэту. В народе говорят: “Любовь с первого взгляда”...»

Тарковский был молод, талантлив, красив, а главное — боготворил Цветаеву-поэта. Что нужно женщине, волею судьбы оказавшейся совершенно одинокой, всеми забытой и даже, как считали многие, опасной для общения? Вместе с сыном-подростком она ютится по углам, переезжает с квартиры на квартиру. Муж и дочь арестованы. Средств к существованию почти никаких. То, что привезено из эмиграции, быстро расходуется. Цветаевой кажется, что все кончено. Ибо кончено главное, что в ней было, — способность любить.

«Я, когда не люблю, — не я... Я так давно — не я...»

И вдруг всплеск забытых чувств... Встреча... Долгие прогулки по Москве. И стихи, которые они взахлеб читают друг другу. Среди них, возможно, и это — Тарковского:

Мне стыдно руки жать лъстецам,
Лжецам, вора́м и подлецам,
Прощаясь, улыбаться им
И их любовницам дрянным...
Уйдем отсюда навсегда.
Там — тишина, и поезда,
Мосты, и башни, и трава,
И глаз дневная синева,
Река — и эхо гулких гор,
И пуля звонкая в упор.

Стихи бесстрашного человека! 1938 год. Разгар сталинских репрессий. Атмосфера мандельштамовских открытий: «Мы

живем, под собою не чуя страны, Наши речи за десять шагов не слышны». Не из того ли ряда стихи молодого переводчика? Мандельштам поплатился за свои откровения жизнью. Тарковского Бог миловал. Может быть, сыграла свою роль удачливость, унаследованная от отца, Александра Карловича? Тот тоже когда-то ходил по лезвию ножа, пока в особом отделе Первой Конной армии Буденного разбирались с его документами. В частности, с приглашением некоего пана Юзефа посетить Польшу. В то время отношения между странами были крайне напряженными. Польшей правил заклятый враг советской власти маршал Пилсудский. И если бы особистам Конармии удалось все-таки докопаться, кто же выступает под именем пана Юзефа, приглашение Александру Карловичу можно было смело считать приглашением на тот свет. Потому что под именем Юзеф скрывался не кто иной, как сам маршал Пилсудский, оказавшийся родственником Тарковских. Спасло Александра Карловича письмо Ленина, адресованное лично ему. С просьбой написать воспоминания о «Народной воле»... В связи с таким поворотом событий дело о таинственном приглашении было закрыто.

Мифология любви

«Роман» с Тарковским — благодатный сюжет для разного рода домыслов и легенд. Конечно же многое, известное о нем, идет от самой Цветаевой, от ее видения их отношений. Вполне возможно, что Тарковскому представлялось все иначе. Он действительно превозносил Цветаеву как поэта, но фраза о «любви с первого взгляда» из приведенных выше воспоминаний Яковлевой кажется экзальтированной. Скорее, правы те, кто называет их отношения пылкой дружбой. Но Цветаева — как уже было отмечено — влюблялась не в человека, а в собственное состояние влюбленности. Вот впечатление еще одного очевидца — поэта и художника А. Штейнберга:

«Я видел Цветаеву всего один раз в жизни... Это было перед войной. Я стоял в Гослитиздате в очереди за деньгами... Было много народу. Вдруг кто-то толкает меня в бок и показывает: Цветаева... Я увидел старую женщину, неухоженную, видно, махнувшую на себя рукой. Какая-то отчужденная от окружающих,

с очень замкнутым лицом. И вдруг лицо ее преобразилось, стало женственным, счастливым, ожидающим. Она вся потянулась навстречу кому-то, только что вошедшему. Я оглянулся и увидел Тарковского... Эту картину я совершенно отчетливо вспомнил на "Жизели" с Улановой... Она видит принца и идет к нему. Она просто идет через всю сцену, но это было гениально сыграно. "Жизель" преобразилась. Это Женщина, Любовь, Ожидание шли к мужчине...»

Цветаева остро переживала разницу в их возрасте: ему — тридцать три, возраст Христа. Ей — сорок восемь.

«Я очень постарела... почти вся голова седая... и морда зеленая: в цвет глаз, никакого отличия...»

Такой она видела себя в зеркале. Но если бы кто-то сумел заглянуть в душу... Все та же молодость чувств... Внутренняя стойкость... Несгибаемость... И конечно же цветаевская гордость. И как следствие — полное одиночество.

Одна из последних фраз ее дневника: «Спасаются только те, кого кто-нибудь ждет».

Действительно так, или опять нафантазировала — ей чудятся волны любви, идущие от молодого Тарковского. То, чего ей так не хватало в последнее время. Она отвечает тем же. И будто возвращается молодость. Оказывается, не все еще утрачено. И способность любить... И талант... И до стихов, кажется, не так уж далеко.

«Во мне — таинственно! — уцелела невинность: первого дня, весь первый день с его восхищением — изумлением — и доверием...»

Знавшие ее люди прекрасно все понимали. Тогдашняя жена Тарковского — Тоня — хоть и ревновала, но не препятствовала встречам мужа с отверженной многими «белогвардейкой». Не только по доброте своей, но и опасаясь наговоров и колдовских чар, которыми Цветаева, по ее мнению, обладала. Достаточно было взглянуть в ее зеленые русалочки глаза... Цветаева в свою очередь уверяла Тарковского, что видела ночью лицо Тони, прильнувшее к ее окну в комнате на седьмом этаже. Тоже боялась... В эти последние месяцы своей горемычной жизни Цветаеву одолевали страхи. Иначе чем объяснить ее поступок, когда однажды она позвонила Тарковскому в два часа ночи и сообщила, что у нее оказался его платок. Какой платок? И зачем по этому поводу звонить ночью?! Нет, она должна немедленно

его вернуть. На платке метка — «А.Т.» Но у него никогда не было платков с метками! Нет, это его платок, и на нем его метка. Сейчас она придет и вернет.

— Вы с ума сошли, Марина, — пытался убедить ее Тарковский, — сейчас два часа ночи, вам идти целый час, а потом мне надо будет вас провожать... Давайте я приду за ним завтра.

Нет, она должна вернуть платок сейчас же... Настаивает так, будто решается вопрос жизни и смерти. Как могла, бежала от одиночества. Жаловалась возмущенно — почему Москва «не вмещает» ее? Почему вышвыривает? Ведь их род — Цветаевых — буквально задарил Москву. Отец, Иван Владимирович, создал прекрасный Музей изящных искусств. Три огромные цветаевские библиотеки подарены городу (в будущем найдут себе место в Ленинке). А сколько стихов, подлинных поэтических шедевров, посвящены Москве!

Горьки записи Цветаевой тех дней:

«Меня жизнь за этот год — добила».

«Исхода не вижу... Взываю о помощи...»

Сказано тихо, но похоже на глас вопиющего в пустыне. Крик обреченного!..

На одном из поэтических вечеров, все у той же Яковлевой, Тарковский в присутствии Цветаевой прочел свое новое стихотворение:

Стол накрыт на шестерых —
 Розы да хрусталь...
 А среди гостей мой —
 Горе да печаль.
 И со мною мой отец,
 И со мною брат.
 Час проходит. Наконец
 У дверей стучат.

Нет, на самом деле за дверью никого нет. Это поэту чудится, будто близкий человек, давно ушедший из жизни, присоединяется к их застолью. Стихотворение — далеко не лучшее из того, что написано Тарковским. Но почему оно так разбередило душу Цветаевой, вызвало такой ураган чувств, что она тут же на него ответила?

Все повторяю первый стих
 И все переправляю слово:
 « — Я стол накрыл для шестерых...»
 Ты одного забыл — седьмого.
 Невесело вам вшестером.
 На лицах — дождевые струи...
 Как мог ты за таким столом
 Седьмого позабыть — седьмую...
 Невесело твоим гостям,
 Бездействует графин хрустальный.
 Печально — им, печален — сам,
 Непозванная — всех печальней...
 Никто: не брат, не сын, не муж,
 Не друг, — и все же укоряю:
 — Ты, стол накрывший на шесть — души,
 Меня не посадивший — с краю.

Чего в этих строках больше? Задетого самолюбия? Внезапно прорвавшейся гордости? Или обиды на того, кто посмел забыть, что существует Она, его Психея, бессмертная ее душа! Сколько подобных стихов — упреков Цветаевой уже написано! Многие адресаты давно забыты, а стихи живут! Казалось бы, и это стихотворение из того же ряда. Ничего подобного! Оно стоит особняком в творчестве Цветаевой. Не потому что лучшее. А потому, что ПОСЛЕДНЕЕ.

Сам Тарковский считал, что она написала это от обиды. «Укорила меня за то, что ее забыли, седьмую...»

Если следовать предположению Тарковского, то возникает вопрос: почему упрек Цветаевой дошел до него лишь через несколько десятилетий? Цветаева не из тех, кто носит камень за пазухой. Открытая, бесстрашная, прямая — вот черты ее характера. Так почему адресат стихотворения целых сорок два года ничего о нем не знал? Хотя, по его же словам, они продолжали с Цветаевой встречаться до самого ее отъезда в эвакуацию. Быть может, истинный адресат вовсе не Тарковский? Что, очередная тайна поэта? Нет, все гораздо проще — эти стихи адресованы не одному человеку, а всему человеческому сообществу, упрек которому копился в сердце поэта годами. Крик души. Мольба о помощи... Так или иначе, мы должны быть благодарны Тар-

ковскому за то, что он сумел в очередной раз дать импульс Цветаевскому дару, сподвигнуть ее за полгода до самоубийства на новый поэтический опыт, венчающий творчество самого великого, по утверждению Иосифа Бродского, российского поэта XX столетия.

Земле — земное

Стоял ноябрь 1988 года. В Доме творчества «Матвеевское» я мучился над дикторским текстом для фильма «Гибель Марины Цветаевой». Руководство телевидения фильм не принимало. Требовало исключить тему роковой роли в судьбе Цветаевой ее мужа Сергея Эфрона. Мы с режиссером сопротивлялись. Работа затягивалась. Информация о том, что Сергей Яковлевич — тайный агент НКВД, считалась закрытой. Хотя на Западе все было давно известно. Разоблаченный французской полицией Эфрон вынужден был спешно покинуть Францию. Остаться в эмиграции, будучи женой агента советской разведки, Цветаева тоже не могла. Так она оказалась в Москве...

В один из вечеров, отдыхая от работы, я смотрел в холле программу «Время». Внезапно дверь ближайшего номера распахнулась, и я увидел встревоженную пожилую женщину.

— Товарищи, мне нужна мужская помощь!

Озабоченное лицо женщины показалось мне знакомым. В следующий момент я узнал в ней Татьяну Алексеевну, жену Арсения Тарковского. Дверь в ванную была открыта. На полу между ванной и умывальником, упираясь подмышками в костыли, лежал Арсений Александрович. Рядом хлопотала дочь Тарковского Марина. (Свой пиетет перед Цветаевой он выразил, назвав дочь тем же именем). Втроем мы кое-как донесли его до кровати. Как странно, подумалось мне тогда, начинали фильм со встречи с Тарковским. Так же и заканчиваем. Какая-то мистическая закольцованность. Совсем в духе Цветаевой.

Уходя от Тарковских, я взглянул на кровать, где лежал замечательный российский поэт. Огромные глаза его были широко открыты. Я снова увидел в них ту глубокую отрешенность, которая поражала в его взгляде в первую нашу встречу. Увижу ли я его еще когда-нибудь, подумалось мне. Спустя пять месяцев,

27 мая 1989 года, Тарковского не стало. Да, природа забирает свое, земное. И оставляет то, что ей уже не принадлежит: Вечность поэзии.

Ни тьмы, ни смерти нет на этом свете.
Мы все уже на берегу морском,
И я из тех, кто выбирает сети,
Когда идет бессмертье косяком.

Близкие люди, в том числе и Арсений Тарковский, восприняли самоубийство Цветаевой как укор, требующий запоздалого покаяния. Снова и снова возвращался он к этой мучительной теме, воплощая в стихах раздумья о горькой доле великого человека, дружбу с которым подарила ему судьба.

Где твоя волна гремячая,
Душный, черный морской прибой,
Ты, крылатая, звезда падучая,
Что ты сделала с собой?

Шли целые десятилетия, а мотив покаяния продолжал беречь душу Тарковского:

Где божество мое, где ангел гнева
И праведности? Справа кровь и слева
Кровь. Но твоя, бескровная, стократ
Смертельней.
Я отброшен тетивую
Войны, и глаз твоих я не закрою.
И чем я виноват, чем виноват?

Так, из года в год, складывался цикл его замечательных стихов, посвященных Цветаевой.

*Роман Иосифа Бродского
с Вечной Женственностью
(история одного посвящения)*

В погожий июньский день 1996 года на венецианском кладбище Сан-Микеле — Острове Мертвых — хоронили знаменитого российского поэта, лауреата Нобелевской премии в области литературы Иосифа Бродского. Необычность происходящего состояла в том, что Бродский уже был похоронен в Нью-Йорке. Место на Сан-Микеле он купил сам буквально за несколько дней до кончины. Перезахоронение в Венеции вызвано было тем, что ни семья поэта, ни его ближайшие друзья, ни даже государства на уровне правительств никак не могли определиться, где же в конце концов должно находиться место последнего упокоения великого поэта. Приобретя когда-то участок на кладбище в Нью-Йорке, он вроде бы уже выразил свою волю. С другой стороны, всем известны ставшие хрестоматийными строки:

Ни страны, ни погоста
Не хочу выбирать.
На Васильевский остров
Я приду умирать.

И российские власти выразили готовность устроить Бродскому торжественные похороны на государственном уровне, как бы следуя его желанию и решившись на акт покаяния за своих предшественников, вынудивших поэта покинуть Родину. Были, однако, свои аргументы и у Венеции. Во-первых, жена Бродского Мария — итальянка. Во-вторых, сам Бродский безумно любил этот город. Из года в год, на протяжении двух десятилетий, он проводил здесь рождественские каникулы. Более того, проплывавая однажды на гондоле мимо острова Сан-Микеле, Бродский обронил фразу: «Вот было бы идеальное место, где я хотел бы лежать...»

Венец и я

Многолика муза поэта. Объектом его любви может стать, например, город. Подтверждение тому — сам Иосиф Бродский, безумно влюбленный в Венецию. Город, который он считал вершиной цивилизации: «Венеция сама по себе так хороша, что там можно жить, не испытывая потребности в иного рода любви, любви к женщине».

Иногда, вглядываясь в написание того или иного слова, вдруг обнаруживаешь, как оно трансформируется или распадается на части, обнажая в старом понятии новый смысл. Такая метаморфоза произошла со словом «Венеция», когда оно, при чтении Бродского, привиделось мне как «ВЕНЕЦ и Я». Как и для многих, в моем представлении стихи его являлись венцом современной поэзии. Мог ли я предположить, что когда-нибудь увижу носителя этого венца воочию, да еще в обожаемом им городе...

Двадцать первого октября 1995 года наша туристическая группа прибыла в Венецию. Заканчивалось недельное путешествие по Италии. На осмотр сказочного города оставался всего один день. Наш очаровательный гид, смуглая кареглазая венецианка с множеством браслетов на тонких запястьях, сразу сообщила, что именно Венецию избрал местом своего ежегодного паломничества знаменитый русский поэт Иосиф Бродский. Говоря это, она не скрывала радости, разделяя при этом и нашу гордость за изгнанного земляка. Более двух десятилетий, рассказывала венецианка, Бродский встречает здесь Рождество. Некоторые из ее друзей видели его на улице, даже разговаривали, но ей самой, увы, ни разу не повезло... Так как времени было в обрез, наше передвижение среди роскошных палаццо, ажурных фасадов и выгнутых мостов над каналами проходило в хорошем темпе. Мы с женой почему-то все время оказывались среди отстающих. Приходилось суетливо высматривать и догонять свою группу. Всякий раз это здорово пугало. Но гонка есть гонка. И она продолжалась. Внезапно — я не сразу понял, что произошло — резкая остановка, сбой. «Смотри... — застыв на месте, произносит моя жена. — Пьет кофе...» Я вижу каменную тумбу. На ней две чашечки кофе, небрежно сложенная газета... Рядом неспешно беседуют двое мужчин... Я смотрю на них

и не верю своим глазам. Перед нами Иосиф Бродский! Невероятно!.. Только что о нем говорили... Но где наша группа?.. Где гид?.. Мгновенное замешательство рассыпается радостными восклицаниями. Моя жена уже возле Бродского.

— Ой, это вы или удивительно похожи?

— На кого? — живо реагирует поэт.

— На самого себя! — вступаю в разговор и я, — то есть на Бродского.

Приложив палец к губам, он дает понять, что не хочет привлекать чужого внимания. Его собеседник, видимо, случайный, допивает кофе и деликатно ретируется. Мы остаемся с глазу на глаз с поэтом.

— Это какая-то фантастика! — сияет моя жена. — Попасть на один день в Венецию и сразу же встретить Вас!

Судя по улыбке и вниманию, с каким Бродский на нас смотрит, чувствуется, что настроен он благодушно.

— Но ведь октябрь... До Рождества еще далеко... — замечаю я, давая понять, что мы в курсе его пристрастий.

— Да... — уклончиво соглашается Бродский. — Но народу уже поменьше... Скоро несезон...

Радости нежданно-негаданного общения с замечательным поэтом мешала тревожная мысль... Ну вот. Теперь окончательно отстали. Заблудимся. Пропустим катание на гондолах... Стадное чувство сработало прежде, чем я успел что-либо сообразить. Попрощавшись с Бродским, мы мчимся искать своих. Выскочив на набережную, облегченно вздыхаем. Наша группа как раз рассаживается по гондолам...

Стадное чувство

Чем больше времени отделяет меня от той, давней встречи, тем горше мои сожаления о несостоявшемся, упущенном... Замечу — не Бродский прервал наш разговор, не он поспешил уклониться от встречи с заезжими земляками... Это мы сами — я и моя жена — оказались не способны вырваться из общего потока жадной до впечатления толпы и перевести свой бег в иное русло. Встреча с Бродским как будто давала такую возможность, но потребность оставаться в стаде пересилила...

Передо мной всплывают воспоминания из детства, из моей пионерской дали. Мне десять лет. Я — знаменосец. Шагаю впереди отряда, который должен приветствовать участников городской партконференции. Гордости моей нет предела. И вдруг, перед входом в зал, где заседают партийцы, меня выводят из строя и отбирают знамя. Кому-то из организаторов не нравятся мои брюки. Короткие, на манжетах чуть ниже колен, они отличаются от тех, что носят другие. На моих одноклассниках брюки обычной длины. А моей маме хочется, чтобы ее сын отличался от всех. Вот результат — я рыдаю в фойе, а весь отряд салютует в зале старшим товарищам... О, как мне тогда хотелось быть вместе со всеми...

Шестьдесят лет прошло с той поры, а я по-прежнему тот же пионер, теряющий почву под ногами, когда вдруг оказываюсь на обочине общественного потока и шагаю не в ногу... А как же Бродский? Он жил в то же время, в том же государстве, среди тех же людей. Может быть, послушаем, что он сам говорит об этом? «...Единственный способ для мальчишки восстать против своего жребия — сойти с рельсов. Сделать это было трудно — из-за родителей, из-за того, что ты сам страшишься неизведанного. А главное, потому, что будешь не похож на большинство». Он выбрал свой путь, который, хоть и через жернова Системы, все же вывел упрямого юношу к творческим вершинам. Большинство же топает лишь по проторенным дорожкам, панически боясь утратить чувство защищенности размеренного существования. Потому-то, наверное, тот счастливый случай в Венеции и обернулся НЕВСТРЕЧЕЙ... Через три месяца Бродского не стало. Он умер в своей квартире в Нью-Йорке, в возрасте пятидесяти пяти лет, едва закончив работу над последним сборником стихов под названием «Пейзаж с наводнением». Вскоре мне посчастливилось эту книгу приобрести... И вот я погружаюсь в сложный мир поэзии Бродского. Неожиданное открытие — дата одного из стихотворений совпадает со временем нашей встречи в Венеции.

...Здесь, где столько
пролито семени, слез восторга
и вина, в переулке земного рая
вечером я стою, вбирая
сильно скукожившейся резиной

легких чистый, осенне-зимний,
розовый от черепичных кровель
местный воздух, которым вдоволь
не надышаться, особенно — напоследок!

Так вот почему Бродский оказался там в неурочное время! Все, что он делал тогда, делалось НАПОСЛЕДОК. Бродский прощался. Спешил. Видимо, чувствовал: этот его приезд в Венецию — последний. Ждать он уже не мог. Боялся опоздать. Но не опоздал, а успел все вовремя. И завещание составил. И письма друзьям написал...

В каждом из нас Бог

Иосиф Бродский родился 24 мая 1940 года в Ленинграде. Природа наделила его особенным чутьем на фальшь. В семь лет он уже задается крамольным вопросом: почему школьные учебники, стены в классах, а также марки, деньги и Бог знает что еще «оккупированы» вездесущими изображениями Ленина? Время идет, а трудные вопросы не разрешаются. Они лишь накапливаются. В конце концов Бродский находит в себе мужество на первую серьезную акцию протеста — бросает школу. Шел 1955 год... Еще не был развенчан культ личности Сталина... Все жили по единому непреложному закону полного и безоговорочного подчинения Системе. А тут... Впоследствии Бродский скажет: «Из чувств, обуревавших меня в ту минуту, помню только отвращение к себе за то, что я так молод и столькие могут мной помыкать».

В восемнадцать лет Бродский пишет первые стихи. По тому времени — откровенно вызывающие. Ни коллективизма, ни высоких патриотических чувств... Вместо этого сплошная осанна индивидуализму. А если копнуть поглубже — вызов самой Системе.

Каждый пред Богом наг.
Жалок, наг и убог.
В каждой музыке Бах,
В каждом из нас Бог.

Самонадеянный молодой поэт провоцировал в умах своих поклонников нездоровый дух вольницы и откровенного пренебрежения установками партийной идеологии. В двадцать два года Бродский уже едва ли уже не самый популярный из когорты поэтов, отмеченных царственным вниманием самой Анны Ахматовой... «Заметили» крамольного стихотворца и «компетентные органы», призванные оберегать молодое поколение от чуждого влияния. После публикации подборки стихов в самиздатском «Синтаксисе» поэта впервые подвергают аресту. Власти полагали, что даже кратковременное пребывание в заключении навсегда отобьет у этого нахала охоту попасть туда во второй раз. Бродского строго-настроено предупреждают. Однако он и не думает следовать чьим-либо указаниям. Продолжает выступать в различных аудиториях, собирая полные залы восторженной молодежи. И тогда против него запускают хорошо отлаженный механизм травли — газетную истерию с требованием «общественности» принять меры против «зарвавшегося хулигана и тунеядца».

Многоопытные друзья вполне осознавали, чем грозит Бродскому затеянная против него компания. С трудом удается его уговорить на время покинуть город. Бродский укрылся в Москве, где в это время обитал его друг — поэт Евгений Рейн. Из той же четверки «ахматовских сирот», куда, кроме Рейна и Бродского, входили Дмитрий Бобышев и Анатолий Найман. Квартет солистов! Каждый из которых, выступая в двух ипостасях — друга и соперника, норовил перетянуть одеяло будущей славы на себя. Соревнуясь в творчестве, «ахматовские сироты» самоутверждались и в своих любовных достижениях. Тем более, далеко для этого ходить было не нужно. Так, Найман обрел свое счастье, уведя жену у лучшего друга — Жени Рейна. Бобышев тоже успел развестись и поглядывал в сторону Марины Басмановой, которая считалась невестой Бродского. Новый, 1964 год, тот встретил в Москве. Там-то он и узнал, что в его отсутствие Бобышев взял на себя заботу о Марине и, более того, провел с ней новогоднюю ночь. Не мешкая ни секунды, напрочь забыв о собственной безопасности, он рванул в Питер.

Посвящение «М.Б.»

Первые стихи Бродского с загадочным тогда еще посвящением «М.Б.» появились в 1962 году. Инкогнито этих инициалов давно раскрыто. За ними — Марина Басманова, главная и, может быть, единственная любовь поэта. Первые строфы, обращенные к ней, совершенно не предвещают того накала страстей, который вскоре возникнет в их отношениях.

Ни тоски, ни любви, ни печали,
ни тревоги, ни боли в груди,
будто целая жизнь за плечами
и всего полчаса впереди.

При всей своей пронзительности Бродский на этот раз ошибся. С Мариной Басмановой будет у него все — и любовь, и сердечная мука на целых три десятилетия, практически на всю оставшуюся жизнь... Большинство из тех, кто знал эту девушку, отмечают ее несомненную привлекательность. Стройная, высокая, с мягким овалом лица, темно-каштановыми волосами до плеч и зелеными глазами русалки, она буквально приворожила молодого поэта. Бродский восторгался ее талантом художника, музыкальной одаренностью. Образ Марины ассоциировался в его воображении с кранаховской Мадонной, одной из лучших картин Эрмитажа. Поэтесса Наталья Горбаневская, увидев Марину, поделилась с Бродским теми же ассоциациями. Иосиф был совершенно счастлив. «Я всегда говорил ей: ты — радость Кранаха!» — ликовал он. И вот эта «радость» ему изменила...

Грехопадение

Узнав о возвращении Бродского, Бобышев поспешил к нему с объяснениями. Никто не знает, о чем говорили бывшие друзья. Известно, что Бродский Дмитрия не простил, навсегда вычеркнул из списка своих знакомых. Но Марину он ждал. Жаждал увидеть. Никуда поэтому из Питера не уезжал. Четыре десятилетия спустя в своих воспоминаниях Бобышев представляет случившееся как инициативу Басмановой... Да, какое-то время он

был увлечен ею. Да, всем было известно, что Марина и Иосиф всегда появляются вместе. Но это с ее подачи скрытая доселе интрига их отношений всплыла на поверхность, была продемонстрирована открыто...

Теперь уже они — Марина и Дмитрий — выступили перед друзьями самостоятельной парой...

— А как же Иосиф? — якобы переживал за друга Бобышев — Мы с ним были друзья... Он даже считал тебя своей невестой?

— Я себя таковой не считаю, — будто бы успокоила его Марина.

Только после этого Бобышев возликовал: «Она свободна!»

Вернувшись в дом после прогулки по скользкой заледеневшей дорожке дачного поселка, новоявленные влюбленные присоединились к танцующим. От свечи, которую держала Марина, загорелась лента серпантина. Огонь устремился к занавескам. Зрелище будущего огня всех заворожило... Вскоре выяснилось, что девушка подохла не только занавески, но в ту ночь испепелила и собственные чувства к Бродскому. В образовавшемся любовном треугольнике Бобышев избрал для себя роль Адама, который, вкусив запретного плода и винась перед Богом, сваливал всю ответственность на Еву. «Она дала мне плод, и я его ел...» Свое предательство он пытается подсластить обещанием поддержать Бродского «граждански». То есть в его противостоянии с властями.

Друзья снова уговаривают Иосифа уехать из города. Помощь в устройстве на работу предлагает Анна Ахматова. Но Бродский невменяем. Он будто в прострации... Со стороны его поведение могло показаться безрассудным. На самом деле он ужасно страдал. Переживал измену возлюбленной как глобальную катастрофу. Еще бы! Ведь увел ее близкий друг. И это двойное предательство — друга и любимой женщины — затмило для него все остальное, в том числе угрозу готовящейся властью расправы... Тринадцатого февраля 1964 года Бродского арестовали. Впоследствии ему хватило чувства юмора на то, чтобы дать оценку сложившейся ситуации: «На любовный треугольник наложился квадрат тюремного окна...»

Прощальная ода

Двухнедельное пребывание в психушке сменилось судебным процессом, которому предстояло войти в историю мировой поэзии как «Дело Иосифа Бродского». Поэта, признанного советским правосудием тунеядцем. Поглощенный мыслями о Марине, пытаясь понять причину ее ухода, Иосиф, похоже, даже не замечает изменения своего социального статуса. Ну, арестовали... Ну, приговорили... Ну, отправили в ссылку... Какое это имеет значение, если душа переполнена совсем другим, по-прежнему ищет, окликает возлюбленную. «Где ты! Вернись! Ответь!»... Сердечные страдания выплескиваются на бумагу. «Прощальная ода», в которой Бродский оплакивает свою судьбу, полна религиозной патетики и горького признания неизбежности любовных утрат. Под его пером возникает нечто былинное — плач по «уснувшей» красавице. А протяженный элегический размер стиха подчеркивает несовпадение с нервными ритмами современности:

Боже, услышь мольбу: дай мне взлететь над горем
 Выше моей любви, выше стенания, крика.
 Дай ее разбудить! Нет, уж не речью страстной!
 Нет! Не правдой святой, с правдою чувств совместной!
 Дай ее разбудить песней такую же ясной,
 Как небеса твои, — ясной, как свод небесный!

Поэты — народ не только ранимый, но и гонимый. Традиция, восходящая еще к Овидию... Иногда кажется, будто разрыв с эпохой запрограммирован в их душах буквально с младенчества. Элегия (в переводе с греческого — жалоба) — поэтическая форма самооплакивания, в которой слились воедино художественный опыт и биография. Поэзия утрат, разрыва с возлюбленной, жалоб на судьбу, переходящих в плач по ушедшему... Чувства элегика напряжены до предела, часто гипертрофированны. Жалоба превращается в стенание. Разрыв с эпохой — в крушение цивилизации... Будучи гоним, элегик всегда одинок, и это одиночество едва ли не самая главная (метафизическая) его опора в поиске собственной сущности. Именно изгнание освобождает поэта-элегика от каких-либо

пут и дарует ему свободу. Тогда как связь с любой иерархией ценностей может означать утрату собственного «Я», потерю индивидуальности.

Дух дышит, где хочет

Ссылка в глухую архангельскую деревушку — Норенскую, где Бродский согласно приговору суда должен был провести долгих пять лет, стала для него временем вдохновения и творческих озарений, когда одна за другой создаются блистательные элегии с тем же посвящением — М.Б.

Я одинок. Я сильно одинок.
 Как смоква на холмах Генисарета.
 В ночи не украшает табурета
 Ни юбка, ни подвязки, ни чулок.
 Ища простой женоподобный холм,
 зрачки мои в анархии бессонной
 бушуют, как прожекторы над зоной,
 от мужеских отталкиваясь форм.

Могли ли столь чувственные и откровенные призывы остаться без ответа? Какими средствами коммуникации пользовался Бродский, пытаясь достучаться до сердца бывшей невесты? Почтой? Телефоном? Или — друзьями, во множестве бывавшими у него и немедленно наладившими мост связи между Норинской и Ленинградом? Или же слово поэта вознеслось до небес, дошло до самого Всевышнего? Произошло чудо... В один прекрасный день пред очами опального Бродского появилось видение. Воскресшая из долгого небытия Марина Басманова... Впоследствии, став уже нобелевским лауреатом, Бродский неоднократно говорил, что ссылка в Норенскую оказалась для него едва ли не самым счастливым временем в жизни. Уж не потому ли, что часть срока, отмеренного ему судом, возле него находилась любимая женщина?

Счастье с Мариной, однако, было своеобразным. «Чем тесней единенье, тем кромешней разрыв...» Кажется, повторялось то, что происходило на заре их любви. Светлые, счастливые дни вдруг

сметались ураганом взаимных обвинений, упреков. Мучительные выяснения отношений доводили впечатлительного молодого человека до мыслей о самоубийстве. Но потом все успокаивалось, сквозь тучи снова проглядывало солнышко... Впрочем, в настоящей любви так ведь и бывает. Ссоры... Сближения... Страсть... Главное — соотношение этих состояний. И совместимость натур... Находиться рядом с поэтом дано не каждому. Возможно, Марина не выдерживала напряженности душевной жизни Бродского. Наверняка, и это тоже можно понять, она хотела обыкновенного женского счастья. Он же предлагал Вселенную — со всей неразрешимостью вечных ее вопросов. Поэта волнует незащищенность Пространства, а значит, и человека перед натиском поглощающего его Времени... Можно ли этому натиску противостоять? Выводы Бродского неутешительны: мир обречен, а человек тем более. Вот откуда гнетущее предощущение разрыва — не только с любимой женщиной, но и с эпохой, вообще с пространством самого бытия.

Пусть же в сердце твоём,
как рыба, бьется живьем
и трепещет обрывок
нашей жизни вдвоем.

Объективно никаких показаний на счастливую совместность у Бродского и Басмановой не было. Видимо, она трезво оценивала свои перспективы, даже несмотря на рождение сына. И хотя стараниями таких корифеев отечественной культуры, как Чуковский, Маршак, Анна Ахматова, Бродского удалось досрочно освободить, она все-таки опять от него уходит. Благородный Бобьшев готов принять Марину даже с чужим ребенком... Бродский снова один. Вернее, наедине со своей Поэзией. Вот здесь он — полновластный хозяин. И потому в его стихах по-прежнему живет та, на кого он продолжает молиться. Ни диссидентских, ни антисоветских стихов Бродский не пишет. Остается принципиально вне политики, хотя мировая общественность по-прежнему воспринимает Бродского как жертву тоталитаризма. А «компетентные органы», те самые, которые гнобили поэта в психушках и тюремных камерах, ныне пытаются его приручить, обещая содействовать бесцензурной публикации любых его произведений. За это

от него потребуются небольшие услуги. Бродский понимает все сполуслова. У него встречное предложение — для начала присвоить ему звание капитана КГБ. Полковник, ведущий беседу, едва сдерживает ярость.

— Мы думали, что имеем дело с более умным человеком...

Далее следует жесткое указание — немедленно собирать вещи для выезда из страны. В случае отказа в ближайшем будущем для Бродского наступит «горячая» пора. Он прекрасно знает: это либо дурдом, либо тюрьма... Как говорится, хрен редьки не слаще. Выбора нет. Бродский срочно пакует чемоданы, в основном книги.

Попытка мести

Местом постоянного проживания поэт избирает Америку. Самое тяжелое в отведенные ему на сборы десять дней — обрубание корней. Прежде всего с родителями... В то время люди расставались без надежды когда-либо снова увидеться. Прощались навечно. Будто хоронили друг друга... Сам Бродский это изгнание объяснял так: «Человек, решивший создать свой собственный, независимый мир внутри себя, рано или поздно непременно становится в своем обществе инородным телом, а затем объектом давления физических законов сжатия и вытеснения».

Проститься с Мариной ему не довелось. Отношения окончательно зашли в тупик. Но Басманову он не забывал. Загадка ее женского обаяния не отпускала. Время показало — окончательно изжить зависимость от этой женщины Бродскому так и не удалось. Стоило представить ее лик, грацию, манеру двигаться, говорить, одеваться... Жесты, голос, волосы... Наконец, ее тело... Чувства Бродского все более и более напоминали улицу с односторонним движением. Это удручало, злило, снова доводило до отчаяния... Поэта не покидала надежда, что переселение в Америку освободит его наконец от пагубной привязанности.

Тем верней расстанемся,
 Что имеем в виду,
 Что в Раю не сойдемся,
 Не столкнемся в Аду.

Бродский не подозревает, что и десятилетия спустя, обретя в Америке такую славу и почет, каким не обладал ни один поэт современности, он будет, как мальчишка, рыдать от бессилия хоть на миг вернуть свое прошлое. За два десятилетия, начиная еще до переезда в Америку, у Бродского сложится целая книга стихов с одним посвящением — М.Б. Он так и назовет сборник: «Стихи к М.Б. 1962—1982». Это — целый роман, в котором запечатлено движение Времени — от первых, ничего не обещающих четверостиший, до: «Я был только тем, чего ты касалась ладонью...» Казалось бы, точка поставлена. Книга выпущена. Чувства исчерпаны... А через семь лет вдогонку изданному появляется новое стихотворение все с тем же посвящением. Глубокая обида на Марину не исчерпана. Теперь она носит демонстративно издевательский характер.

На скромную твою Помпею
Обрушивается мой Везувий
Забвения: обид, безумий,
перемещения в пространстве, азий,
европ, обязанностей; прочих связей
и чувств, гонимых на убой оравой
дней, лет и прочая. И ты под этой лавой
погребена...

Прощай, подруга.
Я позабыл тебя. Видать, дерюга
небытия, подобно всякой ткани,
к лицу тебе...

Спустя еще три года Бродский адресует Марине новое прощальное стихотворение. Издатели отказывались его печатать — так о женщине, пусть даже и любимой в прошлом, не говорят. Но Бродский настоял.

Четверть века назад ты питала пристрастье
к люля и к финикам,
рисовала тушью в блокноте, немножко пела,
развлекалась со мной; но потом сошлась
с инженером-химиком
и, судя по письмам, чудовищно поглупела.

Бродский мстит своей возлюбленной. Неужели не понимает, как выглядит эта его запоздалая месть? Но не будем торопиться с выводами. Бродский не был бы самим собой, если бы остановился на этом.

Счастье

В январе 1990 года на лекции в Сорбонне он увидел среди своих студентов Марию Соццани. Юная итальянка русского происхождения, она словно сошла с полотен великих мастеров Возрождения. Нежданное счастье осуществилось — 1 сентября Иосиф Бродский и Мария Соццани поженились. Через два года у них родилась дочь — хрупкая Анна Александра, по-домашнему просто Ньюха... Близкие друзья Бродского утверждают, что пять лет с Марией были для него счастливее, нежели предыдущие пятьдесят. И вот в это самое благословенное время из-под пера поэта появляется стихотворение с прежним, казалось бы, уже давно канувшим в прошлое посвящением — все той же М.Б. Оно явно знаковое — написано в день Рождества Христова 25 декабря 1993 года.

Что нужно для чуда? Кожух овчара,
шепотка сегодня, крупица вчера,
и к пригоршне завтра добавь на глазок
огрызок пространства и неба кусок.
И чудо свершится...

А если ты дом покидаешь — включи
звезду на прощанье в четыре свечи,
чтоб мир без людей освещала она,
вослед тебе глядя, во все времена.

Неужели чувство к Марине Басмановой оказалось так и не изжитым? Или, может быть, стихотворение имеет другого адресата? Жену — Марию Бродскую? Ведь ничего подобного в прежних посвящениях М.Б. не было. Там — почти всегда трагическое предвестье грядущих утрат, а здесь — вера в чудо...

Выручает литературная аналогия. Семьсот лет назад итальянский поэт Данте Алигьери создал цикл лирических посвящений своей возлюбленной Беатриче. Сюжет этой книги поразительно созвучен любовной истории Иосифа Бродского и Марины Басмановой. Вместо счастья любовь доставляет Данте острую боль. Страдания его столь глубоки, что он, ради спасения, внушает себе одну мысль: «Беги ее иль смерть познаешь ты». Гибель, однако, наступает не его, а возлюбленную. В неутешном своем горе поэт вдруг находит новый смысл любви — благоговейное созерцание совершенства, вечную хвалу вечной женственности, которая преобразуется в божественную Мадонну и ведет к духовному обновлению. Стихи, посвященные несравненной Беатриче, Данте так и назвал — «Новая жизнь». То же просветление, вероятно, пережил и Бродский. Встреча со своей Мадонной открыла ему новый взгляд на любовь, вознесла до понимания ее как божественной благодати, которая призвана облагородить душу...

Загадка кладбища Сан-Микеле

... Ритуал погребения затягивался. Странные явления сопровождали церемонию. Гроб с телом Бродского раскололся. Пришлось искать новый. Православная церковь не разрешила хоронить его на русской стороне кладбища. Место нашлось только рядом с могилой поэта Эзры Паунда, сотрудничавшего с фашистами. Прямо скажем, соседство для Бродского не из приятных... Создавалось впечатление, будто некая таинственная сила противится погребению российского поэта в итальянской земле. Не больше ли подходил для этого родной Васильевский остров? А, может быть, время Бродского для нас еще не наступило? Потому-то и лежать ему не там, где родился, а в Венеции, на острове Сан-Микеле... Будем надеяться, что роман Бродского со своим Отечеством еще не закончен.

Фараджев В.Л.

Ф 24 Мозаика сценариста. М.: Издательство «Весь Мир», 2015. – 256 с.

ISBN 978-5-7777-0652-2

Владимир Фараджев – сценарист, лауреат многочисленных премий, полученных за документальные и короткометражные фильмы на всесоюзных и международных кинофестивалях. В книге собраны рассказы о забавных и неожиданных ситуациях с участием как рядовых сотрудников ТВ, так и знаменитостей (Анастасии Цветаевой, Арсения Тарковского, Аркадия Райкина, Иосифа Бродского, Сергея Лемешева и др.). Искренность повествования в сочетании с теплым юмором вызовет интерес у широкого круга читателей.

УДК 82-32, 821.161.1

ББК 84(0)6

ВЫШЛА В СВЕТ

Махлис Л.С. Шесть карьер Михаила Александровича. Жизнь тенора. М.: Издательство «Весь Мир», 2014. — 624 с.: илл., вкл. + CD.

Почитатели таланта лауреата Сталинской премии певца Михаила Александровича, посещавшие концерты и слушавшие оперные арии и неаполитанские песни в его исполнении по радио в 1940–1960-е гг., конечно, не знали об удивительной жизненной и творческой истории своего кумира. Вундеркинд, в 9-летнем возрасте начавший свою певческую карьеру в довоенной Риге, Александрович еще в детстве получил международную известность. Став взрослым певцом, увлечение оперным пением он сочетал со службой кантором в синагогах Манчестера и Каунаса. Когда Латвия стала частью Советского Союза и началась война, Александрович в составе концертных бригад постоянно находился на фронте — на Кавказе, на кораблях Балтийского флота и в осажденном Ленинграде. Успешная карьера советского певца закончилась, когда Александрович в начале 1970-х гг. решил эмигрировать в Израиль. Добившись разрешения на выезд, он продолжил активную концертную деятельность в Израиле, США, Германии и других странах мира, а в конце 1980-х вновь стал приезжать с концертами в Советский Союз.

Уникальная по длительности и успешности певческая карьера, секреты его творческого долголетия раскрыты в первой в мировой литературе биографии знаменитого артиста, написанной его зятем и журналистом Л.С. Махлисом. Книга снабжена большим числом иллюстраций и включает CD с наиболее известными и характерными для певца записями арий, песен и молитв в его исполнении.

Спрашивайте в книжных магазинах и другие издания издательства «Весь Мир». **Заказывайте** эти книги в интернет-магазинах или через сайт издательства «Весь Мир»
www.vesmirbooks.ru

Владимир Львович Фараджев

Мозаика сценариста

Редактор: *В.А. Демьянович*
Художественное оформление: *В.Ю. Яковлев*
Верстка *Н.А. Кузнецовой*

Подписано в печать 04.12.2014 г.
Формат 60х90^{1/16}. Объем 16,0 п.л. Тираж 1000 экз.
Заказ № 6718.

ООО Издательство «Весь Мир»
125009, Москва, ул. Моховая, 11, строение 3 «В».
Тел./факс: (495) 276-02-92
E-mail: info@vesmirbooks.ru
<http://vesmirbooks.ru>

Отпечатано способом ролевой струйной печати
в ОАО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор» 142300,
Московская область, Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
Сайт: www.chpd.ru. E-mail: sales@chpd.ru
Тел./факс: 8(496)726-54-10

ISBN 978-5-7777-0652-2

9 785777 706522

Владимир ФАРАДЖЕВ – сценарист, лауреат многочисленных премий, полученных за документальные и короткометражные фильмы на всесоюзных и международных кинофестивалях. В книге собраны рассказы о забавных и неожиданных ситуациях с участием как рядовых сотрудников ТВ, так и знаменитостей (Анастасии Цветаевой, Арсения Тарковского, Аркадия Райкина, Иосифа Бродского, Сергея Лемешева и др.). Воспоминания особенно подкупают искренностью повествования и теплым юмором.